

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXVII

АЛЬМАНАХ

РИГА

2018

ΦиАМ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2018

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

Реальность христианства

Вот уже 27 лет выходит наш альманах «ХΡΙΣΤΙΑΝΟС», что в переводе с греческого языка на русский означает христианин. То есть, можно догадаться, что это издание адресовано христианам, и в нем рассказывается о них, или о чем-то, связанном с ними. И даже, если кто-то впервые открывает альманах и не понимает, что значит это слово на обложке и на титульном листе, и что под ним изображена хризма – монограмма имени Христа, то первое, что он видит, это неизменный текст, являющий собой эпиграф-кредо, предвещающий каждый номер. Из кредо читатель узнает, чему посвящён альманах, и что «...особенно значима для нас жизнь христиан нашего времени...». Подтверждение этому можно найти в каждом выпуске альманаха.

Но в «ХΡΙΣΤΙΑΝΟС-XXVII» разговор идет об истоках, корнях, началах – и христианства и христиан. Что это за явление – христианство, откуда оно пришло, и кто такие христиане, когда возникли и откуда взялись?.. Когда появилось это слово, какова его этимология?.. Что вызвало его к жизни?..

«Пока приверженцы казненного в Иерусалиме около 30 г. галилейского проповедника Иисуса не покидали пределов Палестины, у них не было ни малейшей нужды в каком-то особом самообозначении. Ведь они, вспомним это, вовсе не собирались “основывать” новую религию, а себя считали наиболее верными из иудеев, сумевшими узнать и признать Мессию, когда Он, наконец, явился. В своем кругу, среди своих всё было просто: друг для друга они *братья*, в общем отношении к Учителю – *ученики*, для враждебно настроенных раввинских авторитетов – *отщепенцы* (евр. *миним*).

Но вот когда ареал их проповеди, распространяясь на север, дошёл до столицы на Оронте, тут для них понадобилось какое-то более общезначимое, более похожее на термин наименование, которое выражало бы их место среди чужих,

в широком мире, фиксировало статус движения наряду с другими движениями, религиозными или еще какими-то. Как свидетельствует новозаветный текст, «ученики в Антиохии впервые стали называться “христианами”» (Деян 2:26). Путь из тихой Галилеи, даже из Иерусалима в Антиохию, это – путь от *ученика* к *христианину*. Что христиане называются с тех пор христианами, до того привычно для нас, что взгляд наш ленится схватить характерную физиономию слова, уже два тысячелетия входящего в номенклатуру мировых религий.

Но полезно задуматься над тем, например, что слово это построено по образцу и подобию ходовых политических терминов римско-эллинистического мегасоциума (греч. *Kaisaríanos* – человек партии Цезаря, *Christianos* – человек партии Христа). [...]

Но что мы хотим подчеркнуть, так это идейную, национальную и эмоциональную нейтральность термина *christianos*, отсутствие в нем какой-либо “почвенной” или специфически сакральной, “духовной” окраски¹.

Эта цитата из первого альманаха важна сегодня не менее, чем тогда – мы ею «оправдывали» название, которое для нас было определяющим. Это было основанием, с которого «Христианос» начал свой путь. И Сергей Сергеевич Аверинцев был с нами на этом пути.

Сегодня мир не только «во зле лежит», но буквально захлёбывается злом, отрицая добро, любовь, саму мысль о Боге.

И нам показалось, что сейчас самое время попытаться взглянуть на современное христианство, на Церковь, вспомнить о корнях, питающих нас, попробовать стать *учениками*, отбросив все, что этому мешает. И – сквозь дым и кризис – заново открыть реальность христианства.

*Редакционный совет
альманаха «Христианос»*

¹ Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. // «Христианос-1». Рига: ФИАМ, 1991. С. 3–4.

ХРИСТИАНСТВО И МИР

Владимир Френкель

ХРИСТИАНСТВО И НОВЫЙ ВЕК

1

*Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век...*

А. Блок

Какой только век не называли жестоким! А упомянутый девятнадцатый нам сейчас кажется если не спокойным (были там и революции, и войны), то, по крайней мере, относительно человеческим, цивилизованным и даже гуманным. По сравнению с двадцатым веком, конечно. Не думаю, что двадцать первый век будет лучше. Он ведь начался со знакового события: мегатеракта 11 сентября – знака хорошо обдуманного и спланированного наступления антихриста на христианскую цивилизацию. И наступление это идет всё успешнее, хотя бы потому, что христианская цивилизация давно уже перестала быть христианской, под разлагающим влиянием постмодернизма и прочей политкорректности, где нет места не только истине, а прежде всего – Истине, которая есть Христос.

Но еще в девятнадцатом веке Достоевским был задан вопрос: «Можно ли верить, быв цивилизованным?». Ох уж этот Достоевский, великий писатель и великий провокатор, специалист по неудобным вопросам... Хотя этот вопрос можно было бы считать несколько наивным, не более. Ну в самом деле, разве страдает вера, у кого она есть, от нашей технократической цивилизации?

Вера – это другое, о другом, о жизни вечной, о душе человеческой. Мы как-то забыли, что Христос пришел именно в цивилизованную страну того времени – Римскую империю, пусть и на ее окраину, и именно цивилизованность этого городского, в основном, мира отличала его от варварского.

Нет, не цивилизация, что античная, что современная, противостоит вере и может ее разрушить. Хотя размывание, разрушение веры сейчас у всех на виду. Но меньше всего я хотел бы предсказывать, что будет с христианством, с Церковью в двадцать первом веке. Хотя бы потому, что история вообще непредсказуема, и никакие предсказания не сбываются, что, впрочем, почему-то никогда не смущает футурологов, т.е. предсказателей. Они продолжают уверенно предсказывать.

Но я не хотел бы предсказывать и по другой причине. Что, собственно, предсказывать, о чем речь? Христианство в двадцать первом веке? Но христианство, Церковь в любом веке – те же, не меняются. Потому что христианство – это не «учение», Церковь – не «общественная структура» и даже не «община». Христианство – это Христос, Он же – во главе Церкви, Он – тот же и единственный во все времена. В Символе веры мы читаем не об «учении» Христа, а о Его явлении в мир, смерти и Воскресении. Вот это – основа веры и Церкви, и меняться тут нечему. Церковь часто обвиняют в консерватизме, но она должна быть консервативной, чтобы не потерять своего основания, своего Основателя, в угоду преходящим учениям мира сего. Церковь может болеть и болеет самыми разными болезнями, но даже говоря об этих болезнях и обличая их, следует нам, христианам, помнить, что Церковь – не общественное

учреждение, в основании своем она неизменна, поскольку, как и ее Основатель и Глава – не от мира сего.

Правильнее было бы сказать не о христианстве в новом веке, а о христианах, о называющих себя христианами, о том, насколько храним или не храним бесценный и не заслуженный нами Дар. Но и здесь я не хотел бы предсказывать, а лишь пунктиром обозначить наши проблемы и печали, которые, конечно, не в новом веке появились, пришли из прошлого века или еще ранее.

2

*Не стоит прогибаться
под изменчивый мир...*

А. Макаревич

Глава Католической Церкви Латвии, архиепископ Збигнев Станкевич, в интервью, данном на Латвийском радио 23 декабря 2017 года, сказал среди прочего следующее:

– Я был удивлен, получив праздничные открытки от послов западных стран, всё чаще в них пишут Season Greetings – сезонные поздравления! Там нет слова «Рождество». Но от послов двух мусульманских стран я получил именно рождественские поздравления – Объединенных Арабских Эмиратов и Азербайджана. В тех странах, где говорят, что Рождество кого-то может оскорбить, знают, что сами мусульмане проявляют уважение к нам? Отсюда и вопрос: какую Латвию мы хотим и какую Европу? Такую, где боятся задеть нерелигиозные чувства атеистов, или Латвию, где каждый может быть самим собой и не стесняться выражать свои убеждения?

Да, архиепископ затронул весьма существенную европейскую проблему. Я тоже часто видел такие «рож-

дественские» открытки, где слово «Рождество» не упоминается! Почему? Не потому, чтобы не задеть чувства атеистов (в этом архиепископ ошибается, атеистам это всё равно), а чтобы не оскорбить нежные чувства мусульманских мигрантов, буквально заполонивших Европу в последние десятилетия. Да, послы традиционных мусульманских стран могут поздравить христианина, именно в силу традиции, с Рождеством, не боясь этого слова и не поступаясь при этом собственной верой. Но не так ведут себя в Европе мусульманские мигранты. Их «оскорбляет» решительно всё: соборы, кресты, христианские праздники, колокольный звон, самые невинные европейские обычаи, связанные с христианством, и конца их обидчивости и претензиям не видно. При этом сами они ведут себя в Европе, как хозяева в завоеванной стране, так, как они не посмели бы вести у себя дома, особенно в отношении женщин.

Но, конечно, проблема на самом деле не в мигрантах и даже не в исламе. Проблема – в самих европейцах, потерявших не только свою веру, но и элементарное чувство собственного достоинства, не говоря уж о рыцарстве, вменяющем мужчинам обязанность защищать своих женщин и детей. И променяли они это всё на трусливую уступчивость и угодливость перед любой наглостью. И самое худшее – именно это они и считают «христианством». Когда начался поток т.н. «беженцев» в Европу (а на самом деле – армии вторжения), я с величайшим отвращением видел по телевизору демонстрантов с плакатами, обращенными к этим «беженцам»: «Добро пожаловать!», «Мы вас любим!». Небось, эти демонстранты всерьез считали себя христианами. Но нет ничего более нехристианского и антихристианского, чем эта «любовь» напоказ, перед телекамерами, чем

фарисейское благочестие, которое есть гордыня, служба сатане. Нет, конечно, христианин не должен проповедовать ненависть. Но не забудем, что христианская любовь — это любовь к ближнему, а не дальнему, любовь к конкретному человеку и прежде всего к своему согражданину, соседу, а не абстрактному «страдальцу». И что грех надо отделять от грешника, и грех называть своим именем, а не любоваться им и не потворствовать ему.

Мне хотелось бы напомнить очень давнюю историю. Как последователь Достоевского, я тоже люблю задавать неудобные вопросы. Среди них такой: почему в древнем Риме преследовали христиан, да еще с такой яростью? Нет, речь не о римской черни, которая, как всякая чернь, невежественна, полна предрассудков, вечно ищет, на ком сорвать свою ярость. «Христиан — ко львам!» — вот ее лозунг во все времена, если случается беда и надо найти виновного. Только слово «христиане» может заменяться другим, каким угодно.

Но речь не о них. Речь о властях Римской империи. Именно они преследовали христиан безотносительно к чему бы то ни было. И в невежестве их не обвинишь: римские интеллектуалы, как Сенека, Тацит, император Марк Аврелий были людьми образованными. Но все они писали о христианах с ненавистью и презрением, а власть имущие с ожесточением их преследовали. Почему? Почти ни от кого я не получал правильного ответа. Обычно говорили о преследовании за веру, за измену римским богам. Но так говорить — значит стилизовать Античность под Средневековье, действительно отличавшееся религиозной нетерпимостью. Нет, Римская империя была веротерпимой, там процветали десятки самых различных религиозных культов, и никто не запрещал молиться своему богу или богам своего

племени или полиса. Культ Юпитера, римских богов был имперским культом, но это вовсе не значит, что все подданные римского императора должны были исповедовать этот культ и никакого другого. Это естественно для языческого многобожия: раз богов много, то и культов этих богов много, и естественно, что люди молятся тем богам, которым молились их предки.

Нет, христиан, как ни странно это звучит, преследовали не по религиозной причине. В Римской империи всё же был культ, обязательный для всех: это почитание статуи императора. Ведь умерший император, по верованию римлян, становился богом, а живой – богом станет в будущем. Собственно, это был просто обряд, подтверждающий гражданскую лояльность, только и всего. Для язычника здесь не было проблемы: язычество не исключает поклонения чужому богу, по необходимости. Можно было и не верить в этот культ, соблюдая его как формальность. Ну, как в поздние советские времена надо было показать верность идеологии, хотя в эту идеологию уже почти никто не верил.

Но вот христиане именно этого делать не могли – ведь это было бы идолопоклонство! Нет, они не были бунтовщиками, были верны империи и императору, но поклоняться ему как богу не могли. Предпочитали пытки и смерть. Так что формально их преследовали не за веру, а за гражданское неповиновение. А ведь если бы они поступили политкорректно, не «оскорбляя» чувства римлян, формально исполнив обряд перед статуей императора, то потом могли идти молиться своему Иисусу, и никто бы их не тронул. Но... они хорошо усвоили, что надо слушаться Бога более, чем человек, поклоняться только единому Богу, и изменить своей вере не могли. В современной Европе, где даже слова

«Рождество» не могут произнести, чтобы кого-то не обидеть, их бы явно не поняли. Да, не стоит прогибаться под изменчивый мир, но это «прогибание» стало сейчас чуть ли не признаком «христианства». А на самом деле – европейского либерализма, лишаящего Европу ее христианских корней и исторической памяти. Неужели это и будет знаком нового века?

3

«Иерусалим, Иерусалим!..»

7 июня 1099 года войско рыцарей-крестоносцев достигло Иерусалима, находившегося под владычеством ислама уже с VII века. Это был 1-й крестовый поход. Призыв к крестовому походу прозвучал в 1095 году в проповедях Папы Урбана II. А инициатором этой идеи был византийский император Алексей I Комнин, обратившийся к Папе, т.е. к христианскому Западу, с просьбой о помощи против агрессии мусульман, угрожавших Византии. Заметим, что произошло это уже после формального разрыва Восточной и Западной Церкви, но это никак не помешало христианам увидеть общую для них опасность.

Итак, 7 июня крестоносцы подошли к Иерусалиму. Позади были походы и битвы с мусульманами в Малой Азии, взятие Антиохии и много еще чего, и доблестного, и дурного. И вот, подходя к Иерусалиму, крестоносцы в религиозном порыве пали на землю и горячо молились перед святым городом. После этого попытались взять город штурмом, но неудачно. Началась осада. В процессе этой осады, кроме военных действий, 8 июля был и крестный ход вокруг города, под его стенами, с пением

псалмов и горячей молитвой. Может быть, рыцари думали, что стены Иерусалима падут, как некогда стены Иерихона? Но не пали, и город всё же пришлось брать штурмом. Этот штурм продолжался два дня: 14 и 15 июля 1099 года. Крестоносцы овладели городом. И что же дальше? А дальше в городе началась страшная резня, шедшая три дня. Рыцари занялись убийством всех подряд жителей города, мусульман и евреев, не говоря уже о грабеже.

Как это всё оценить? Проще всего – осудить, посчитав кощунством соединение молитв с убийствами и грабежом. И вот уже в наше время Католическая Церковь только и делает, что кается перед Востоком за жестокость крестовых походов. Правда, с другой стороны, т.е. со стороны мусульманского Востока, мы никогда не слышали ни слова покаяния перед христианской Европой, и тем более перед христианским Востоком. (И никогда не услышим.) А ведь им есть в чем каяться. Хотя бы в том, что жестокость исламских завоеваний и вообще исламского правления намного превышала жестокость крестоносцев. И тем более – в том, что исламское завоевание христианского Востока – северной Африки, Палестины, Сирии, Междуречья, а затем Греции и Балкан – привело в ничтожество и подчиненное состояние цветущие ранее богопознанием и святостью христианские общины. Христиане в завоеванных исламом странах, наряду с евреями, стали «зимми» – бесправными париями, которым мусульмане позволяли существовать, пока те признавали свое подчиненное положение и пока мусульмане считали нужным сохранять это положение. В противном случае были массовые убийства и изгнания. Так что не надо рассказывать либеральные сказки о веротерпимости мусульманского Востока, в отличие от средневековой Европы.

Да, веротерпимостью средневековая Европа не отличалась, там и слова такого не знали. Да, крестоносцы, и не только они, но и вообще христианская Европа, не миновали дикости, варварства и преступлений. Всё это так, и это должно быть не только не забыто, но и осуждено. Но всё же не будем спешить с осуждениями. Дикость и варварство процветали на всем пространстве Евразии, у всех народов, независимо от того, какие религии они исповедовали. Но не забудем, что только в христианской Европе это могло быть хоть частично преодолено, именно там появились и демократия, и либерализм, тот самый, что теперь хочет покончить с христианством в Европе, забыть о нем. И что на исламском Востоке ни демократия, ни либерализм никак не могут появиться и прижиться. И что рецидивы варварства в Европе в XX веке произошли именно вследствие отказа от христианства. Что-нибудь это же значит?

А главное — это то, что при всем своем варварстве и дикости крестоносцы могли пасть на землю и молиться перед святым городом, со слезами и покаянием. Что они не забывали то, «единое на потребу», что превыше всех войн, политики, их собственных темноты и дикости. Не забывали о Христе. Нам бы их веру.

4

*Мне нечего сказать
Ни греку, ни варягу...*

И. Бродский

Обратимся к более приятным вещам. Например, к поэзии. Мне попалось любопытное интервью поэта Ольги Седаковой (журнал «Русский репортер» № 13, 2 апре-

ля 2012). Седакова – замечательный поэт. Православная христианка, о чем не забывает напоминать, что, на мой взгляд, подлинному православному всё же делать не следует. Я навсегда запомнил, как один из священников, наставлявших меня, пылко неофита, немалое количество лет назад, сказал строго: «Православие – не дубина, не надо им размахивать».

Так вот, в этом интервью наивная журналистка упомянула Бродского, что Седаковой явно не понравилось. Вот как это произошло.

– Принято утверждать, что вы – единственный поэт после Бродского.

– Я думаю, что и перед! – невинно поднимает брови Седакова. – Я не очень люблю Бродского. Он же такой закрывающий поэт. А оснований для такого закрывания у него не очень много. Нужна новизна, но новизна неформальная. Он всё время говорил про язык, а дело, конечно, не в языке. Дело в том, чтобы было что сказать. А он всё время повторял: «Мне нечего сказать». У меня портится настроение, когда я его читаю.

Перед этим Седакова много говорила о христианстве, о духовности, о литературе, о том, что Церковь забыла о реальной помощи ближнему (и это правда), о том, как это преодолевают в Европе, о своем общении с европейцами, активистами различных благотворительных организаций, о том, что они называют наше время постхристианским, но она думает, что они-то именно и есть христиане. Всё это было интересно и во многом верно, но всё же... с каким-то академическим холодком и подчеркиванием собственной учености, действительно немалой. И вот – пассаж о Бродском, когда Седакова, кажется, всерьез разозлилась. И это мне даже

понравилось – по крайней мере, перестала быть похожей на античную мраморную статую.

Посочувствуем Седаковой, что у нее портится настроение, когда она читает Бродского. Хотя ведь можно его и не читать? Конечно, любить поэзию Иосифа Бродского необязательно, дело вкуса. Хотя можно заметить и некорректность высказывания Седаковой. Бродский не всё время, а только один раз сказал, что поэт – инструмент языка: в нобелевской лекции. И только раз, а не всё время, написал, что «мне нечего сказать», – в одном из стихотворений, и воспринимать эти слова надо, конечно, в контексте. И довольно странно, что поэт Седакова считает язык чем-то вторичным для поэзии.

Но это всё не по нашей теме. А по нашей – вот что.

Да, поэзия Иосифа Бродского далеко не всегда вызывает чувство оптимизма. Но разве это цель поэзии? Бродский в своей поэзии, как мало кто из поэтов, ощутил и выразил трагизм человеческой жизни, одиночество человеческого существования, то, что философия экзистенциализма называет «заброшенностью человека в мире». Но в этой поэзии нет отчаяния, скорее – стоицизм, спокойное принятие человеческой судьбы. И когда он пишет: «Мне нечего сказать ни греку, ни варягу, зане не знаю я, в какую землю лягу. Скрипи, скрипи, перо, переводи бумагу», – то это не жест отчаяния или признание в том, что поэту не о чем говорить. Это признание того, что мы не всегда, а может быть, и никогда не знаем всего о себе, о своей судьбе, о Господнем замысле о нас. Да, это позиция агностика, но Бродский и был агностиком. Он не был христианином и вообще не принадлежал ни к какой религиозной конфессии.

И тем не менее почти каждый год писал по одному стихотворению о Рождестве, в канун праздника. Поче-

му? А потому, что все же был христианским поэтом, не в конфессиональном смысле, конечно. Потому, что суть христианства – преодоление одиночества и самой смерти в Воскресении – было главной темой его поэзии. Да, сам он не сделал решительного шага, остался вне церковной ограды, но явление в мир Спасителя не было для него только «литературой».

Ощущение, осознание внерационального, божественного измерения человеческой жизни – вот что роднит поэзию Бродского хотя бы с книгой Иова, с Экклезиастом, с философией Кьеркегора. Это и присутствие Бога в душе и мире, и страх этого присутствия, не позволяющий сделать решительный шаг. Вот почему агностицизм поэзии Бродского, стоицизм поэта всё же ближе к подлинному христианству, чем проповедь «хороших дел», которые, конечно, необходимы, но вовсе не предполагают желания Иова здесь и сейчас получить ответ от Бога.

Иррациональное чувство в человеческой душе – это тоска, может быть, неосознанная, о Божественном присутствии, которое только и придает смысл нашей быстро убывающей жизни, вот что важнее «хорошего настроения». Вот что, смею сказать, делает поэзию поэзией и у неверующего поэта, а не собранием, пусть удачных и ярких, образов и метафор.

5

...И как от обморока ожил.

Б. Пастернак

У друга Иосифа Бродского, поэта Александра Кушнера, находим стихотворение, из которого приведем начальные строки.

Мои друзья, их было много,
Никто из них не верил в Бога,
Как это принято сейчас.
Из Фета, Тютчева и Блока
Их состоял иконостас.

Когда им головы дурили,
«Имейте совесть», – говорили...

Я могу понять Кушнера: ему, наверно, так надоело невероятное количество новоявленных «православных» со вчерашними партийными билетами или даже без оных, что поэт решил ясно продемонстрировать собственный атеизм, и главное, необязательность веры для того, чтобы просто жить по совести. И я с ним совершенно согласен. Прежде всего потому, что я уважаю людей, оставшихся атеистами, поскольку таково их мировоззрение, не изображая из себя верующих и православных, «как это принято сейчас». Но значительнее еще другое: я, как и Кушнер, убежден в том, что для того, чтобы совершать добрые дела, быть хорошим, отзывчивым и добрым человеком, совершенно необязательно быть христианином и вообще верующим. Достаточно иметь совесть и порядочность. Конечно, мож-

Да, о смерти здесь сказано, но как-то вскользь, как о чем-то неизбежном, что само собой разумеется, но не входит в нашу жизнь, и поэтому и думать о ней особенно нечего. Готовность? Не страх? Нет, думаю, что ключевое слово здесь: молчанье. Именно здесь атеисту сказать нечего. Здесь водораздел.

Для верующего – другое дело. Это не значит, что он не страшится смерти, но – как экзамена, к которому всю жизнь готовился. Экзамена на сохранение души, готовности к воскресению, к жизни вечной. Потому что в земной жизни пришлось плутать и падать. «И только верой в воскресенье какой-то указатель дан» (Б. Пастернак). Ибо на этом экзамене неважно, была ли твоя жизнь «удачной», много ли ты скопил земных «сокровищ». Важно лишь состояние твоей души, то, что является сокровищем на небесах. Думаю, мы немало удивимся, увидев, кто именно стоит ближе к Богу в Царствии Небесном. Да и где окажемся мы сами. Не забудем, что первый, кому Христос сказал на кресте, что тот будет в раю, был разбойник. Именно его душа оказалась готовой войти в Царство Божие, а почему это оказалось так, от нас скрыто. Ведь разбойник даже видимо не каялся, лишь сказал сораспятому с ним, что они по заслугам казнены, и Иисус невинен. Мы лишь можем сказать, что законы этого Царства – иные, выше человеческих, поскольку Царство это – не от мира сего. Здесь уместно вспомнить византийских юродивых – ведь их парадоксальное поведение преследовало одну лишь цель: напоминать, что Царство Божие иное, чем наш мир, и входят в него «усильем Воскресенья», как сказал в наше время поэт.

Именно о вере в Воскресение, недоступной неверующему, мы читаем и в других стихах поэта:

Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.

«Обморок» в поэтике Пастернака – второе название смерти. Значит, здесь речь идет о духовном воскресении, без которого невозможно Воскресение к жизни вечной на Страшном суде. И именно смерть и Воскресение – подлинная тема знаменитого романа поэта, который сумели прочесть и понять далеко не все. Но об этом я писал в другой статье и не буду повторяться.

6

*Вы – соль земли.
Если же соль потеряет силу,
то чем сделаешь ее соленою?
Она уже ни к чему не годна,
как разве выбросить ее вон
на поправление людям.*

(Мф 5:13)

Что же в итоге? То, с чего мы начали. Христианство в новом веке, как и в любом веке, одно и то же, поскольку христианство – это Христос, Который есть Путь, Истина и Жизнь. Вопрос – в нас и к нам, последователям Христа. Мы уже живем в новом веке, и век, как и прошлые века, вовсе не будет к нам благосклонен. Ибо если в начале прошлого века можно было сказать, что антихрист «близ есть, при дверех», и так оно и было, то теперь он уже давно вошел в дом и удобно в нем расположился. Знамений этому несть числа, но упомяну только одно, относительно недавнее.

26 июня 2016 года во Франции, в Нормандии, в городе Сен-Этьен дю Рувр, в церкви св. Стефана на утренней службе, прямо в алтаре, после издевательств был зверски убит священник о. Жан Амель. Убийцы – ворвавшиеся в храм исламские террористы, т.е. последователи «религии мира и любви», как они сами о себе говорят. Они ничего не хотели от священника, они хотели его убить. Может, они имели в виду и какие-то другие причины преступления – не знаю, да и неинтересно. Печально, что прихожане не сумели защитить своего пастыря. Так вот, если это – не ритуальное убийство, то что такое ритуальное убийство? Если эти нелюди-террористы – не слуги антихриста, то кто его слуги?

Я надеюсь, что о. Жан Амель будет причислен Католической Церковью к лику святых мучеников. Если, конечно, политкорректность и нежелание кого-то обидеть не помешают.

Но и антихрист не страшен для христианина, если мы действительно будем христианами. Если не подменим нашу веру чем-то неопределенно «хорошим», годящимся для всех и приемлемым всеми. Если забудем слова Господа, что мир будет нас ненавидеть и гнать, поскольку Его ненавидит. Если не будем бояться исповедовать свою веру этому миру, вместо улыбок и уступок, лишь бы не нарушить «политкорректность», т.е. не испортить отношения с теми, кто одержим бесами. Господь наш Иисус Христос не вел «переговоров» с одержимыми бесами и не заключал с ними «договоры». Бесов Он изгонял, а одержимых – лечил.

Да, те, кто говорит о постхристианском времени, действительно никакие не христиане, даже анонимные. Возможно, их добрые дела им зачтутся, но противостоят

антихристу они не могут, поскольку его не распознают. Христианство – не религия «доброй воли» и добрых дел, это вера в Иисуса Христа. Владимир Соловьев в «Трех разговорах» проницательно показал, обрисовав образ антихриста, что последний может явиться и гуманистом, и либералом (у него много масок), и предлагать христианам разных исповеданий то, что им дорого. Не предлагает он им только одно – Христа. При Имени которого впадает в бешенство и теряет всё благообразие, превращаясь в то, что есть на самом деле, – в убийцу, по-современному – в террориста.

Я не берусь предсказывать, что будет в новом веке, – история непредсказуема. Но как один из вариантов – христиан могут ждать и новые катакомбы. Быть к этому готовым, как и к любому другому, можно только не потеряв единое на потребу – Имя Христово, веру во Христа.

Иерусалим, 2018

ХРИСТИАНСТВО-21, ИЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ¹

Как когда-то рядовой советский человек мечтал о светлом будущем, теперь рядовой православный – о светлом прошлом. Будущего он, скорее, опасается. Каким будет христианство XXI века – он предпочитает не задумываться об этом. Скорее, ему по душе идеализированное христианство неких прошлых веков, для кого-то – апостольское, первого века, а для кого-то – имперское, девятнадцатого.

Я тоже не знаю, каким оно будет. Мне очевидно только одно: есть спрос – будет и предложение. Есть спрос на «ритуальное обслуживание населения» – значит, будет и оно, для каждой этнической группы в форме традиционной для нее религии. Есть спрос на сильную руку и державную мощь, благословленную свыше – будут рука и мощь под знаком креста или полумесяца. Есть спрос на «того, кто все за нас решит» – будут и те, кто решает. И если есть спрос на такое православие, о каком говорили, к примеру, о. Александр Мень или о. Александр Шмеман – будет и оно. Удельный вес всех этих разных форм религиозности будет так или иначе связан с объемами этого спроса.

Но будущее не измеряется процентами. Когда Христофор Колумб отправился в свое плавание, не менее

¹ В этой статье использованы материалы книги, где многие из затронутых в здесь вопросов рассматриваются подробнее: *Десницкий А. С. Христианство. Настоящее. М.: Рипол-классик, 2016.*

99% населения Земли были уверены, что она плоская. И 100% жителей Старого Света, включая Колумба, еще ничего не знали о Новом. Но будущее нашего мира тогда определяло не большинство на выборах или референдумах, а Колумб и его команда – просто потому, что они отправились в плавание.

Итак, куда ж нам плыть?

Думаю, что разные корабли отправятся и уже отправляются в разных направлениях. Расскажу лишь о том, что привлекает лично меня. Для начала задам вопрос: а чем наша вера отличается, к примеру, от буддизма или ислама? Да хотя бы даже от продвинутого язычества вроде индуизма или веры древних греков? В каждой развитой религии есть представление о грехе и добродетели, каждая призывает человека отказаться от первого и стремиться ко второй, и даже многие пункты совпадают: почитай родителей, не воруй...

Так что же, разница между нами, например, в том, что мусульманский пост – это воздержание от всякой еды и питья в светлое время суток, а православный – от мясного и молочного в любое время дня и ночи? И что одежда у священнослужителей разная, и молитвенные жесты, и даты праздников?

Если послушать некоторых православных, примерно так и выходит. Существуют «традиционные религии», разные у разных народов, все они учат примерно одному, но каждая – со своим колоритом. Главное, чтобы было стабильно.

Но прилагательное «православный» обретает смысл, только соединившись с существительным «христианин». Христианин – тот, кто верит во Христа и следует за Ним в своей жизни. Ну да, а трава зеленая, а вода мокрая, а снег холодный. Банальность?

Только однажды я задал в своем блоге вопрос всем читателям: как они понимают ключевое для православного христианина понятие – спасение? И много было ответов примерно такого плана: спасение заключается в том, чтобы избавляться от страстей и грехов и приобретать добродетели. А для чего нам тогда Христос? – переспрашивал я. И получал, в частности, такие ответы: Христос подает нам пример на этом пути. Но тогда, простите, чем он отличается от Сократа или Будды Гаутамы, что добавляет Он к сказанному и сделанному этими и многими иными добродетельными мужами задолго до Его рождения?

Или такой ответ: при прохождении нами мытарств Христос дополнит меру тех наших добродетелей, которых нам не хватает для спасения. Но тогда что принципиально нового в христианстве, разве это не типичная религия закона, каким был и Ветхий Завет, только теперь еще и с небесным помощником? Впрочем, и они были в иудаизме еще до Нового Завета...

Боюсь, известие о том, что спасает нас Сам Христос, а мы можем лишь своей жизнью принять или отвергнуть это спасение, окажется для многих православных христиан не то чтобы новшеством, нет... а некоей абстрактной информацией, никак не связанной с их повседневной жизнью, в том числе и духовной. Вот посты, вот праздники, вот обычаи, вот старцы, вот священники, вот всё-всё-всё остальное, и надо всем этим знак креста. Да, но что он означает? Не вообще для кого-то, а вот лично для меня, здесь и сейчас? Насколько мне Христос – интересен?

Практика современной православной жизни и особенно миссии зачастую бывает обращена не столько к Нему, сколько к самим церковным институтам. Мы

рассказываем неверующим, какая у нас замечательная Церковь, и это им интересно. Родные и знакомые иногда задают мне вопросы о том, как жить по-православному. И на первом месте, конечно, вопрос: что можно есть сегодня или завтра? На втором: как правильно выполнить тот или иной обряд? Но не помню, чтобы кто-то, кроме самых близких, задал мне в неформальной обстановке вопрос о Боге, о Христе, о Евангелии. Да, люди о них помнят, но не это им важно.

Представим себе, что мы никогда не читали «Евгения Онегина» или «Горе от ума» целиком, ограничиваясь лишь повторением к месту или не к месту широко известных цитат. Тогда изначальный их смысл от нас будет ускользать, точнее, мы будем придавать им какое-то совсем иное значение. Вот и те мои собеседники в блоге наверняка слышали, что Христос – Спаситель, но эта информация осталась какой-то фоновой, неактуальной. И полный текст Нового Завета, который весь построен на этой идее, остается просто не востребуемым.

Уже предвижу, как некий читатель возмущенно воскликнет: «Протестантизм!» Как это читать Библию саму по себе? Разве можно отрывать ее от святоотеческих творений? Разумеется, для православного это немыслимо. Но разве отцы писали: «Читайте лучше нас, а Библию не трогайте, сложно там всё, непонятно»? Нет, этот вывод делают сегодня, а ведь практически все, что писали отцы, по сути, есть развернутый комментарий к Библии и опыт жизни по ней. В этом – сама суть христианства.

Очень часто говорят, и совершенно справедливо, что со Христом мы встречаемся на Евхаристии, и это самая главная встреча. Совершенно согласен с этим. Но я

все же добавлю, что эта главная встреча не может быть единственной, иначе получится, что полностью христианами мы бываем в лучшем случае пару часов в неделю, на литургии, а все остальное время проживаем, как получится. Но ведь христианство – не часть жизни, а ее полнота.

Мы так часто исходим из слова «надо». Кому-то обязательно должно быть надо, чтобы мы пришли в определенное место и выполнили ряд действий – то ли Богу, то ли нам самим, то ли окружающим. Ну заведено так, в конце концов. И тут же мы ловим себя на «ветхозаветном отношении»: дескать, мы исполняем определенные обряды просто потому, что они предписаны свыше, вот просто ради послушания. Вроде как в Ветхом Завете постоянно приносили в Храме положенные жертвы.

Их, конечно, приносили, и мы знаем (хотя бы из Евангелия), что к новозаветным временам и в самом деле для многих, слишком многих они стали связываться с какой-то «обязаловкой», зачастую утомительной: вот исполнил, что положено, и свободен. В результате одни (условно назовем их фарисеями) подходили к делу слишком формально и приправляли это свое благочестие изрядной долей гордыни, а другие (условные мытари) и вовсе оставляли всё это в стороне и шли заниматься бизнесом и развлечениями.

И все-таки богослужение – средство, а не цель. Отличное, проверенное временем, необходимое средство, но все-таки не цель. Иначе не прославляли бы мы Великим постом преподобную Марию Египетскую, которая вообще на него не ходила в своей пустыне.

А такое покаяние, с которым связывается ее имя? Для кого-то это биение в грудь «я-хуже-всех», для кого-то бесконечное перечисление неприглядных подробностей,

для кого-то отказ от дурных привычек. И уж все наверняка слышали, что буквально означает это слово на библейских языках: греческое *μετάνοια* – «переосмысление», еврейское *שׁוּבָה* (*шува*) – «возвращение». Переосмысление, переоценка того, что случилось, и возвращение в ту точку, где ты пошел неверным путем. То есть осознанное изменение своего поведения. И исповедь – только один элемент, который в отрыве от прочих утрачивает смысл, становится слишком легким и формальным...

Мне интересна прежде всего та сторона нашего неформального покаяния, которая связана с культурой и образованием. Прошло тридцать лет, в которые можно было свободно верить и говорить о вере, их еще иногда называют эпохой «церковного возрождения». Но как скромны результаты – и как легко нам перевалить ответственность за это бесплодие на других... Мы старались, но нам не дали. Ничего не получилось. Нам достались не те правители, да что там – не тот народ... в очередной раз.

Мы можем сегодня каждый «возделывать свой маленький сад», мы можем встречаться за рюмкой чая и ужасаться происходящему. Нас из поколения в поколение приучали именно к этому, и с какой-то горькой радостью мы впадаем в привычное и уютное состояние: «Мы всему знаем цену, но от нас опять ничего не зависит». В текущей политике, в том числе и церковной – да, ничего. Но контуры будущего развития никогда не определялись ни административными директивами, ни голосованием большинства.

Сейчас в России очень неплохое время для спокойных дискуссий: пока мы не покушаемся на телеаудиторию и не выходим на митинги, никто не мешает нам

обсуждать в любом формате любые насущные вопросы. Все это, кстати, прекрасно совмещается с возделыванием собственных садиков и с частными чаепитиями. Правда, христианская вера и церковная жизнь мало кому интересны: светские СМИ следят лишь за скандалами, церковные, в основном, транслируют официоз, а независимых православных почти нет, можно назвать разве что портал «Православие и мир», да и то он вынужден соблюдать строгие ограничения. Но представим себя на месте миссионеров, отправившихся проповедовать христианство народу с другой культурой и образом мышления. Например, советскому. Разве не должны мы приспособить свою проповедь к представлениям и верованиям аудитории? Разве мы вправе требовать, чтобы аудитория целиком и полностью соответствовала нашим ожиданиям?

Есть дело, которое всегда будет востребовано, которое практически невозможно запретить и которым можно заниматься почти в любых условиях – это образование и просвещение. И если уж рассуждать о судьбах Родины, то ее основная проблема не столько в фамилиях людей, стоящих у власти, сколько в готовности подданных поддаваться на примитивные манипуляции, принимать пропаганду за истину и искать слишком простые ответы на сложные вопросы. Гуманитарное знание, в конечном счете, учит человека эффективно и независимо общаться с другими людьми и существовать в обществе – недаром эти науки называли в СССР «общественными». И чем больше людей обладает навыками критического текстового мышления, тем меньше шансов, что любое развитие событий в стране приведет только к новой диктатуре.

А может, бежать от всей этой политики, экономии, идеологии? И вот огромное число верующих людей в это смутное время не просто выключают телевизор, но резко сужают поле зрения, уходя в подробности богослужебной жизни, в посты и праздники, в сложную систему табу, в богословские размышления и молитвенное делание. Некоторым удастся, но зачастую они остаются христианами в одной четверти, в одной десятой или одной сотой своей жизни, где всё расписано и предписано, а основную часть проводят, как придется. Там всё слишком неочевидно.

А порой земной прозы вообще нет, а есть сплошь тихое и безмятежное житие в затонувшем граде Китеже, и проповедь обычно сводится к разговорам о красоте и великолепии этого града и к обличениям насущной действительности, которая не хочет ему соответствовать. Православие – всё больше о правильных словах на правильную тему, и всё меньше о реальной жизни. И жизнь течет сама собой и для «православного большинства», которое так гордится тем, что оно – большинство.

Словом, торжество субкультуры, которая оторвалась от своих изначальных смыслов: принято так говорить, делать и думать, потому что так принято, а иное не благословляется.

Со стороны Церкви в последнее время всё чаще звучит еще и обычный корпоративный пиар, который почему-то выдается за миссию: нам рассказывают, какая наша Церковь замечательная, нам разъясняют принятые руководством решения, призывают сплотить ряды и поддержать материально. Всё это вполне естественно для любой корпорации (а Церковь, помимо всех ее

мистических качеств, есть еще и человеческая корпорация), но это совсем не ответ на вопрос «как нам жить».

Множество наших современников живет свободнее и сытнее, чем жили их предки с Рюриковых времен, но им остро не хватает смыслов и ценностей, превосходящих потребительскую рекламу и политическую демагогию. Грубо говоря, они хотят знать, что живут не только ради новой марки автомобиля или партийного флага, они хотят иметь более высокие цели, но не всегда знают, какие, хотят уважать себя и свою страну, но не всегда видят, за что.

И когда люди вдруг открывают для себя нечто крайне важное: благотворительность, к примеру, или отстаивание прав слабых и угнетенных – они обычно делают это вне и помимо Церкви, даже если сами они верующие. Церковь в лучшем случае реагирует на запросы со стороны остального общества, но почти никогда не ведет его за собой. От соли земли, от света миру, от города на горé можно было бы ожидать более активной и значимой позиции. Как ее выстроить? И на что же опереться в поисках? Мой ответ будет банальным – на Писание, которое, казалось бы, должно стать центром всей христианской жизни, а на самом деле оно в лучшем случае стоит тихонечко на полке.

Лично для меня таким просветительским проектом стала серия общедоступных книг и лекций по Библии и новый перевод новозаветных Посланий, над которым я работаю в последнее время. Речь идет не просто о «приращении знания» или популяризации современной библеистики, но о попытке вернуться к базовым текстам, с которых начиналось христианство, и показать, как мы можем прочитать их сегодня. Разумеется, в других случаях это могут быть и другие проекты, и

желательно коллективные, хотя я прекрасно осознаю, что российский интеллигент обычно яркий индивидуалист (собственно, потому он чаще всего и проигрывает).

Только... читаем ли мы Библию даже тогда, когда читаем? Или, скорее, повторяем привычные цитаты и формулировки, с которыми, как нам кажется, всё нам понятно? Вот только один небольшой пример: «Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: “Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?” Но Иисус, видя лукавство их, сказал: “Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать”. Они принесли Ему динарий. И говорит им: “Чье это изображение и надпись?” Говорят Ему: “Кесаревы”. Тогда говорит им: “Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу”» (Мф 22:15-20).

Кто же не знает, что кесарю, то есть государству, надо отдавать, что ему полагается, и вообще выполнять его законные требования, доколе они не противны нашей вере. Ну и с Богом, наверное, надо примерно так же – отдать, что положено: пост, посещение богослужений, благотворительный взнос... Не случайно родилось это митьковское: «кесарю – кесарево, а остальное на оттяг». Так ведь, на самом деле, оно и происходит в большинстве случаев, а Богу мало что остается.

А теперь давайте этот текст действительно прочитаем. К Иисусу сообщая приступают иродиане и фарисеи, отношения между двумя партиями были хуже некуда.

Это как же надо было достать тех и других, чтобы они согласились увидеть в Нем общего врага и объединиться! И вот они спрашивают, платить ли римскому кесарю эту унижительную подать, один динарий в год – вроде и сумма ничтожна, но вопрос-то принципиальный.

И невозможно ответить так, чтобы все остались довольны. Скажешь «нельзя» – сдадут римским властям как мятежника, да и иродиане-коллаборанты будут очень недовольны. Скажешь «нет проблем, платите» – оскорбишь этим всех патриотов, а заодно и благочестивых фарисеев. Они, конечно, сами платят, но как-то так незаметно, без фанатизма, с сокрушением сердечным. Да и жалко ведь динарий отдавать! Народ такое тоже не поддержит.

Что делает Иисус? Он полностью переворачивает ситуацию. Просит показать ему самую ходовую монету, динарий, заодно – точный размер подати. У Него с собой нет динария, Он как будто вообще его не видел никогда в жизни... а вот у вопрошающих есть, причем наверняка не один. Так-так-так, и что же на этой монете? Изображение человека, что строжайше запрещено Законом, да еще какого человека – римского императора – завоевателя и угнетателя Иудеи! А надпись? Это же вообще кошмар: там император Тиберий называется «верховным понтификом», то есть жрецом языческого культа, и даже «сыном Божественного Августа!».

Да разве не жжет такая монета руки пламенных патриотов и благочестивых верующих? Немедленно отдайте, избавьтесь от скверны сей же час, тем более, если хозяин требует ее обратно! Трудно пришлось подсланным фарисеям и иродианам: до сих пор они видели в каждом динарии – просто динарий. А теперь они

будут помнить, чье там изображение и чья надпись, и ведь у них у каждого далеко не по одной монете.

Требует ли тут Иисус аккуратности в уплате налогов? Запрещает ли брать в руки языческие монеты? Скорее, он показывает: вы ставите ловушки этих мелочных «можно – нельзя», но живая жизнь никогда в них полностью не впишется, и при известной ловкости ума в ту же ловушку угодит сам ловец. Хочешь быть таким щепетильным благочестивцем – откажись от римских денег, беги в пустыню питаться акридами. Не по силам? Тогда не привередничай. Задумайся лучше о том, чего от тебя ожидает Бог. Вот это действительно важно! Ты не забыл ли о Нем за всякими ритуальными подробностями, политическими новостями, острыми дискуссиями?

Четыре раза в год, перед каждым многодневным постом, во всех СМИ нам расскажут, что можно и чего нельзя есть в эти дни, но никто не процитирует самых главных слов: «Вот какой пост Я избрал: разбей оковы неправды, сними ярмо угнетения, измученных отпусти на волю, уничтожь всякое ярмо! Раздели с голодным свой хлеб, нищего странника введи в свой дом, а увидишь нагого – одень его... И вот тогда позовешь, и Господь ответит, ты возопишь, и Он отзовется: “Я здесь!” – когда не останется у тебя тяжкого ярма, надменного пальца и языка злого; когда разделишь своё с голодным, когда насытишь страждущую душу. Тогда свет твой засияет во тьме, мрак твой обратится в полдень» (Ис 58:6-10)².

Библия, как видим, очень неудобный текст. Поэтому намного проще сделать вид, что с ней мы уже целиком

² Перевод автора. (Прим. ред.)

и полностью разобрались, думать о ней не стоит – надо теперь отражать происки врагов, бороться за принятие нужных законов, наращивать экономическое могущество... и так последовательно поддаваться всем искушениям, которые Христос отверг в пустыне: искать себе побольше хлебов, славы всех царств мира и общенародного признания заслуг.

Нам, христианам всех конфессий, профессий и убеждений, на самом деле предстоит открыть Библию и прочесть – не потому, что от нас этого кто-то требует, как от Тома Сойера в воскресной школе, а потому что именно к ней естественно обращаться христианам в поисках ответов на актуальные вопросы. Часть этих ответов мы найдем в готовом виде (как в словах Исаии о посте), но гораздо чаще придется столкнуться с ситуацией, когда Библия помогает расставить приоритеты и правильно сформулировать вопросы (как в случае с динарием), но ответы придется искать самостоятельно и многие решения будут вовсе не очевидными. Впрочем, не мы первые, есть на чей опыт опереться – и это не только германские христианские демократы, но и святые отцы. То, что мы привычно называем Преданием, и есть опыт прочтения Писания христианами прошлых веков, опыт жизни по нему. Условия изменились, базовые ценности – нет.

В конце концов, христианство стало главной религией Римской империи не потому, что апостолов было много, или что на их стороне были бюрократия и репрессивный аппарат, или что они выражали чаяния широких народных масс. Нет, они смогли предложить людям нечто очень для них важное и ценное, и сделать это на понятном языке.

Стоит заговорить о той Церкви, какая у нас в России есть сейчас – и будут, с одной стороны, официальные хроники и победные репортажи о восстановленных храмах и увеличении числа посетивших богослужения, а с другой стороны – «нет, и в церкви всё не так», как в песне Высоцкого. И пояснят, что всё меньше теперь поминают Христа, всё больше – русский мир, геополитику и славные победы. Похоже, возникает новая гражданская религия, и не все замечают ее отличие от православного христианства.

Что случилось – на этот вопрос мы (те, кто видит проблему) ответим примерно одинаково. За четверть века «церковного возрождения» мы слишком увлеклись внешними формами. Мы строили кирпичные стены, а надо было создавать институты. Мы служили молебны, а надо было заниматься просвещением. Мы переиздавали старые книги, а надо было отвечать на новые вызовы времени. Мы убеждали государство, какие мы нужные и полезные для него, а надо было выстраивать диалог с обществом. Мы приобретали власть, а надо бы – доверие. Мы собирали себе сокровища на земле и собрали довольно много.

Сегодня наша конфессия намного богаче и влиятельней, чем мы могли себе представить... а наша Церковь слабее и растеряннее, чем тридцать лет назад, когда мы крестились украдкой и переписывали Евангелие от руки. Тогда, по крайней мере, мы ощущали внутреннюю свободу и цельность, пусть даже это и был отчасти юношеский максимализм. Сегодня при всем внешнем лоске и респектабельности нарастает ощущение внутренней пустоты и тревожности на всех уровнях, и призрак 1917 года снова бродит по стране...

Но почему так случилось, и что сделать, чтобы выйти из порочного круга? Об этом можно рассуждать бесконечно, и все объяснения окажутся приблизительными. Но я хочу привести сейчас только одну длинную цитату из о. Александра Шмемана, из его бесед на радио «Свобода» о русской культуре: «Древней Руси не пришлось переживать долгого, сложного и часто очень мучительного процесса согласования культуры и христианства, христианизации эллинизма и эллинизации христианства, – процесса, которым отмечены пять-шесть веков византийской истории. У нее еще почти не было истории. Но это значит, что византийское христианство было воспринято Русью одновременно и как вера, и как культура и что, таким образом, присущий христианской вере максимализм оказался практически и одной из главных основ новой культуры.

Принимая византийское христианство, Русь не заинтересовалась ни Платоном, ни Аристотелем, ни всей традицией эллинизма, которые и для христианской Византии оставались живой и жизненной реальностью. Византийской “культуре” древняя Русь не отдала ни частицы своей души, внимания, интереса. Историки подчеркивают, что, несмотря на обилие церковных и политических связей с Константинополем, Русь всей душой потянулась не к нему, а к Иерусалиму и Афону. К Иерусалиму – как месту реальной истории Христа, Его уничижения и страдания, и к Афону, монашеской горе, как к месту реального христианского подвига. Больше, чем все тонкости византийской догмы и всё величие византийского церковно-культурного мира, самосознание Руси пронзил образ евангельского, распятого и уничиженного Христа, а также образ героя-монаха, подвижника. Русское христианство удивительным

образом началось без школы и без школьной традиции, а русская культура как-то сразу оказалась сосредоточенной в храме и богослужении.

Конечно, начала создаваться и русская христианская культура. Но одно дело, когда храм строится в центре древнего, отягощенного культурой греческого города, в котором одной из задач храма оказывается соединение культуры с христианством, “христианизация” ее, — и совсем другое, когда этот же храм оказывается всем — и верой, и культурой. А именно так случилось на Руси. Ее культура, подлинная культура, оказалась сосредоточенной в храме, в котором ее сутью стало, так сказать, “самообличение”, призыв к максимализму, требующему отказа от “мира”. Всё подлинное, прекрасное и великое в древнерусской культуре есть одновременно и призыв уйти, отказаться, отрешиться. Если же не уйти, то отдать свои силы построению некоего последнего, совершенного, всецело устремленного к небу и небом живущего “царства”, в котором всё, без остатка, подчинено “единому на потребу”.

Так максимализм стал судьбой русской культуры и русского культурного самосознания. Культура как “мера”, культура как “граница” и “форма” — меньше всего вдохновляла его и в прошлом, и в последующее время, когда непосредственная связь между христианством и культурой оказалась оборванной. В каком-то смысле можно даже сказать, что у нас в России не возникло, не образовалось самого понятия культуры как совокупности знаний, ценностей, памятников, идей, совокупности, передаваемой из поколения в поколение для сохранения и преумножения, а одновременно и как мерил творчества. Потому что христианская культура, нашедшая свое выражение в храме, в богослужении и в быте,

по самой своей природе оказалась чуждой идее развития и творчества, стала сакральной и статической, исключающей сомнения и искания, – никакой же другой культуры у нас больше не было.

И поэтому всякое творчество, всякое искание, всякая перемена ощущались как бунт, как почти кощунство и анархия, и, таким образом, суть культуры как творческого преемства не создалась³.

Конечно, здесь о. Александр прибегает к очень широким обобщениям, которые нуждаются в уточнениях и поправках буквально по каждому пункту. К этому необходимо добавить, что преодоление этого разрыва между верой и культурой было одной из основных тем для классической русской литературы и в особенности – религиозной философии, и они добились очень многого – к сожалению, этого не хватило для предотвращения катастрофы 1917 года. Да и мы, приходя в церковь в восьмидесятые и ранние девяностые, стремились именно к этому синтезу, интуитивно чувствуя, что классическая русская культура по происхождению и по природе своей христианская, даже когда ее носители никак не связаны с церковной жизнью.

Отец Александр, полагаю, точно обозначил основную проблему и определил базовый диагноз, который воспроизводится в том или ином виде в разных поколениях. Но как применить его к сегодняшней ситуации? Каждый верующий прекрасно знает, что такое «ходить в церковь» и зачем это нужно, но мало кто задумывается, что значит «быть церковью». И потому в нашем публичном дискурсе слово «Церковь» практически всегда означает иерархию и ее официальных представителей.

³ Шмеман А., прот. Основы русской культуры. Беседы на Радио Свобода 1970-1971. М.: ПСТГУ, 2017. С. 75–78.

А должна бы – совокупность людей и культурных институтов, проникнутых евангельским духом.

Чего же мы ждем от Церкви? Разные люди – совершенно разного, тут бессмысленно делать широкие обобщения. Нет недостатка в конкретных предложениях: реформировать административное управление, ввести выборность священства и епископата и полную финансовую прозрачность, перевести богослужение на русский язык и осовременить его, допустить женатый епископат, чтобы отсеять юных карьеристов и привлечь самых опытных из белого духовенства к управлению Церковью... Все эти меры могут быть хороши и оправданы, особенно если представлять себе их воплощение в некоем идеальном мире. Но даже попытка обсудить любую из этих мер приводит, как правило, к резкому делению на лагеря и яростному противостоянию. Вот, собственно, главный аргумент противников любых перемен...

Очевидно, что все мы ждем от Церкви прежде всего христианства, явленного и в таинствах, и в повседневной жизни. По сути дела, ждем святости – и она в Церкви, безусловно, есть, и я думаю, что лично знаю нескольких святых. Но это очень высокая планка – а если спуститься пониже?

Власть ждет от Церкви, что та будет ее освящать и благословлять. Меняются времена, идеологии и знамена, но при любом строе и при любом правителе по-настоящему сакральна в России только существующая власть и ее нынешний носитель. Потом, когда он умрет или будет свергнут, его можно будет осмеивать и ругать, но пока он на троне – он воплощает собой народность и державность, православные или коммунистические идеалы (по потребности), духовные скрепы и

традиционные ценности. Трудно сказать, откуда именно это идет: от Византии, или от Золотой Орды, или вообще от стадных инстинктов высших приматов – но это, в любом случае, так.

И церковные структуры, так или иначе, оказываются втянутыми в орбиту общего властепоклонства. Да, среди иерархов всегда были и будут исповедники, которые не признают за правителем высшего авторитета и возвышают свой голос в защиту угнетенных – например, митрополит Филипп или патриарх Тихон – но святых никогда не бывает много. А рядовые епископы и священники как-то нехотя принимают сторону очередного «сергианства» (хотя не при митрополите Сергии оно началось и не с советской властью закончилось) и потом платят по счетам государства.

Можно ли разорвать эту тесную привязку к наличной власти? Собственно, многие споры между Москвой и Константинополем – это споры двух имперских Церквей, только одна империя принадлежит истории и потому не может ничего диктовать современности, а другая жива и рассчитывает прожить еще долго. Обе стороны не без оснований могут обвинять друг друга в папизме, т.е. в стремлении подчинить всю церковную жизнь единому центру, и Москва ничто не ценит так высоко, как свой безусловный суверенитет. Но вся беда в том, что папизм может быть и суверенным: безраздельная и единоличная власть одного человека над Церковью устанавливается всего удобнее, когда эта Церковь совершенно суверенна. Кстати, в политической жизни осуществляется тот же самодержавный принцип.

Гармонично ли выстраиваются отношения между двумя центрами влияния: Кремлем и Патриархией? Некогда Алексей Михайлович Тишайший и сын его Петр

Алексеевич Великий увидели в патриаршей власти конкурента и потому упразднили ее сначала фактически, а затем и юридически. Но вот Сталин распознал в ней инструмент влияния и потому возродил. Как будут развиваться дальнейшие отношения Кремля и Патриархии, мы не можем угадать, да и не очень интересно угадывать, но очевидно одно: пока в России есть сильная власть, она Церковь в покое не оставит, и поскольку у Церкви нет сколь-нибудь существенного центра принятия решений за пределами российских границ, уклоняться от объятий власти она не сможет, да и вряд ли захочет. Таким центром могли бы стать Всеправославные соборы, первый из которых состоялся в 2016 г., но Москва в нем не участвовала.

Чего ждут широкие народные массы, заходящие иногда в церковь? Прочитую известного православного публициста С. Л. Худиева: «Даже люди не слишком благоговейные в своей обычной жизни нуждаются в церкви как в месте благоговения»⁴. Это правда, и «место благоговения» всегда будет предложено просто потому, что на него всегда будет спрос.

И далее Худиев пишет, что именно по этой причине не надо ничего в церковной жизни менять: «Опыт как католиков, так и протестантов показывает интересное явление – желание пойти людям навстречу парадоксальным образом оборачивается тем, что люди уходят». А вот это уже сомнительно – во всяком случае, опыт русских православных двадцатого века показывает, что, если не идти людям навстречу, они устраивают революцию. Из церкви они тогда не просто уходят – они ее или взрывают, или превращают в овощехранилище.

⁴ Худиев С. Л. Поговорим о реформах. www.radonezh.ru/analytics/pogovorim-o-reformakh-153412.html

Так возникает своеобразная логика двоемыслия: да, мы не постимся, как указано в уставе, но тем более нельзя допускать никаких послаблений теории, ведь тогда на практике станут поститься еще небрежнее. Т.е. принцип «исполняем наполовину» заложен в систему изначально. Строгость законов и неаккуратное исполнение, – как повелось на Руси.

Заметим, что перемены всё же идут. Те, кто застал самое начало «церковного возрождения» четверть с небольшим века назад, видит колоссальную разницу между церковным бытом того и нашего времени. Например, тогда нормой было причащаться несколько раз в год после суровой подготовки: минимум три дня поста, вычитывание трех канонов, посещение всенощной накануне и прочее – сегодня всё больше храмов, где причащаться принято за каждой литургией после куда менее строгой подготовки. Это очень характерный пример: официально не меняется ничего, «акривия» (строгое исполнение правил) в теории неизменна, но зато «икономия» (снисхождение к немощам) всё мягче на практике.

А чего ждут и куда идут вышедшие из неопитства – особенно те, кто не встроился в клерикальную систему?

Кто-то, разочаровавшись, уходит к католикам и протестантам, или еще дальше. Кто-то старается жить глубокой личной или, намного реже, общинной жизнью, оставаясь в рамках традиционных форм и установленных юрисдикций. Это достаточно просто сделать, особенно мирянам. К тому же любые уходы означают разрыв с теми, кто воспитал тебя в вере, кто молился вместе с тобой, и это, конечно, не для всех приемлемо.

Кто-то предлагает развитие «альтернативного православия», где мы, впрочем, обычно наблюдаем ту же картину жесткой сословной иерархии и личной непогрешимости предстоятеля. Альтернативное православие – так ли уж оно в данном случае альтернативно? Да и попытки выстроить общинную жизнь, особенно на том этапе, когда община перерастает рамки узкого дружеского круга, нередко приводят к возникновению всё той же жесткой административной иерархии, того же разделения на узкий круг «основателей» и широкий – «последователей», а снаружи – либо опасные «враги», либо полезные «попутчики». Что поделать, мы все вышли из ленинского комсомола.

Наконец, те, кто представляют церковные структуры, по-видимому, ждут расширения сферы своего влияния в обществе: еще больше епархий и храмов, больше православных уроков в школах... и меньше тех, кто задает неудобные вопросы.

А чего же жду от Церкви лично я кроме таинств и святости? Попробую пояснить только одну простую мысль. Нынешняя политическая и общественная жизнь в России во многом построена по феодальной модели: начальники «кормятся» от подвластных областей, права и обязанности каждого во многом зависят от его сословного положения, которое передается по наследству, и т.д. – стоит ли удивляться, что еще в большей степени эта модель проявляется в Церкви, которая обрела свои нынешние формы в позднеантичном и средневековом феодальном обществе?

Патриарх подобен монарху, который обладает властью над епископами, как над князьями или герцогами, но внутри своей епархии каждый архиерей самовластен. Он по своей воле назначает на приходы священников,

которые связаны обетом безусловного послушания ему – вполне средневековая модель отношений сеньора и вассалов. Но при этом нет и не может быть никаких крепостных: прихожане не закреплены за приходами, и трудно представить себе систему, при которой это закрепление произойдет.

Прихожане независимы, поскольку от них ничего не зависит. Священник совершает литургию, и делать он это может, по сути, только по прямому поручению епископа. Отлучение от этого служения – худшее наказание, возможность его совершать – высшая награда. Но мирянам оно и так по определению недоступно.

Куда ж нам плыть, если мы примем, что феодальная модель перестала быть адекватной и приводит к слишком тесной зависимости от государства? Неужели к полному равенству, как в социалистических утопиях: во все упразднить священство и епископат? Собственно, к этому и пришли некоторые радикальные ветви протестантизма...

Но в современном обществе равенства нет и в помине. И если феодальная модель построена на идее сословных привилегий, то сегодня мы живем в мире профессиональных компетенций: каждый делает то, что может и хочет делать лучше других и что востребовано обществом. Уже нет князей и холопов, но есть сотрудничающие специалисты, которые совсем не обязательно стоят на одной ступени общественной лестницы.

В Церкви остро не хватает такого подхода. Сколько раз доводилось видеть на разного рода собраниях примерно такую схему: первым выступает носитель высокого священного сана, дает некоторые общие установки, признает, что сам он слабо разбирается в предмете, но напоминает, что последнее слово в любом случае

остается за священноначалием. После этого он удаляется, чтобы уделить время более важным делам, а в его отсутствие специалисты обсуждают предмет разговора.

Но разве не с самого начала было сказано, что дарования различны, а Церковь не делится на «клириков и мирян»? Вот как об этом пишет апостол Павел (1 Кор 12:27-28): «Вы – тело Христово, каждый из вас – его часть. И Бог поставил в церкви разных людей: во-первых – апостолов, во-вторых – пророков, в-третьих – учителей, затем чудотворцев, затем тех, кому даровано исцелять, кто помогает нуждающимся, кто управляет делами, кто говорит на иных языках»⁵. Здесь нет столь привычного нам деления на клир и мирян, на большинство и меньшинство, на простых и просвещенных – а только образ Церкви как единого тела (центральная для Павла метафора!), состоящего из множества органов, каждый со своим предназначением. Говоря современным языком, со своими профессиональными компетенциями.

Заодно стоит обратить внимание, что на самом последнем месте стоят те, кто умел говорить на «иных языках», носители таинственного дара Глоссолалии, который давно исчез в Православной Церкви, и о его отсутствии никто особенно не тоскует. А вот на предпоследнем – те, кого у нас привыкли ставить на первое: управленцы, сиречь администраторы.

Верующие привычно говорят, что Церковь – богочеловеческий организм. В ней действует Бог, а значит, постоянно происходит что-то совершенно неожиданное и непредсказуемое – а с другой стороны, в ней действуют люди, и «сопротивлением человеческого материала» пренебречь невозможно.

⁵ Перевод автора. (*Прим. ред.*)

Перечислю здесь лишь некоторые вопросы, на которые, на мой взгляд, христианам XXI века предстоит найти ответы, с опорой на Писание и опыт предыдущих поколений, который мы называем Преданием.

1. Клерикальность и общинность

Церковь в современной России обычно понимается как церковная организация, состоящая из клириков и приближенных к ним лиц. Значит, что хорошо или плохо для организации – то хорошо или плохо для Церкви, угодно или негодно Богу. Такой клерикализм вызывает серьезное раздражение – и любые недостатки организации, в точном соответствии с этим принципом, воспринимаются как пороки, изначально и органически присущие Церкви в целом.

Но как иначе может быть организована поместная Церковь? И если создаются те самые общины, которые могли бы стать альтернативой клерикализации, они нередко наследуют тот же признак: что хорошо для нашей общины, то хорошо для Церкви и угодно Богу. Различие между человеческими учреждениями и Творцом Вселенной стремительно размывается.

Когда-то община включала в себя людей, живущих по соседству, они встречались в церкви так же просто и естественно, как на улице, в поле или в магазине. Сегодня это совсем не так: общество в России атомизировано, соседи общаются крайне мало, а любые «кружки по интересам», включая церковные общины, образуются не по территориальному признаку. Но это значит, что людей в них связывает лишь общее понимание этого интереса, и при любом несовпадении взглядов и действий община рискует распасться.

В наше время появилась еще одна реальность: виртуализация христианского общения: в социальных сетях люди нередко общаются интенсивнее и глубже, чем в реальной жизни, и христиане – не исключение. Может ли существовать община людей, живущих в разных городах и даже на разных континентах? И, с другой стороны, может ли существовать община людей, живущих в одном подъезде многоэтажного дома? А может быть, общинность как форма жизни традиционного общества просто уходит в прошлое и ее сменяет нечто иное – но что именно, и как к этому относиться христианам?

2. Публичное и частное

Религия во всех (пост)христианских странах имеет тенденцию уходить в область частной жизни – в России, напротив, в последнее время наметилось движение к максимальному «воцерковлению» публичной сферы. На практике это означает расширение влияния и все более заметное присутствие в публичном пространстве – нередко за счет независимости и самостоятельности церковных структур, которые рискуют оказаться придатком к структурам государственным. Такое православие всё больше становится политическим и идеологическим – и всё меньше христианским.

С другой стороны, в России, как и в других странах, существует огромное количество «номинально православных» людей, которые ограничиваются эпизодическим «потреблением религиозных услуг» и не желают ничего большего. Эти люди – самый выгодный и удобный ресурс для «политического православия»: они составляют формальное большинство, но им ничего не нужно, кроме внешнего и достаточно редкого исполнения

обрядов, а прежде всего – православной самоидентификации.

А массовая культура в России сейчас, в основном, светская, с очень небольшим и поверхностным налетом христианской символики и обрядовости. Как показали события последних лет, в поисках собственной идентичности и глубинных смыслов наш современник обращается не к Евангелию и не к житиям, а к причудливой смеси из идеализированных советских и имперских сюжетов. Можем ли мы предложить ему что-то иное?

3. Традиции и новаторство

Православная Церковь предельно консервативна, но подлинный консерватизм отличается от мертвящего повторения застывших форм – а ведь именно это мы нередко видим на практике. Новые богослужебные тексты пишутся по шаблону, несколько лучше положение с иконами, но в целом – любое творчество понимается как нечто опасное и подозрительное.

Характерный пример – бесконечный спор о том, возможно ли богослужение на литературном русском языке или только церковнославянском. Ясно, что перевод богослужения на русский язык не столько решит, сколько заострит эту проблему. Станет очевидно, что неподготовленному человеку непонятны не только церковнославянский аорист или дательный самостоятельный, но и византийская образность и богословские термины, заимствованные из классической греческой философии.

Так действительно ли христианство целиком и полностью состоялось однажды в Византии и, с тех пор мы вынуждены лишь хранить и передавать эти музейные, по сути своей, артефакты? А если нет, то каким может

быть полноценное православное творчество в XXI веке? Можно ли думать о том, чтобы выражать сегодня свои мысли и чувства в некоторых иных, не средневековых формах?

Приведу один из комментариев в блогах на эту тему, может быть, слишком радикальный на чей-то взгляд: «Будем честны: рельсы, заложенные в ранневизантийскую пору, кончились уже к началу XX века, начиная от проблем социальной структуры самой Церкви, от принципов ее отношения с обществом и кончая библейской герменевтикой. Православная интеллигенция эмиграции и постсоветской России мечтала вернуться в прошлое, в то, что было до советского потопа. Возникла мифологема: наши новомученики искупили все недостатки былого, теперь мы вернемся на старые рельсы, только уже без недостатков. Но рельсы-то кончились как таковые, возвращаться можно только в мираж, вот в чем дело».

4. Универсальное и национальное

Эта проблема теснейшим образом связана с предыдущей. Православие сформировалось в кругу определенных культур и обычно воспринимается именно в этих законченных культурных формах. В то же время оно всегда претендовало на универсальность, а русское православие не стало копией греческого или грузинского. Возможно ли сегодня появление новых православных культур? Каким, к примеру, может или должно стать американское, португальское или израильское православие – когда-то оно возникло в эмигрантской среде, но теперь в Церковь приходят новые поколения детей, вполне принадлежащих окружающей культуре?

Должны ли они целиком и полностью следовать русским, украинским, молдавским образцам, а если нет, то каким будет их православие?

А каким может стать оно, например, в черной Африке, где нет и никогда не было Византии, а климат не способствует ношению пышных облачений, зато есть свои традиции и обряды – например, принято всенародное пение и пляски? Весь мир обошла запись молитвы Господней (*Baba yetu*, «Отче наш») в исполнении танзанийского христианского хора, она даже стала музыкальной заставкой к известной компьютерной игре «Цивилизация». Это пение прекрасно, но ведь это совсем не знаменный распев и не партес – можно ли в Африке такое петь на православной литургии? Если нет, то почему? А если да, то как будет выглядеть вся остальная литургия?

Да и возможно ли изменение уже существующих культурных традиций? Русская культура была очень разной в московское, имперское, советское время, сегодня она не повторяет ни один из прежних образцов, да и внутри себя не однородна. Насколько разумно тогда обращение к идеализированному образу дореволюционной русской культуры, которая к тому же известна нам исключительно из книг? И в глобализованном мире – насколько может и должна национальная Церковь открываться иноземным влияниям?

5. Экуменическое общение

Это наблюдение подводит нас к еще одному вопросу. Официальный экуменизм (общение представителей разных конфессий в протокольном формате), по сути, выполнил свою роль и уже не имеет особых перспектив.

В то же время постоянно увеличиваются возможности для экуменизма неофициального, связанного с общением и совместными действиями отдельных людей, которые при этом не планируют менять юрисдикционную принадлежность. Более того, мы обнаруживаем, что общие взгляды встречаются у людей разных конфессий, а принадлежность к одной конфессии еще не обязательно означает тождество веры: русские православные могут верить, прежде всего, во Христа, а могут – в «русский мир».

Визит папы Франциска в Константинополь осенью 2014 г. и его встреча с патриархом Кириллом в начале 2016 г. показали, что в католическо-православном диалоге можно прекрасно обойтись без стотысячного раунда переговоров о Filioque, непорочном зачатии Богородицы и папском примате – о тех догматических разногласиях, которые, по-видимому, непреодолимы, но в то же время для большинства верующих совершенно несущественны.

Вообще, по-видимому, конфессиональные рамки, как и государственные границы, никуда не денутся в ближайшем будущем, но значат они всё меньше. Люди общаются и делают совместные проекты поверх них, хотя паспорта у людей в мире – разные, и порой необходимо бывает получать визы.

6. Психологизм и духовность

Средневековый мир не знал психологии и психотерапии, и христианские практики (такие, как исповедь) в немалой степени были призваны решать задачи, с которыми сегодня принято обращаться к дипломированным специалистам. Это обстоятельство порождает

много пастырских проблем: люди с психологическими или даже психиатрическими проблемами прибегают к помощи духовника, но он просто не в состоянии ее оказать – а профессионалы, способные это сделать, могут совершенно не понимать христианской веры пациента.

Но это не только пастырская проблема. Многие явления, которые традиционно относят к духовной сфере, могут быть достаточно легко объяснены через призму психологии и даже психопатологии. К религии человек часто прибегает в поисках выхода из мучительных для него психологических состояний. А ведь отсылка к вечному и надмирному так легко становится мощным инструментом манипуляции и невротизации.

Как, с одной стороны, отделить духовное начало в человеке от психического, а с другой – как помочь им прийти в гармоничное равновесие – мы, по сути, только начали задумываться о существовании этой проблемы.

7. Семья и сексуальность

Наиболее яркий пример – отношение к проблемам пола. Современный мир упивается сексуальностью, а кризис семьи как института – постоянная тема для дискуссий. Как относится к этому православное христианство – просто повторяет древние нормы, согласно которым существуют только два четко разграниченных состояния: брак и блуд? Но в современном обществе эта граница достаточно расплывчата и условна, и связь, не оформленная как брак, не обязательно означает распущенность и вседозволенность.

Всё чаще можно видеть, как к венчанию пары приходят после нескольких лет совместной жизни и даже рождения детей, когда их союз уже состоялся и

утвердился – и такая практика даже иногда встречает пастырское одобрение. Во всяком случае, это лучше пышных венчаний, за которым следует скорое (и в нашей нынешней практике совершенно беспроblemное) расторжение церковного брака.

Впрочем, не в одном браке дело. Христиан часто обвиняют в том, что они вообще отрицают всякую сексуальность, считая ее по определению греховной. Можно привести множество цитат, что это не так, но... на практике именно так и бывает. Можем ли мы не просто реагировать, зачастую запоздало, на вызовы времени, но предложить миру актуальное и действительно христианское слово на эту тему? Будет ли это слово заключаться в подробном перечне того, что «можно», и того, чего «нельзя» (а ведь я даже не затронул тему гомосексуальности!), или мы можем постараться доходчиво объяснить, что мы, собственно, имеем в виду под христианским отношением к браку и сексуальности? Предложить некую позитивную и содержательную альтернативу, а не только ворчать об испорченности нынешних нравов?

Это лишь некоторые из задач, которые стоят перед нами. И скорее всего, для каждой из них нет единственно верного решения. Если нужно дать им какое-то общее название, я бы сказал, что это преодоление провинциальности. Хронологической провинциальности (нам уютно в нашем маленьком Средневековье), культурной провинциальности (русский мир, а другого не знаем и знать не хотим), да и вообще всех видов боязливого и недоверчивого отношения к большому миру, которое заставляет прятаться в своем маленьком мирке и провозглашать его самым лучшим и вообще единственным на свете.

В поисках ответов нам, безусловно, поможет опыт западных христиан, которые прожили иной, чем мы в России, двадцатый век и столкнулись с подобными вызовами по-другому. В то же время хочется верить, что и опыт христиан русской традиции (без жесткой привязки к государству или национальности) может оказаться полезным христианам из других народов и стран. В глобальном мире большинство наших проблем тоже глобальны, хотя и проявляются не всегда одинаково в разных обществах и странах. И этот путь не будет похож на легкую прогулку.

«Христианство сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода»⁶, – сказал о. Александр Мень в 1990 году, накануне своей гибели – а также накануне распада СССР и начала краха наших иллюзий. Этот взгляд строго противоположен другому, куда более привычному: «православие целиком и полностью уже состоялось, наша задача его разве что охранять». Но это очень оптимистичный взгляд, если вдуматься. Если принять слова о. Александра, то весь наш двухтысячелетний опыт – не мерило совершенства, но и не нелепое недоразумение. Это опыт, на котором учатся, чтобы жить дальше.

Когда первые шаги делали, к примеру, автомобили или вообще любое человеческое изобретение, они были очень далеки от совершенства – всё менял опыт. Современные автомобили намного лучше первых, но в их основу заложены те же принципы, что и прежде. То же самое касается и социальных институтов, например, парламентаризма.

Можно понять слова о. Александра в том ключе, что нечто подобное применимо и к Церкви – с учетом того,

⁶ Лекция «Христианство», цит. «Христианос-1», Рига, 1991. С. 27.

что этот институт не чисто человеческий и работают над его созиданием и усовершенствованием не только люди. Но и люди – тоже. И в начале любой человеческой деятельности важно понять, где мы находимся, какие испытываем проблемы, и чего, собственно, хотим.

Когда в 2005 г. были изданы на русском языке Дневники другого о. Александра, Шмемана, русского священника, прожившего всю свою жизнь на Западе, они произвели эффект разорвавшейся бомбы – разумеется, среди того узкого круга людей, кто их читал и принял всерьез. Впрочем, и те, кто не принял, сделали из Дневников свой вывод: Шмеман, по сути, от православия под конец жизни отпал, только не успел или не пожелал оформить этот факт переходом в другую конфессию. Но его разочарование в историческом православии (а какое же бывает еще?) кажется полным и окончательным.

Вот, пожалуй, самые горькие из его слов: «...в Православии – историческом – начисто отсутствует сам критерий самокритики, сложившись как “православие” против ересей, Запада, Востока, турков и т.д., Православие пронизано комплексом самоутверждения, гиперτροφией какого-то внутреннего “триумфализма”. Признать ошибки – это начать разрушать основы “истинной веры”. Трагизм православной истории видят всегда в торжестве внешнего зла: преследований, турецкого ига, измены интеллигенции, большевизма. Никогда – во “внутри”. И пока это так, то, по моему убеждению, никакое возрождение Православия невозможно»⁷. Здесь можно утешиться тем, что примерно так обстоят дела со всеми историческими религиями, это просто обычный

⁷ Шмеман А., *прот.* Дневники. М.: Русский путь, 2017. С. 108–109.

архаический взгляд на вещи: мы всегда во всем правы, наши враги всегда нас преследуют.

Но Шмеман продолжает: «Главная же трудность здесь в том, что трагизм и падение по-настоящему не в грехах людей (этого не отрицают...), а укоренен, гнездится в тех явлениях, которые принято считать, в которые принято верить, как именно в саму сущность Православия, его вечную ценность и истину. Это, во-первых, какое-то “бабье” благочестие, пропитанное “умилением” и “суеверием” и потому абсолютно непромокаемое никакой культуре. Стихийная сила этого благочестия, которым можно жить, как чем-то совершенно самодовлеющим, вне какого бы то ни было отношения ко Христу и к Евангелию, к миру, к жизни... Тут все слова “жижеют”, наполняются какой-то водой, перестают что-либо означать. Это “благочестие” и есть то, что вернуло христианству “языческое” измерение, растворило в религиозной чувственности. Оно и Христа мерит собою, делает Его – символом самого себя... Это, во-вторых, гностический уклон самой веры, начавшийся уже у отцов (приращение эллинизма) и расцветший в позднем богословии (западный интеллектуализм). Это, в-третьих, в этом благочестии и этом богословии укорененный дуализм, заменивший в церковном подходе к миру изначальный эсхатологизм. Это, в-четвертых, сдача Православия – национализму в его худшей языческой (кровной) и якобинской (государственно-авторитарной негативной) сущности. Этот сплав и выдается за “чистое Православие”, и всякое отступление от него или хотя бы попытка в нем разобраться обличаются немедленно как “ересь”. Между тем этот именно сплав есть тот тупик, в который зашло историческое Православие».

К подобным выводам приходили после Шмемана многие люди, которых я знаю лично, и это для них как

правило, означало, в самом деле, отход от Православной Церкви. Они могли перейти в другую конфессию, или даже совсем в другую религию (обычно буддизм), или вовсе разочароваться в религии. Наконец, существует и «внутренняя эмиграция», когда человек никуда формально не уходит, но церковной жизнью живет в минимальных объемах, принимая таинства как необходимые лекарства и сторонясь всего остального.

Иными словами, нам обещали, что православие содержит всю полноту Истины, но сталкиваясь с реальностью православной жизни, мы видим, что в ней много темных пятен и провалов. Наблюдая их, мы какое-то время можем считать, что причиной им личные недостатки тех или иных людей, прежде всего нас самих, но вскоре видим, что идеального православия нет и никогда не было на этой земле, и вряд ли можно ожидать его появления в будущем. Можно оставаться в неидеальном, конечно, но с полнотой Истины эта неидеальность как-то слабо сочетается, особенно если учесть, что со стандартной точки зрения все прочие христианские сообщества (не говоря уж о других религиях) пребывают в состоянии ереси или раскола по отношению к нам. То есть, чтобы стать настоящими христианами, они должны целиком и полностью уподобиться нам... но если уподобятся, то, судя по окружающей нас реальности, не станут лучше.

Есть, конечно, своеобразный выход в том, чтобы сказать: это испортилось нынешнее «мировое православие» (совокупность поместных Церквей, признающих друг друга), подлинная православная традиция сохраняется в подполье, у «истинно православных». Но когда спрашиваешь у приверженцев этой точки зрения, кто же, собственно, составляет это истинное православие, ответ

обычно оказывается коротким: я и узкий круг моих друзей и единомышленников (к тому же круг этот оказывается переменчивым). На Вселенскую Церковь мало похоже, если честно.

Наконец, можно принять т.н. «теорию ветвей»: христианство бесконечно разнообразно, каждая из его разновидностей – ветвь, произрастающая на едином стволе, среди них нет более или менее верных. Но такой подход означает полнейшую относительность любых суждений, ведь и догмат о Троице разделяется не всеми, кто принимает Евангелие. Такой подход, по сути, предлагает всякому, кто ищет Истину, вести себя наподобие покупателя в супермаркете: выбирать любые товары в любой комбинации, руководствуясь собственным вкусом и желаниями – и кстати, зачем ограничиваться только христианством? Но такой супермаркет тоже мало похож на Апостольскую Церковь.

Да и внеконфессионального христианства не существует – любая его разновидность принимает те или иные формы, следует определенной традиции, а значит, конфессиональна по сути. Но конфессиональность не обязательно должна быть подобна провинциальности. Мы все живем в той или иной провинции (даже если это столица), мы в идеале любим ее и гордимся ею. Можно назвать это чувство патриотизмом. Провинциальность начинается там, где мы считаем свою провинцию единственно достойной или единственно возможной для жизни, начинаем объяснять, почему в ней вообще всё намного лучше, чем в прочих провинциях, отказываемся видеть то, что заранее не вписано в наши местные рамки.

Те отрицательные черты исторического православия, которые показывает Шмеман (пожалуй, несколько

карикатурно) можно считать конфессиональным провинциализмом. Почему «жижеют» слова, почему даже Христос становится символом чего-то в православной традиции? Или, как сформулировала это одна малограмотная прихожанка, «Крещение Господне – это праздник, когда Господь наш крестился и принял нашу веру православную»?

Прежде всего потому, что православие в такой картине мира понимается как нечто самодостаточное, извечное и неизменное. Христос – всего лишь его элемент, и не обязательно центральный. Точно так же убежденный провинциалист (назовем его так, чтобы отличать от провинциала – человека, просто живущего в провинции) воспринимает любую знаменитость, рожденную в его городе или его окрестности, не как некую самостоятельную личность, а как очередное доказательство несравненного превосходства этого города над всеми остальными.

Отсюда и заигрывания с национализмом, и преклонение перед государством – это силы, которые способны отстоять нашу прекрасную провинцию от натиска всех остальных, подтвердить наш комплекс гиперполноценности. Отсюда даже «умильно-суеверное бабье благочестие», как назвал это Шмеман – полагаю, можно было бы назвать это как-то помягче, но, видимо, о. Александра действительно достал этот тип эмоционально-безрассудочного отношения к «святынькам». Но разве не так мы любим родную березку или пальму под окном? Как можно объяснить посторонним, что значит для нас запах угольного дыма и ночные сигналы маневровых паровозов, если наше детство прошло неподалеку от вокзала? Как рационализировать множество мелких привычек и ритуалов, с которыми

связаны прогулки по родным улицам? И в этом нет ничего дурного, пока мы не начинаем абсолютизировать подобное.

Замечу, что и Шмеман явно говорит здесь не о догматике, литургике и прочих базовых для православной традиции вещах, а именно что о привычках и ритуалах, которые в огромном количестве случаев заслоняют все остальное. И его разочарование, насколько мы можем судить, относится именно к этой подмене, а не к тем сокровищам, которые в православной традиции, безусловно, существуют.

Но почему же он не перешел к католикам или буддистам, почему не стал альтернативным православным, как множество моих знакомых? Мы не можем судить наверняка, но можно предположить, что он вовсе не считал необходимым называть всё это православием и любой ценой оправдывать.

Говоря о «истинности православия» мы можем подразумевать разные вещи. Мы можем считать, что Истина во всей своей полноте дана именно в православии, и даже не очень важно, что мы будем в этой ситуации думать о католиках или баптистах – что у них эта Истина повреждена или что они ее утратили полностью. Важно, что она есть у нас. Тогда не остается места ни поиску, ни удивлению – эта позиция любого фундаменталиста. Его задача – тщательно охранять Истину от любых нападений и подавлять любые сомнения. Отсюда вытекает и агрессивность, и, собственно, незаинтересованность в Истине как таковой – ну что о ней говорить, если она уже «зашифрована» особым способом в обрядах и текстах нашей единственно верной религии, если она гарантированно записана за нами? И там, где православные говорят не о Христе, а о «традиционных

ценностях» или «русском мире», они свидетельствуют именно о такой вере.

Но эта вера глубоко провинциальна. Если мы приходим к выводу, что Истина равна православию в его конкретно-исторических формах, то, значит, нет и не может быть ничего выше и лучше византийского христианства. Истина однажды спустилась на Землю, она говорила по-гречески и жила в окрестностях Константинополя, а с тех пор она только исчезает и портится, а наша задача – по мере сил играть в византийцев. Евангелие тут просто излишне, в лучшем случае оно – элемент этого византийского декора.

Но это несколько обидно для не-византийцев. И вот на свет извлекается новая теория: на самом деле византийское православие погибло, не устояло перед искушениями, теперь во всем мире есть только один богоизбранный народ, только одна православная страна, только наша провинция. Русское православие переживает сейчас острый период этой болезни провинциализма. А поскольку непредвзятый взгляд показывает, что реальность Российской Федерации нашего времени довольно далека от идеалов Царства Божия, это ведет к невротизации и агрессии: человек начинает отстаивать то, в чем сам не уверен, криками и насилием он пытается заглушить сомнения в собственной душе. А Евангелие, которое открывает путь примирения и прощения, но призывает «отвергнуться себя», ему в этом только мешает. Он совершенно не собирается отвергаться себя – коллективного себя, т.е. своего народа, своей страны, своей конфессии.

Это явный перевертыш, пародия на христианство. Но каким же может быть иной подход? Судя по другим книгам о. Александра Шмемана, он видел в православии

прежде всего исторический опыт поиска и проживания Истины, которая никому не дана в полноте, но открывается ищущим и живущим в согласии с ней. И такое православие бесценно... но при этом оно не абсолютно, не безгрешно, не окончательно. «Христианство только начинается». Мы лишь недавно вышли в путь и не знаем еще, когда достигнем цели и какой именно она окажется. И потому, любя малую родину, свою провинцию, мы говорим лишь о том, насколько она нам дорога, но мы не обязаны при этом хулить чужую родину. И не видим особого смысла в том, чтобы родину менять (если, конечно, нас не вынуждают к тому крайние обстоятельства, но это уже слишком личное и неформализуемое).

Из этого можно сделать вывод, что я придерживаюсь той самой «теории ветвей» и считаю все формы христианства в равной мере истинными и спасительными. Это не так. Для примера скажу лишь несколько слов о православии и католичестве. Говоря крайне обобщенно, можно сказать, что православная традиция (как следует и из ее названия, *ὀρθοδοξία* – «правоверие») всегда ставила своей целью сохранение чистоты веры, некогда переданной в библейском откровении и сформулированной на языке классической греческой философии. Православие не приняло догматических новшеств вроде пресловутого *Filioque* (кстати, историки подсказывают, что в расколе между Западом и Востоком эта вставка не играла практически никакой роли, важнее были другие разногласия).

Но вот абсолютизация этого самого языка греческой философии отчасти привела к расколу с восточными Церквями еще до раскола с Западом – на арамейском «сущности» и «ипостаси» звучали слишком непонятно. Впрочем, так они звучат и для наших современников.

Католическая церковь (καθολικός – «всеобщий») была, в свою очередь, ориентирована на всемирность, универсальность – в сочетании с организационным единством, и тут тоже не обошлось без издержек. У той и другой части христианского мира были свои взлеты и падения, и если сегодня, после Второго Ватикана, католики выглядят куда более «современными», то русский собор 1917–1918 гг. поставил многие вопросы адаптации христианской веры к реалиям XX века и предложил конкретные решения еще за полвека до собора западного. Как будут выглядеть наши конфессии (наши провинции!) через век или два, нам не дано угадать. И потому перебегать из одной в другую мне кажется не слишком осмысленным занятием.

А вот совершать путешествия, чтобы научиться чему-то новому и важному для себя, стоит обязательно. Вообще, аналогия с государствами и их границами работает довольно точно: полвека назад поездка за границу была огромным событием не только для граждан социалистических стран. Экономика, промышленность, да и культура тоже существовали, в основном, в национальных границах, общение людей поверх них было достаточно затруднено.

Сегодня границы никуда не делись, у нас по-прежнему есть паспорта и нам часто требуются визы. Но зарубежная поездка стала рядовым событием, по крайней мере, для жителей больших городов, а что до экономики, то уже нелепо спрашивать, какая именно страна производит тот или иной товар: в одном месте Земли добывается сырье, в другом разрабатываются чертежи, в третьем производятся запчасти, в четвертом осуществляется сборка. Как изменил стиль нашего общения интернет, и говорить не приходится.

Наконец, возник Евросоюз – первое, по сути, со времен Римской империи глобальное объединение очень разных стран, которые сохраняют свои различия и отчасти даже продолжают конкурировать, но больше не воспринимают друг друга как врагов и живут по общим правилам, постоянно уточняя и пересматривая их путем договоренностей, а не насилия. Нечто подобное можно представить себе и в сфере межконфессионального взаимодействия.

Более того, в Евросоюзе, по сути, национальные государства значат всё меньше, их полномочия отчасти переданы наверх, Евросоюзу, а отчасти вниз, регионам. Франция и Германия многократно воевали за Эльзас и Лотарингию, но в новой войне нет никакого смысла, когда жители этих провинций могут свободно выбирать, на каком языке говорить и в какую соседнюю провинцию ездить. Собственно, и в межконфессиональных контактах наблюдается нечто подобное: в каждой конфессии есть люди очень разных взглядов, и вот фундаменталисты всех стран соединяются, равно как и либералы. У двух христиан из разных конфессий может оказаться куда больше общего друг с другом, чем с единоверцами, – и это совершенно не повод для них основывать некую новую, третью конфессию. Скорее, это причина для общения. Отказ от узколобного провинциализма приводит, на самом деле, не к упадку, а к расцвету в родной провинции – и то же самое, полагаю, относится и к конфессиям.

Готовность к заимствованию опыта и к диалогу через конфессиональные границы и составит, по моему убеждению, будущее экуменизма – экуменизма не институций, но личностей. В него сейчас вовлечена очень небольшая часть верующих с каждой стороны,

как сказали бы политики, «пренебрежимо малая часть электората». Но именно малая закваска сквашивает всё тесто, в истории христианства именно так зарождались все новые идеи.

В таком экуменическом диалоге, как во флешмобе, будут участвовать только те, кто сам захочет, и заранее будет невозможно определить: кто именно и сколько, и не надоест ли кому-то очень скоро собственное участие. Существуют в Европе монашеские общины, где живут, трудятся, молятся вместе католики и протестанты (Тэзе во Франции), и где католики внимательно изучают духовный опыт православных церквей (Бозе в Италии), но при этом никто никуда не переходит. Есть и мирянские движения подобного рода, их явно будет становиться намного больше. Впрочем, не обязательно создавать некие особые организационные формы, это может быть для начала просто общение поверх конфессиональных барьеров – общение людей, которые хотят жить с Богом и друг с другом, которые готовы слушать и учиться прежде, чем наставлять, обличать и навязывать всем свою веру.

Таких людей пока не слишком много, но будущее, я уверен, за ними.

Каменари, июнь 2018

Павел Мейендорфф

Почетный профессор литургического богословия Свято-Владимирской православной богословской академии в Нью-Йорке, редактор Свято-Владимирского богословского Вестника.

**ТАИНСТВО ГОСТЕПРИИМСТВА.
ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ
ГОСТЕПРИИМСТВА И ОБЩЕНИЯ¹**

Paul Meyendorff

**The Sacrament of Hospitality.
A Liturgical Understanding
of Hospitality and Communion**

Странствия Владычня и безсмертныя Трапезы на горнем месте высокими умы, вернии, приидите, насладимся, возшедша Слова, от Слова научившиеся, Егоже величаем².

¹ Доклад, прочитанный на XXV международной экуменической конференции «Дар гостеприимства» в монастыре Бозе (Италия), 6–9 сентября 2017 г.

² Ирмос девятой песни канона Великого Четверга.

«Придите, верные, в горницу, возвышенным умом вкушим гостеприимства Владыки и бессмертной трапезы высочайшего слова, научившись от Слова, Которого величаем».

Ξενίας δεσποτικῆς, καὶ ἀθανάτου τραπέζης, ἐν ὑπερώῳ τόπῳ, ταῖς ὑψηλαῖς φρεσὶ, πιστοὶ δεῦτε ἀπολαύσωμεν, ἐπαναβεβηκότα λόγον, ἐκ τοῦ Λόγου μαθόντες, ὃν μεγαλύνομεν.

Ξενία в греч. тексте может быть понято и как «гостеприимство», и как «чужбина»; славянский переводчик избрал последний вариант и перевел «странствие»; английский вариант, который цитирует П. Мейендорфф, предлагает перевод «гостеприимство». (Прим. пер.)

Как с богословской, так и с пастырской точки зрения не будет преувеличением сказать, что XX век был эпохой евхаристической экклезиологии или экклезиологии причастия. Основываясь на достижениях библейского и патристического богословия, появившихся уже в XIX веке, богословы XX века заново открыли центральное место Евхаристии в жизни Церкви. Опираясь на ключевые тексты Писания, равно как и на труды Игнатия Антиохийского, Максима Исповедника, Николая Кавасилы и других, современные православные богословы – Николай Афанасьев, Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф, Иоанн Зизиулас и другие – указывают на Евхаристию как на видимое выражение и выявление Церкви³.

Внимание к Евхаристии не было свойственно только православным; ведущие западные (римо-католические) ученые, включая Жана Даниелу, Луи Буйе, Ива Конгара, подобным образом вновь открывали евхаристическую экклезиологию, изучая греческих отцов. Эти исследователи заложили основу для литургических реформ II Ватиканского собора, также сосредоточенных на центральном месте Евхаристии. Так, соборный декрет о литургии, «*Sacrosanctum Concilium*», утверждает, что «Литургия... прежде всего в Божественной Евхаристической Жертве... в высшей степени содействует тому, чтобы верные выражали своей жизнью и

³ Было бы преувеличением сказать, что евхаристическое возрождение возникло из ничего в XX веке. Уже в XIX столетии колливады в Греции, как и св. Иоанн Кронштадтский в России, говорили о необходимости более частого причащения. Даже еще раньше, в XIV–XV веках, исихасты обращали особое внимание на Евхаристию и ее принятие – см., напр., труды Николая Кавасилы *О жизни во Христе и Изъяснение Божественной Литургии*.

являли другим тайну Христову и подлинную природу истинной Церкви»⁴. После II Ватиканского собора и многие протестанты тоже пережили евхаристическое возрождение, и разговор о «койнонии» с его явными евхаристическими нюансами, прочно вошел в экуменический дискурс.

Евхаристическое возрождение не ограничилось только уровнем богословия, но имело и непосредственное пастырское измерение. Во все большей части православного мира обычные миряне теперь причащаются гораздо более часто и регулярно. Фактически в Церквях, наиболее затронутых этим возрождением, большинство верных причащаются каждое воскресенье. Во многих случаях возрождение также заметно повлияло и на то, как совершается литургия, включая использование обиходного языка, гласное произнесение так называемых «тайных» молитв, особое внимание к проповеди, изменения в практике исповеди⁵ и т.д.

Едва ли кто-нибудь сегодня будет отрицать положительные аспекты этого евхаристического возрождения, уже вошедшего в основное русло православных богословских размышлений. Евхаристическая экклезиология дает последовательное и целостное понимание Церкви, как она реализовывалась в прошлом, реализуется сейчас в конкретном времени и месте и будет реализовываться в грядущем мире. Здесь и сейчас в

⁴ Конституция о Священной Литургии, пар. 2.

⁵ В славянских Церквях в особенности исповедь в течение нескольких столетий требовалась перед каждым причащением. Очевидно, это является серьезным препятствием к частому причащению. Одним из решений стало введение общей исповеди, предложенное прот. А. Шмеманом и одобренное Синодом епископов ПЦА (см. А. Шмеман, *Исповедь и Причащение: доклад для Синода епископов ПЦА*, 1972).

Евхаристии для нас возможно предвкушение грядущей трапезы, предвкушение образа Царства. Здесь и сейчас, в Евхаристии мы можем быть в подлинном единстве с Богом и друг с другом, ради которого и было создано человечество и весь мир.

И устроитель этой трапезы – не кто иной, как воскресший Христос, который продолжает присутствовать с нами в этом преломлении хлеба. В этом смысл евангельского отрывка (Лк 24), где только что воскресший Христос в первый день недели является ученикам на пути в Эммаус. Поначалу они не могут узнать Его, и только за трапезой, после того, как Он «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им», они, наконец, узнают Его. Это означает, конечно, что в Евхаристии, которую Церковь с самого начала совершает каждое воскресенье, становятся излишними «мистические», чудесные явления Христа, потому что Он с нами, как Господин трапезы. Все рассказы о Трапезе Господней у синоптиков показывают Иисуса как Господина трапезы, и именно Его гостеприимство мы сами переживаем в Евхаристии.

Евангелие от Иоанна идет еще дальше: не описывая детально Тайную Вечерю, оно обращает внимание на то, как Иисус умывает ноги своим ученикам⁶. В этом рассказе Он не просто хозяин Трапезы, но смиренный слуга всех. И дальше Он прямо наставляет своих учеников подражать Ему, умывая ноги друг другу. И предложение Самого Себя на Тайной Вечери, и уничтожение в умывании ног – это аспекты миссии Самого Христа и образцы христианской жизни. Как говорит об этом следующее песнопение Великого четверга: «Тайной Трапезе, в страхе приближившиеся вси, чистыми душами хлеб приимем, спребывающие Владыце, да видим,

⁶ Ин 13:1-20.

како умывает нозе учеников, и сотворим, якоже видим, друг другу покаяющеся, и друг другу нозе умывающе, Христос бо тако повеле Своим учеником, предрек тако творити, но не услыша Иуда раб и льстец»⁷.

В различных своих аспектах богослужение предлагает нам парадигму христианской жизни: мы можем подражать либо Христу, который смирил Себя, приняв образ раба⁸, либо Иуде, который даже в поцелуе предает Христа. Все богослужения Страстной Седмицы, в которых мы все вместе проживаем события Страстей Христовых, работают как единый рассказ, как одна большая притча: в Вербное воскресенье мы вместе с толпой держим вайи и восклицаем «Осанна в вышних, благословен грядущий во имя Господне», а еще через несколько дней мы, по нашим грехам, стоим осужденные с Иудой и теми, кто кричит «распни, распни Его»... Коротко говоря, ежегодное богослужение Страстной

⁷ Икос канона Великого Четверга.

Τὴμυστικὴ ἐν φόβῳ τραπέζῃ, προσεγγίσαντες πάντες, καθα-
ραῖς ταῖς ψυχαῖς, τὸν ἄρτον ὑποδεξώμεθα, συμπαραμένοντες τῷ
Δεσπότη, ἵνα ἴδωμεν τοὺς πόδας πῶς ἀπονίπτει τῶν Μαθητῶν,
καὶ ἐκμάσσει τῷ λεντίῳ, καὶ ποιήσωμεν ὥσπερ κατίδωμεν, ἀλ-
λήλοις ὑποταγέντες, καὶ ἀλλήλων τοὺς πόδας ἐκπλύνοντες,
αὐτὸς γὰρ ὁ Χριστὸς οὕτως ἐκέλευσε, τοῖς αὐτοῦ Μαθηταῖς ὡς
προέφησεν, ἀλλ' οὐκ ἤκουσεν, Ἰούδας ὁ δοῦλος καὶ δόλος.

В страхе приблизимся к Тайной Трапезе, чистыми душа-
ми Хлеб приимем, пребывая с Владыкой, чтобы видеть, как
[Он] умывает ноги ученикам [и оттирает лентием], и станем
делать, как увидели, друг другу повинувась и друг другу
ноги омывая, ибо так заповедал Христос своим ученикам, —
но не послушал Иуда, лживый раб.

Между славянским и греческим текстами есть несущест-
венное расхождение: в славянском отсутствует «и оттирает
лентием». (Прим. пер.)

⁸ Флп 2:7.

Седмицы – не просто воспроизведение событий, совершившихся около двух тысяч лет назад. Скорее, оно помещает нас прямо в центр происходящего и призывает нас жить в соответствии с ним. Церковное богослужение, как в Евхаристии, так и помимо нее, изобилует элементами, подчеркивающими призыв к гостеприимству.

Умовение ног в Великий четверг совершается ныне в соборах и монастырях епископами или настоятелями монастырей. Самое раннее упоминание этого обряда содержится в Типиконе Великой Церкви (X век), который описывает практику собора св. Софии, кафедрального храма имперской столицы – Константинополя: «Вечером, после вечерни, в притворе совершается служба умовения ног. Патриарх умывает ноги трем иподиаконам, трем диаконам, трем священникам, архиепископу и двум митрополитам. Читается Евангелие от Иоанна (Ин 13:3-11). Когда умовение ног заканчивается, патриарх снимает фартук, вновь одевает фелонь и продолжает чтение Евангелия (Ин 13:12-17)»⁹.

Затем сразу совершается Евхаристия Великого четверга. Памятник XV века *De officiis* описывает участие византийского императора, который совершает обряд в своем дворце. Он умывает, отирает и целует правые ноги двенадцати нищих, каждому из которых дарят новую одежду и по три золотых¹⁰.

⁹ J. Mateos, ed., *Le Typicon de la Grande Église*, Vol 2: *Le cycle des fêtes mobiles* (Orientalia Christiana Analecta 166) (Rome: PIO, 1963), 72–75. Монастырский устав св. Саввы содержит более длинный обряд со специальной ектеньей, но чтение и обряд в целом сходны. Современный обряд с несколькими вариантами см. в J. Goar, *Euchologion* (Paris, 1647), 745–53.

¹⁰ *De officiis* 13 (PG 157: 86-88), cf. S. Pétridès, “Le lavement des pieds le Jeudi-Saint dans l’Église grecque,” *Échos d’Orient* 3 (1899–1900): 321-26, at 324.

Целование мира, которым верные призваны приветствовать друг друга, упоминается уже в одном из самых ранних описаний Евхаристии у Иустина Мученика в середине второго века¹¹. Еще того ранее *Дидахе*, не упоминая прямо целование мира, указывает, что христиане должны быть в мире друг с другом, как условие участия в Евхаристии¹². К сожалению, целование мира вышло из употребления в византийской литургической традиции, сохранившись только для клира, – хотя в последние десятилетия появляются приходы, где эта практика восстанавливается. Однако оно сохраняется в других формах, таких, как обряд прощения на вечерне Прощеного воскресенья в начале Великого поста, как и пасхальное приветствие, которым верные обмениваются в пасхальную ночь и весь период Пасхи.

Тем не менее, как хорошо знает каждый, кто знаком с православной литургической практикой, Православной Церкви не свойственно «евхаристическое гостеприимство». К причащению допускаются только православные христиане, а во многих поместных православных традициях – лишь те из них, кто выполнил строгие правила подготовки. В результате во многих православных приходах на воскресной литургии причащаются только маленькие дети и очень немногие взрослые. Таким образом наша собственная евхаристическая экклезиология не отражается на церковной жизни, и большинство православных христиан причащаются только изредка. Но, как я уже говорил, во многих частях православного мира под влиянием таких богословов и пастырей, как А. Шмеман, начинаются перемены.

¹¹ Иустин Мученик, *I Апология* 65-67.

¹² *Дидахе* 14.

В отношении христиан других традиций, православные, за немногими исключениями, твердо противостоят исходящему преимущественно из протестантского мира влиянию, направленному к практике «открытого причащения». Причина этому, конечно, в том, что мы рассматриваем причащение не просто как акт личного благочестия, но как церковное действие. Единство Церкви мы рассматриваем в евхаристических терминах [как евхаристическую категорию]. Единство Церкви будет восстановлено ровно тогда, когда наши епископы смогут служить вместе, и когда мы сможем разделить общую чашу. Конечно, есть те, кто видит это только в эсхатологической перспективе, но собравшиеся здесь и те, кто вовлечен в экуменический диалог, надеются, конечно, что это произойдет раньше.

Нельзя сказать, что христиане других традиций, лишенные полноценного евхаристического общения, вовсе не приемлются в наших церквях. Времена, когда даже оглашенные должны были уходить после Литургии Слова, давно в прошлом, хотя соответствующие возгласы присутствуют в Служебнике. А после причащения я часто вижу верных, которые подходят к инославным, чтобы разделить с ними антидор как жест гостеприимства. В более широкой перспективе православные с гордостью принимают в своих церквях посетителей и любят показывать им красоту храмов и богослужения. Особенно православные любят цитировать знаменитое место из русских хроник, которое описывает впечатления послов князя Владимира, которые были приняты и императором, и патриархом, а потом присутствовали на богослужении в св. Софии, кафедральном соборе Константинополя: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого

зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать»¹³.

Однако подобное гостеприимство, хотя и подлинное, далеко отстоит от того рода гостеприимства, которое Христос оказывает, истощая Себя и предлагая Себя в жертву за жизнь мира. Очевидно, что это требует более глубокого богословского рассмотрения.

Можно начать наши размышления с притчи о брачном пире (Мф 22). В христианской традиции она понимается и как образ эсхатологического Царства, и как образ Евхаристии, которая отражает Царство, присутствующее здесь и сейчас. Как и в случае с любой притчей, это ставит нас в весьма неудобную позицию. Конечно, порой мы похожи на тех, кто отвергает приглашение, заявляя, что у нас есть чем заняться или, как мы часто делаем теперь, что мы недостойны. Но Хозяин гостеприимен и хочет, чтобы пришел каждый. Но дальше мы видим беднягу, пришедшего не в брачной одежде, — и в духовной литературе это часто объясняют, что он-де не приготовился надлежащим образом. Экзапостилларий в утрене от Великого понедельника до Великого четверга говорит: «Чертог Твой вижду Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моя Светодавче, и спаси мя»¹⁴.

¹³ Нестор Летописец. *Повесть временных лет*, 16 (пер. Д. С. Лихачева).

¹⁴ Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и не имею одежды, чтобы войти в него: просвети одеяние души моей, Светодавче, и спаси меня.

Однако, это еще не все: в новозаветные времена брачную одежду обеспечивал тот, кто устраивал брачный пир. Значит, бедняк, пришедший на трапезу в неподобающей одежде, либо отказался принять ее от хозяина, либо утратил или запятнал полученное им одеяние. А брачная одежда – это не что иное, как одежда крещальная, которую получает новокрещенный. Таким образом, чтобы принять гостеприимство Хозяина, нам нужно только принять крещальную одежду, которую Он предлагает, чтобы включить нас в Свой пир. Дар крещения – это предельное выражение божественного гостеприимства. Это приглашение к всему человечеству без исключения, и, если мы принимаем эту крещальную одежду, мы можем пировать вместе на небесной Трапезе, которую устраивает воплотившийся, распятый и воскресший Господь.

Вследствие этого я бы сказал, что недавно вошедшая в основное русло христианской мысли евхаристическая экклезиология является односторонней и нуждается в том, чтобы быть сбалансированной, дополненной экклезиологией, опирающейся на крещение – «баптисимальной» экклезиологией. Если в XX веке было заново открыто центральное место Евхаристии, то теперь настало время заново открыть крещение, без которого невозможна Евхаристия и все, что из нее вытекает. Именно в крещении и миропомазании мы «облекаемся во Христа», становимся членами «Тела Христова» и «получаем дар Святого Духа», так что наша падшая человеческая природа восстанавливается, мы усыновляемся Богу и дерзаем называть Бога «Абба»¹⁵. В Пя-

¹⁵ Все переводы этого слова, включая греческий, упускают его интимный характер. Требуется невероятное дерзновение, чтобы перейти от невозможности даже произнести имя

тидесятницу, после того, как Дух Святой сходит на апостолов, Петр впервые проповедует, говоря о том, что Иисус есть Господь и Спаситель¹⁶. После этих слов его слушатели спрашивают: «Что нам делать, братья?». Петр отвечает: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа»¹⁷. И далее *Деяния* детально описывают распространение Церкви через возвешение Евангелия, крещение бесчисленных обратившихся, сперва из иудеев, а затем и из язычников, и дарование Святого Духа через возложение рук¹⁸.

Не удивительно, что все ранние церковные установления: Дидахе, Апостольские предания Ипполита, Апостольские постановления (*Didascalia Apostolorum*), равно как и вытекающие из них последующие документы, в значительной степени касаются этапов вступления [в Церковь] – сначала катехизация, затем обряды крещения во все более сложных формах, и все это исполняется процессией в Церковь, где собрание крещеных христиан ожидает неофитов, чтобы приветствовать их целованием мира и вместе совершать (Пасхальную) Евхаристию. Так, чаще всего именно пасхальной ночью, они принимали новокрещеных, которые только что через воды крещения соединились с ними в смерти и воскресении Христа. Евхаристия стоит здесь не сама

Божье к тому, чтобы называть Его «Абба» – «папа», самой интимной формой обращения. Именно об этом дерзновении говорится во введении к Молитве Господней в литургии.

¹⁶ См. Деян 2:14-36. Эту проповедь часто называют Прото-евангелием – первым провозглашением Благой Вести

¹⁷ Деян 2:37-38.

¹⁸ Важность возложения рук характерна для текстов, написанных Лукой. Позднее, в частности, в сирийской традиции, оно заменяется помазанием миром.

по себе, но как вершина долгого пути, на котором готовящиеся к крещению совлекаются ветхого человека, облакаются во Христа, принимают Святого Духа и в полноте вступают в Церковь, Тело Христово. И, как говорится в *Деяниях Апостольских* (Деян 2:42): «они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». Именно через постоянное участие в жизни Церкви, особенно через Евхаристию, поддерживается и питается реальность крещения, совершенного единожды в воде. С IV века восточные евхаристические молитвы включают эпиклезис, в котором Святой Дух призывается «на нас и на подлежащие Дары сия», напоминая о крещении, в котором Святой Дух даруется впервые. Коротко говоря, евхаристическая экклезиология имеет смысл только в свете экклезиологии крещальной.

Другие таинства и обряды Церкви также тесно связаны с крещением. Исповедь, к примеру, рассматривалась как «второе крещение», возвращение к крещальной благодати для тех, кто отпали и отсеки себя от жизни Церкви (и, тем самым, от Евхаристии). Елеопомазание больных, тесно связанное с таинством покаяния, во многом отражает крещение (в византийском обряде крещения молитва освящения «елея радования» на самом деле – молитва из чина благословения елея для исцеления). Освящение церкви включает омовение и помазание престола и стен здания. Обряд погребения является исполнением нашего крещения, и в нем некоторые элементы порой прямо заимствуются из чина крещения, как помазание и последнее целование¹⁹. Все

¹⁹ В древности новокрещенных приветствовали целованием мира, когда они входили в Церковь на пасхальную Евхаристию непосредственно после крещения. Теперь, когда люди покидают мир, целование дается им в знак прощания.

это не должно удивлять нас, так как указывает на центральное место крещения в жизни Церкви.

Главное, таким образом, что Церковь как Тело Христово составляется из тех, кто слышит Благоую Весть, покаялся, крестился во Христа и принял Святого Духа. Только одни крещенные могут еженедельно собираться для участия в Евхаристии. Этим они подтверждают продолжающуюся реальность своего крещения, привившего их к Телу Христову. Церковь узнала и поняла это с самого начала, но принимала как само собой разумеющееся. Теперь, после почти столетия евхаристического возрождения, настало, я бы сказал, время для возрождения «баптисмального».

Симптомы пренебрежения крещением видны повсюду. Богословы в последнее время обращали на него мало внимания, и потому богословие крещения не развивалось. На литургическом уровне обряд, некогда составлявший суть Пасхальной литургии, ныне обычно совершается как частная треба, на которой присутствуют только близкие и друзья семьи, вне всякой связи с Пасхой на практическом или когнитивном уровне. Современный обряд сведен примерно до 45 минут, - а раньше на подготовку к крещению требовалось три года, если не больше. В некоторых частях православного мира крещение совершается даже не в здании Церкви, а в частных помещениях. Связь крещения с Евхаристией стала рудиментарной: новокрещенного причащают запасными Дарами – или откладывают это до следующей воскресной литургии. В результате крещение стало частным делом и уже не воспринимается как общинное событие. Для многих верующих оно стало второстепенным по отношению к последующей за ним вечеринке, где все сюсюкают по поводу милого младенца в очаровательной белой рубашечке; едва ли

хотя бы кто-нибудь понимает *церковный* смысл произошедшего.

Наше призвание в этом веке – стремиться к восстановлению центрального места крещения подобно тому, как XX век увидел возвращение к надлежащему пониманию и практике Евхаристии. Подобно евхаристическому возрождению, это должно происходить и в богословии, и в пастырстве. Сегодня Церковь сталкивается во многом с теми же проблемами, с которыми она столкнулась в IV веке. Сейчас мы сталкиваемся с религиозно раздробленным миром, где христианство больше не является доминирующей силой. Православные уже не могут рассчитывать на поддержку христианской империи, и даже традиционно православные страны становятся все более секуляризованными. Западная Европа, несмотря на свои христианские устои, в значительной степени отвергает свои христианские корни, о чем свидетельствует отказ от любого упоминания христианства в проекте европейской Конституции. Наш постмодернистский мир во многом отвергает христианские ценности и в то же время сталкивается с угрозой возрождения ислама, зачастую фундаменталистского. Временами, особенно в Северной Америке, ответом является своего рода фундаменталистское христианство, которое утратило свою ориентацию, используя якобы христианские ценности для поддержки экономической и военной гегемонии. Таким образом, подлинное христианство теперь сталкивается с огромной задачей проповеди Евангелия во все более враждебном мире – мире, не слишком отличающемся от мира III–IV веков.

Тогда, в том мире, нужно было обращать как отдельных людей, так и общество. Евангелие нужно было

возвещать, людям нужно было слышать его, покаяться в своих грехах и перейти из мира тьмы и сени смертной в мир, где правили свет и истина. И именно весь подготовительный процесс, включая научение (катехизацию) – научение нравственное наравне с богословским – подводил к крещению, миропомазанию и полному участию в евхаристической жизни Тела Церкви. Сегодня мы сталкиваемся с аналогичным призывом и для того, чтобы ответить должным образом, нам нужно вернуть к жизни наше богословие крещения и его практику, вернуть им былое значение.

Я полагаю, что дальнейшие размышления о экклезиологии крещения могут помочь Православной Церкви в ее отношениях с другими христианами, и особенно с католиками. Почти единственная среди христианских Церквей, Православная Церковь отвергла возможность *inter-communion*, межконфессионального евхаристического общения, утверждая, что евхаристическое общение возможно только по достижении полного согласия и восстановления структурного единства. Эту позицию я поддерживаю и отстаиваю, представляя Православную Церковь во Всемирном Совете Церквей²⁰. Но недостаточно опираться только на евхаристическую экклезиологию, поскольку она не дает вариантов между «полным общением» и «никаким общением». Это привело к смущению и большим разногласиям среди православных по поводу церковного статуса других христиан, – равно как и относительно того, каким образом

²⁰ Я входил в Комитет по Поклонению Ассамблеи ВСЦ 1998 года, который постановил, что в официальной программе Ассамблеи не должно быть евхаристического служения. Впоследствии я участвовал в разработке «Указаний для общего поклонения» для специальной комиссии ВСЦ, в них были четко изложены этот принцип и его обоснование.

отдельные лица или группы из других христианских общин принимаются в православие: через крещение, миропомазание или просто исповедь и причастие.

Православная практика в отношении приема обращенных [из других конфессий] в целом неизменна с IV века. Канонические принципы дают ясно понять, что лица, которые приняли крещение во имя Троицы, как правило, не перекрещивались, но принимались либо через миропомазание, либо через исповедь/причастие. Эти канонические прецеденты, конечно, касались только положения до раскола между Востоком и Западом и Реформации. Таким образом, для решения запутанной ситуации своего времени и опираясь на древние канонические модели, митрополит Киевский Петр Могила разработал указания для принятия нехалкидонитов, римо-католиков, греко-католиков и протестантов²¹. Миропомазанные римо- и греко-католики, например, должны были приниматься через исповедь (греха) и причастие; протестанты через исповедание веры, миропомазание и причастие. Его подход в значительной степени был принят славянскими церквями.

Как объяснить такой подход? Не является ли это, как некоторые хотели бы видеть, проявлением икономии, когда крещение, совершенное вне канонических пределов Православной Церкви, не имеет никакой ценности, но ему придается значение властью епископа? Или это скорее проявление *различения*, посредством которого Церковь распознает, что является истинным

²¹ См. мою статью “The Liturgical Reforms of Peter Moghila, A New Look,” [Литургические реформы Петра Могилы: новый взгляд] *St Vladimir's Theological Quarterly* 29 (1985) 101–114.

и подлинным действием Святого Духа вне ее канонических пределов? Хотя сегодня в православии явно нет консенсуса по этому вопросу, я склоняюсь ко второй позиции. Если она верна, она опирается именно на экклезиологию крещения, которая считает Церковь основанной на крещении своих членов – экклезиологию, подразумевающую правильное научение вере, правильное исповедание (литургически Символ веры является крещальным исповеданием; отсюда и формула «Верую...»), правильное крещение во имя Троицы, за которым следует таинственная, евхаристическая жизнь. В той мере, в какой перечисленное можно различить вне видимых границ Православной Церкви, все это обозначает церковную реальность²². И таким образом, другие христианские Церкви можно считать проявлением церковной реальности, даже если полное евхаристическое общение еще не возможно.

Такой подход явно выходит за рамки вопроса о приеме обращенных, поскольку касается самой сердцевины того, как православные и католики видят – и расценивают – друг друга. В сущности, он делает возможным плодотворный подход Баламандской декларации 1993 года, принявшей терминологию «церквей-сестер»; все следствия такой формулировки обеим сторонам еще только предстоит осмыслить.

Православные богословские консультации Северной Америки, существующие непрерывно с 1965 года, приняли ряд важных согласованных заявлений, в том числе

²² Такой подход идет еще дальше в отношении римо-католиков, чьи рукоположения, как правило, считаются действительными, так что римо-католические священники принимаются в православие «в сущем сане» и только облачаются, но не перерукополагаются.

о крещении, о Евхаристии, о *Filioque* и др²³. Наиболее важным, быть может, является заявление 2010 года, озаглавленное «Путь к воссоединению Церкви: очерк православно-католического видения будущего»²⁴. Этот документ кратко описывает уже решенные и еще не решенные вопросы и содержит ряд предложений о промежуточных шагах, которые могут быть предприняты прежде восстановления полного общения. Заключительные абзацы содержат призыв к обеим Церквям: «Помимо технических вопросов, сколько формальных соглашений об учении и структуре Церкви нужно, прежде чем Православная и Католическая Церкви позволят местным общинам войти хотя бы в какую-то степень общения в таинствах? Если разнообразие внутри наших Церквей, как правило, не считается препятствием для евхаристического общения, позволим ли мы различиям между православными и католиками перевесить сущностное согласие между нашими Церквями в основных вопросах веры и мешать нам принимать друг друга за евхаристической трапезой, хотя бы иногда? Будет ли для обоих наших Церквей приемлемо разрешить священникам одной Церкви хотя бы позаботиться об умирающих членах другой [Церкви], когда поблизости нет других священников? Экстраординарная практика общения в причастии имела место в некоторые критические моменты недавней истории, в некоторых

²³ Тексты всех этих заявлений доступны: http://www.usccb.org/beliefs-and-teachings/ecumenical-and-interreligious/ecumenical/ecumenical-documents-and-news-releases.cfm#CP_JUMP_112270

²⁴ Полный текст доступен: <http://www.usccb.org/beliefs-and-teachings/ecumenical-and-interreligious/ecumenical/orthodox/steps-towards-reunited-church.cfm>

местах, и порой имеет место и сейчас. Может ли это служить прецедентом для более широкого евхаристического общения? Может ли быть конкретным шагом к более глубокому и длительному единению?

Совесть удерживает нас от того, чтобы радоваться полному единству в таинствах прежде достижения единства в вере, структуре Церкви и общем делании; но совесть также призывает нас выйти за пределы наших разделений в силе Духа и в стремлении к полноте животворящего присутствия Христа посреди нас. Призвание православных и католиков, считающих себя членами Тела Христова именно в разделении Евхаристических Даров и участии в преображении жизни в Духе Святом, ныне заключается в том, чтобы увидеть подлинное присутствие Христа друг в друге и найти в сформировавших за столетия наши общины структурах силу вывести нас за пределы разделенности, недоверия и соперничества к единству в Его Теле и послушанию Его Духу, которое явит нас миру как Его учеников.

Готовы ли мы, да и наши лидеры, встретить этот призыв? То, что мы можем обсуждать это здесь, возможно, указывает на то, что готовы».

*Перевод с англ.
свящ. Антония Лакирева*

«ГДЕ СКРЫВАЕТСЯ БОГ СЕГОДНЯ?»

Беседа

*с архиепископом-митрополитом
Збигневом Станкевичем,
главой Римско-Католической Церкви Латвии*

Збигнев Станкевич (латышск. – Zbigņevs Stankevičs) – глава Римско-Католической Церкви Латвии, архиепископ-митрополит. Родился 15 февраля 1955 г.

В 1973 поступает в Рижский Политехнический институт и заканчивает его в 1978 г.

В 1990 поступает в Люблинский Католический университет (факультет теологии), который заканчивает в 1996 г. В этом же году рукополагается и направляется на служение в храм святого Франциска в Риге. С 1999 по 2001 год является духовником Рижской духовной семинарии.

Ответственный за харизматическую общину Effata (1996–2002).

В 2002 году, получив благословение кардинала Яниса Пуятса, отправляется в Рим, где учится в Папском Латеранском университете. В феврале 2008 года, еще будучи священником, защищает на итальянском языке докторскую диссертацию по теме «Смена эпох и откровение. Современность как богословская проблема в мышлении Бернхарда Вельте» (Transizione epocale e siero di B.Welte) с отличием (Summa cum laude) и степенью Доктора теологии.

С 2010 года возглавляет Рижскую архиепархию Римско-Католической Церкви.

Автор восьми научных публикаций – пять из которых на иностранных языках.

Свободно владеет латышским, польским, русским, итальянским и английским языками. Способен общаться на немецком и французском языках.

Наталия Большакова-Минченко: Как вы считаете, Ваше преосвященство, общество сегодня больше секуляризовано у нас, в Латвии и на Западе, чем, допустим в конце XX века?

Митрополит Збигнев Станкевич: Я думаю, – наверняка. Потому что процесс секуляризации продвигается очень стремительно, в советское время это был теоретический материализм, и он сработал как вирус СПИДа. Он лишил духовного иммунитета человека, и когда пришел практический материализм, потому что мы живем в обществе потребления, – то практический материализм нашел себе очень хорошую почву в этом теоретическом материализме, вошедшем в сознание человека со времен коммунизма, и поэтому мы в определенной мере были беззащитны перед натиском общества потребления, и поэтому у нас он стремительно продвигается вперед и, к сожалению, очевидно измельчание религиозной, духовной жизни.

Н. Б.-М.: И, конечно, вы помните, как и я помню, что мы в советское время радовались, встречая христианина и мы даже не думали – католик ли он, православный, лютеранин и мы радовались, когда мы понимали, что у нас общая вера, а сегодня это совсем не так.

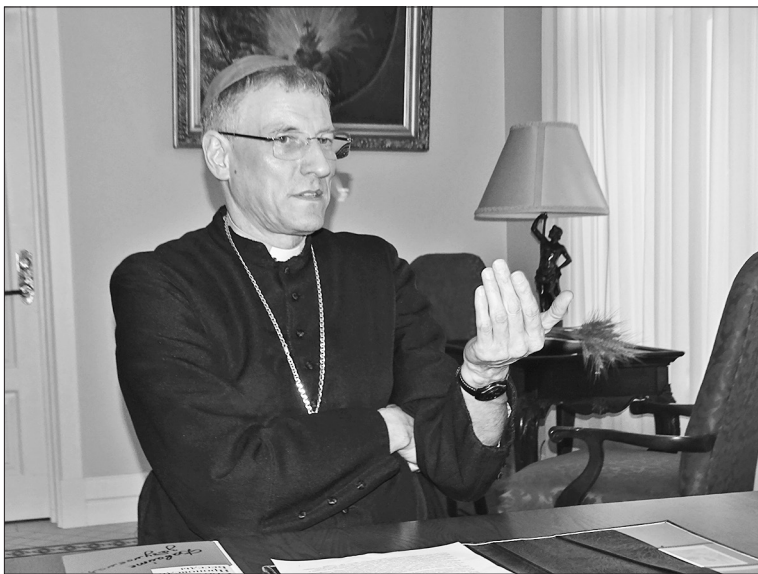
Митр. Збигнев: Ну, как мой предшественник кардинал Янис Пуятс говорил, что в советское время гонения на Церковь и преследование всех конфессий способствовало сближению христианских общин, способствовало экуменизму, потому что когда в тюрьме сидели

вместе за Христа, то тогда действительно конфессиональные различия переставали быть преградой для того, чтобы подружиться – товарищи по несчастью. Это я наблюдаю на примере *Экумены*¹ – экуменического движения, которое мы с вами хорошо знали и знаем со времен семидесятых – восьмидесятых годов. И после развала СССР все члены *Экумены* разошлись – в том смысле, что каждый пошел в свою конфессию, нашел свое служение, потому что в советское время это было невозможно, а теперь появились огромные возможности, и каждый нашел свое место. Я не думаю, что это плохо, и на своем примере могу сказать, что во мне та закалка, тот дух открытости к другим христианам остались и желание быть в контакте, быть в диалоге и думать сообща о вызовах современности – это все осталось, и я считаю, что это – один из фундаментов моей тождественности на сегодня.

Н. Б-М.: Да... Я тоже могу о себе так сказать, но встречаешь и другое среди христиан, – причем, разных конфессий.

Митр. Збигнев: Да, бывает по разному... К сожалению, я вижу что есть такие тенденции фундаменталистского толка, и они встречаются во всех конфессиях и, одновременно, есть, как говорится, перегиб в одну сторону или потом либерализация, в смысле либерализма уже такого, который начинает угождать миру и пытаться путем угождения человеку привлечь его в Церковь, что является недоразумением, потому что тогда мы теряем соль, мы теряем суть христианства, и тогда мы не можем конкурировать с предложениями мира, потому что мир всегда предлагает что-то

¹ Экуменическое движение, основанное в СССР Сандром Рига в 1971 г.

Митр. Збигнев Станкевич во время беседы

более привлекательное, я бы сказал, – на хорошем уровне: развлечения, удовольствия и тому подобное. Наше предложение совсем другое: мы предлагаем духовную пищу, мы предлагаем таинства церкви, мы предлагаем Бога, встречу с Богом живым, который удовлетворяет самые глубинные потребности твоей души, твоего сердца. Это совсем другое, и человек такое не может получить больше нигде. Христос говорит: «Мир Мой даю вам, не так, как мир дает»².

Н. Б.-М.: Окружающая нас действительность сегодня похожа на рынок, с большим ассортиментом товаров и услуг, но Церковь не стоит на рынке.

Митр. Збигнев: Но есть опасность, что нас начинают воспринимать, как одно из предложений рынка, и

² Ин 14:27.

мы не должны идти на компромисс, чтобы не раствориться в мире.

Н. Б.-М.: Очень беспокоит, что сегодня в Западной Европе в значительной мере идет отвержение христианских корней. Создавая европейскую конституцию, отказались даже от христианских основ. Мне кажется это угрожающим.

Митр. Збигнев: Да, Европа пилит те корни, которые ее питали 2000 лет и питают до сих пор и в этом отношении я действительно чувствую глубокое удовлетворение, что благодаря единству и сотрудничеству между традиционными для Латвии христианскими конфессиями – католиками, православными, лютеранами, баптистами и остальными конфессиями, которые у нас есть: старообрядцы и другие, – благодаря этому у нас в преамбуле Конституции есть христианские ценности. У нас в Конституции написано определение брака, семьи как союза мужчины и женщины, – это именно благодаря тому, что основные конфессии у нас говорят одним голосом.

Н. Б.-М.: Как вам кажется, виноваты ли современное христианство, Церковь в секуляризации и в остальных процессах?

Митр. Збигнев: Знаете, насчет секуляризации, – это процесс амбивалентный. Я бы сказал, что библейское откровение и христианство, как таковое, открыло возможность секуляризации. Потому что секуляризация – это отделение религии от повседневной жизни, но это стало возможным тогда, когда, благодаря библейскому откровению, человек открыл, что мир небожественен. Потому что языческий мир, – он обожествляется и там невозможно отделить сакральную сферу от повседневности. И библейское откровение утверждением, что Бог

трансцендентен, что Он присутствует в мире, но Он и сверх мира и Он вне мира, и что мир это Его творение, отделило мир от божественной сферы, и мир начал развиваться своим путем. И я бы сказал, что это нормально. И то, что секуляризация, как таковая, привела к тому, что государство отделено от Церкви, считаю, что это нормально. Потому что теократия – это не хорошая вещь. Но я бы хотел отделить, так называемую, «дехристианизацию», когда все то, что связано с верой, с религией, все выталкивается за пределы общественной жизни и как бы загоняется в частную сферу. «Что до общественной плоскости, – то здесь о религии не говорим, ибо это личное дело каждого». И это уже ложно, это неправильно и это вредоносно. И виновны ли христиане в этом, виновна ли Церковь, люди церкви в том, что происходит дехристианизация, что как бы в частную сферу загоняется религиозность? Конечно, тут опять же вина, я бы сказал, и с одной, и с другой стороны. Есть люди, которые сознательно работают над тем, чтобы христианство убрать, и здесь – их вина, они сознательно вредят и пытаются, как в советское время, бороться с религией. Сегодня в Западных странах борются более утонченным образом. Никого не убивают, но борются. И это проявление зла. Потом, говоря о мусульманских экстремистах и о мусульманских странах, где Ислам очень сильный, доминирующая религия, там тоже борются с христианством, вплоть до физического уничтожения и, конечно, это зло. И тут вины христиан нет, но то, что Европа пришла и Западный мир пришел к тому, на чем он стоит, там есть вина и христиан. В каком смысле? В том, что они отдали бразды правления без борьбы, не в физическом смысле. Но... Я вам один пример скажу: был такой теоретик коммунистов Анто-

нию Грамши³ в Италии. Он очень умный коммунист был. Он сказал так: «Мы должны перехватить контроль над университетами и нам надо послать самых способных наших представителей учиться, стать профессорами и начать контролировать университеты». Они это сделали. И университеты в Италии до сегодняшнего дня – они «красные».

Помните, может быть, когда у Папы Бенедикта XVI был запланирован визит в римский университет номер один в Италии – Сапиенца⁴. Там учатся свыше 110 000 студентов. И одна группа профессоров начала протестовать против этого визита, и Папа отменил визит. Они его не приняли. Потому что – «красные», потому что они марксистского, атеистического толка. Это просто один пример. Во Франции они полный контроль перехватили над всей публичной сферой: политикой, бизнесом, масс-медиа и тому подобное. В западном мире мало таких христиан, которые отстаивают христианские ценности в публичной сфере, на ведущих постах.

Вспомним, в чем Ницше, Фейербах, Маркс и другие, так называемые, «отцы атеизма», обвиняли христиан?

Прежде всего в пассивности: спасение – отказ от жизни, поскольку награда будет на небесах, то в этой жизни... пусть все идет, как идет, все само будет происходить. Бог позаботится... Но этого нет в Библии, этого нет в Евангелии. Но Ницше смотрел на то, как христиане ведут себя в реальности, а я бы сказал, что это практическая ересь, потому что Христос не учил,

³ Основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии (1891–1937). (*Прим. ред.*)

⁴ Sapienza – мудрость (лат.). Старейший и крупнейший университет Италии, основанный в 1304 г. (*Прим. ред.*)

что надо быть пассивными. И в Библии написано: обрабатывай землю, заботься о ней, покоряя природу, но храни ее тоже. У тебя ответственность за землю, за свою семью, за жену, за детей, за своих родителей, своих соседей. Это – заповедь любви. А практика была такая, что христиане бездействовали и тогда, на передний план вышли люди, агрессивно настроенные по отношению к христианству, они взяли на себя структуры власти, весь контроль, они вводят свои законы, государственные законы и общество пляшет под их дудку. И тут вина христиан, конечно, есть в том, что они были пассивны, они не были верны призванию Божию. Это грех упущения. Я бы так сказал.

Н. Б-М.: И, по сути, революции в мире это тоже плод вот такой бездейственности христиан, во многом.

Митр. Збигнев: Да, потому что Церковь занялась вопросами общественной несправедливости, и начала разрабатывать социальное учение только под конец XIX века, когда марксизм уже завоевал рабочий класс, и он уже был потерян для Церкви из-за того, что Маркс первым занялся его проблемами. А Церковь была зачастую связана с правящим классом и не поднимала голос в защиту обиженных, а Маркс взял и прихватил их. Христиане виноваты в том, что забыли слова Иисуса: «Вы должны видеть знамения времени и распознавать, различать их и делать выводы...». Церковь спохватилась слишком поздно, – поезд ушел. Церковь должна иметь открытые глаза и реагировать сразу, не копошиться...

Н. Б-М.: Да! Упущение происходит. Конечно, сфера образования – это очень важно – это умы, молодежь, которая подпадает под другое влияние, а ведь от этого зависит будущее...

Митр. Збигнев: Да, и потом весь контроль уже утерян.

Н. Б.-М.: Как изменить такое положение?

Митр. Збигнев: На мой взгляд, надо, чтобы Церковь на официальном уровне, на уровне стратегии, планирования, обратила больше внимания, чтобы вписала это в свои приоритеты. Нам надо образовывать наших верующих, нам надо их продвигать, нам надо их поощрять и говорить: «Послушай, нужны политики, нужны журналисты, нужны профессора... нужны хорошие профессионалы во всех областях, чтобы быть на уровне». Вера, она должна идти в паре с квалификацией. Профессиональной квалификацией, а вот тут у нас было одностороннее положение, крен был большой.

Святой Хосе Мария Эскрива очень хорошо поднял эту тему и то, что делают Опус Деи⁵, – пытаются писать докторские, быть лучшими каждый в своей области, кто чем занимается, – в профессиональной области. Не только в богословии. И это их путь к христианскому совершенству. И вот такие инициативы являются ответом на знамение времени. И это ответы на упущение христиан.

Конечно, в советское время верующих открыто блокировали и не позволяли получать образование, научные степени и тому подобное. Скажем, в нашем постсоветском пространстве были объективные обстоятельства и препятствия, из-за которых мы не могли быть наравне с элитой, но в Западном мире не было таких ограничений, а они потеряли влияние, потому и происходит

⁵ Opus Dei (лат.) – Дело Божие. Организация внутри Католической Церкви, основанная в 1928 г. католическим священником святым Хосе-Марией Эскрива́ де Балагер. (*Прим. ред.*)

дехристианизация культуры. Христианские ценности, присутствие Евангелия планомерно выталкиваются, выполаскиваются из культуры и это крайне опасно.

Н. Б-М.: Но невозможно отрицать, что мы живем в христианском мире, потому что вся культура пропитана им. Любой, мало-мальски образованный человек не может этого не признавать.

Митр. Збигнев: Да, все ещё пронизано христианской культурой, но от этого пытаются избавляться. И довольно-таки сознательно, к сожалению. А еще есть такая тенденция десакрализации, когда перемешивают сакральные мотивы с богохульственными. В том смысле, что святость и порнография чуть ли не на одном уровне. Используют мотивы Девы Марии и Христа с кощунственными сюжетами. Теряется чувство священного. Нет почтения, нет страха Божия. Но это уже показатель. Я бы сказал, это – последствия всего цивилизационного процесса, через который мы проходим, потому что это просто показывает уровень развития современного человека, его духовный уровень, уровень его сознания; его неспособность уважать достоинство другого человека, – верующего человека. Потому что он плюет ему прямо в душу этим. А тут абсолютизируются его свобода, права и свобода выражения человека. Но если свобода выражения оскорбляет другого, она должна быть ограничена.

Н. Б-М.: Вообще понятие свободы еще в ветхозаветном мире и в христианстве, и сегодняшнее понятие свободы, которое декларируется везде, и в СМИ – как будто о разных категориях идет речь.

Митр. Збигнев: Да, потому что здесь свобода без границ.

Н. Б-М.: И безответственность.

Митр. Збигнев: Именно – безответственность... Потому что свобода христианская она все-таки осознает, что мы творение Божие и Бог создал нас в соответствии с законами природы, но и с нравственным законом, который вписан в глубину нашего сердца. А современная цивилизация не признает того, что нравственный закон присутствует в нас. Это отрицается. Человек фактически ставит себя на место Бога, он творит сам себя по своему замыслу, как он воображает себя – что он человеко-бог.

Н. Б-М.: Страшное ослепление... Как на ваш взгляд, какова сегодня роль Церкви в обществе и достаточно ли она свидетельствует о Христе?

Митр. Збигнев: Задача Церкви быть гласом вопиющего в пустыне. Быть знаком присутствия Бога в мире и, если мы, люди церкви, угождаем миру, мы теряем себя, и этот знак перестает быть таким отчетливым. Просто мы должны следовать своему призванию – жить согласно нашей совести, согласно Евангелию, как мы его поняли, согласно учению Церкви. Евангелию, которое мы читаем в свете двухтысячелетней традиции, потому что традиция выявляет, что означает каждое слово в Евангелии. Просто мы живем этим и все. Если мы верны этому призванию, нашей тождественности, данной нам Богом, тогда мы становимся этим сильным знаком – Светом миру и солью земли. Ничего другого, никакого велосипеда нам не надо изобретать. И светочами во все века были святые. А святой – это никто другой, как человек, который полностью открыл себя Богу, и не надо быть обязательно монахом, отшельником или священником. У каждого есть свое призвание, свой путь.

Учителя Церкви последних веков, особенно, начиная с Франциска Сальского, говорили, что не должен,

скажем, епископ жить как монах или мать семейства не должна жить как монахиня. Есть много моделей пути к святости. Святость – она всегда одна и та же, но в каждом случае проявляется по-разному и способ ее осуществления является другим, и здесь ключевое – открыться Господу и позволить Ему преобразить меня и позволить Ему действовать через меня в мире и тогда все остальное приложится. Христос говорил: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». В том месте, где ты есть, открыться преобладающему влиянию Царства Божия и все. И важно помнить, что в одиночку это, конечно, невозможно. Мое убеждение таково, что времена гигантов духа, великих отцов-пустынников, когда они в одиночку пробыли, – эти времена, к сожалению, миновали. Сегодня натиск мира такой сильный, что надо следовать словам Евангелия: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, Я там среди них». Нам надо собираться по двое, по трое – тем, которые ищут Господа, которые Его любят и поняли, что Ему надо служить и надо что-то делать вместе, – молиться, трудиться, и Он нас освятит, Он покажет нам путь, Он нам поможет, и тогда мы сможем преобразить мир. В общем-то будущее Церкви, на мой взгляд, – при всем сохранении многовековых церковных структур, приходских и соборных богослужений – не может быть без малых групп, в которых собираются по двое, по трое, по пять человек. Без них мы не получим тяги, которая необходима для христианской жизни. А тягу мы получаем, когда единомышленники встречаются, молятся и ищут свой путь служения.

Н. Б.-М.: Очень рада, что вы так говорите! Вы – митрополит, возглавляющий Церковь!

Малые группы, созданные отцом Александром Мелем в катакомбные времена 70-80-х годов, в Москве и в Московской области, являли собой Церковь.

Митр. Збигнев: Я не представляю христианской жизни, будущего Церкви без этого.

Н. Б-М.: Я помню, Клайв Льюис об этом писал, что христианство будущего спасется маленькими общинками верующих людей. Это было у него в середине XX века. А сегодня – вы видите?.. Это живет – вот эти маленькие собрания, где двое или трое и Христос посреди нас.

А на уровне духовенства могут быть такие малые молитвенные группы?

Митр. Збигнев: Как раз сегодня, перед вами, в 12 часов, как и каждый вторник, приходили приглашенные мною священники, мои ближайшие сотрудники. Мы пошли в нашу капеллу и час молились перед Святыми Дарами, прося Господа освятить все мои решения, которые я должен принять в очень сложных запутанных ситуациях, где я по-человечески могу только напортить.

И мы молимся, я прошу, потом делимся и вижу, что Господь дает... Дух Святой, как бы, являет и тогда ты принимаешь решения, которые уже не твои только, но Божии.

Н. Б-М.: По воле Божией.

Митр. Збигнев: Я без этого не представляю своего служения – без предстояния перед Богом, без личной молитвы с Ним, когда общаешься с Ним в глубине своего сердца, но также вместе с братьями или, скажем у нас по *Каноническому праву* предусмотрено, что у епископа есть коллегия консультантов и есть, так называемый, священнический совет, в котором 12 священников, из которых половина избрана самими священниками, а половину выбирает и назначает епископ.

Н. Б-М.: И это со всей Латвии?.. Или это Рига?

Митр. Збигнев: Нет, это Рижская епархия.

Н. Б-М.: У вас три епархии?

Митр. Збигнев: Четыре. Но это только Риги касается в данном случае. Потому что для решения вопросов по Латвии у нас есть конференция епископов. Четыре епископа для того, что касается Латвии – внутреннего устройства Церкви. А касательно епархии – 12 священников и когда у меня какой-то вопрос дисциплинарного толка или еще какой-то, где я вижу, что, в общем-то, я колеблюсь и думаю, что не хорошо будет одному за это браться, я их созываю, молимся вначале и потом начинаем разбираться. Я просто их выслушиваю. Конечно, они имеют право голоса. Они как советники. Я не обязан делать, как они скажут, но для меня это очень ценно, я обычно прислушиваюсь и тогда, как бы в теле Церкви созревает ответ, Божий ответ на данную проблему.

Н. Б-М.: Можно сказать, соборный ответ.

Митр. Збигнев: Да! И это мне очень облегчает ситуацию. С течением времени я все больше этим пользуюсь, потому что это предусмотрено в *Каноническом праве* – но раньше не было такой традиции, я просто внедрил это в жизнь и вижу в этом большое благословение. И это тоже одна из разновидностей малых групп.

Н. Б-М.: А вообще священники исповедуются вам или у каждого может быть свой духовник?

Митр. Збигнев: Конечно, свой духовник! И, наоборот, даже рекомендуется епископу не быть духовником. Знаете, как начальник с подчиненным... Получается, как бы конфликт интересов. И ректору семинарии запрещено исповедовать семинаристов. Потому что должен быть духовник у семинаристов. Но он не имеет права голоса в дисциплинарных вопросах. В смысле

отчисления или рекомендации на рукоположение. Поэтому что это, так называемые, внутренние церковные формы и внешние формы. В этом отношении епископ является все-таки представителем внешних церковных форм.

Конечно, это не запрещено – исповедовать в случае необходимости, естественно, но лучше, в принципе, этого избегать. Лучше, когда у священника есть свой духовник, который не является его начальником.

Конечно, в случае необходимости я исповедую и мирян, когда надо помочь священникам исповедовать.

Н. Б.-М.: У меня есть вопрос о Священном Писании... У нас в Православной Церкви многие священники, можно сказать, просто вопиют к людям, что надо читать Священное Писание каждодневно. Когда я крестилась взрослым человеком, в советские времена, у меня не было Библии, – ее невозможно было купить. Мне удалось «достать» маленькое потрепанное издание Нового Завета на «черном рынке».

Митр. Збигнев: А мне – через *Экумену* достали. Маленькую, на папиросной бумаге... Зрение у меня было хорошее и я прочитал ее всю от начала до конца. Настоящая книга у меня была. Только потом, когда уже появились книги издательства «Жизнь с Богом», я получил очень хорошее издание Нового Завета с комментариями.

Н. Б.-М.: А сегодня мы часто сталкиваемся в православной среде, что многие не привыкли читать Библию. Я уже не говорю про Ветхий Завет, ну, читают еще Евангелия, но, Деяния, послания апостола Павла – не знают совсем. А что вы думаете, какова сегодня роль Священного Писания в мире и в самой Церкви?

Митр. Збигнев: Экклезиаст сказал: «...И нет ничего нового под солнцем». И святой Иероним сказал, что

незнание Писания является незнанием Христа. Кто не знает Писание – не знает Христа. Мы говорили о кризисе Западной цивилизации, о том, есть ли в этом вина Церкви. Конечно, если мы не знаем Священное Писание, то о чем можно говорить?!.

Н. Б.-М.: У нас бытует такое мнение, к сожалению, что только в церкви можно читать Священное Писание, а в Русской Православной Церкви, как вы знаете, все на церковнославянском языке. В Москве во многих приходах читают на русском и это нормально, а здесь у нас только на славянском.... Наш отец Виктор Мамонтов читал по-русски, но его все время...

Митр. Збигнев: ...преследовали за это.

Н. Б.-М.: Да! А он говорил: «Нельзя, чтобы люди, придя в Церковь, не понимали самого главного, самой сердцевины!...».

Митр. Збигнев: Понятно, понятно. Тогда остается один шаг до обрядоверия, и нетерпимости, и фанатизма; придерживаются буквы и готовы растерзать за букву, а Духа там нет... В платке или без платка, не так перекрестился, не так посмотрел, не там встал – за это готовы чуть ли не в ад послать... Об этом как раз, слова Иисуса: «...оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!». А старец Силуан говорил о Священном Писании, что Дух Святой обитает в этой Книге и через нее его дуновение достигает тебя, – если ты читаешь его с верою, смирением. И, как говорил один мой профессор, специалист по Священному Писанию, в университете в Люблине, где я учился, что перед этой Книгой надо преклониться, надо нагнуться, а не думать высокомерно, что я такой образованный, я все знаю. Здесь тайна Божия, которая проявляется через эту Книгу, Бог обращается к человеку через нее, это письмо Божие, и в

таком духе надо читать Библию. И, конечно, никто не может сам своим разумом ее понять до конца, поэтому знание Предания, тысячелетних традиций прочтения необходимо. Важно знать, как Церковь понимает тот или другой текст, потому что все ереси и все секты возникали из-за такого самоуверенного, поверхностного подхода к библейским текстам...

Н. Б-М.: ...когда кто-то решает убрать из канона Священного Писания какую-то книгу...

Митр. Збигнев: Да, это такое человеческое, своевольное... Но в Католической Церкви все очень просто, потому что у нас есть Учительство Церкви, то есть Папа или епископы, или Собор, которые дают толкование, объясняют и это есть последняя точка отсчета, в том смысле, что мы всегда знаем, – если это Учительство выразилось по поводу текста определенным образом, то это так, и всё. Это от Духа Святого. И мы можем спокойно этому следовать.

Н. Б-М.: И, таким образом, есть ответы на разные проблемы?

Митр. Збигнев: Да. Скажем, был такой документ издан – точка зрения Церкви насчет однополых браков и там объяснение на 20 страницах изложено – в чем ошибка и что Церковь понимает, как она видит это.

В основном, это какая-то проблема и какая-то тема, которая злободневна и Церковь дает ответ, но берет, конечно, за основу Библию и традицию, писания святых отцов. Она отвечает на какие-то проблемы и дает чувство безопасности. Это дает чувство безопасности. Потому что ты знаешь: «*Roma locuta, causa finita*»⁶. Папа выразился, структура им авторизована, конгрегация или

⁶ Рим высказался, дело закончено (лат.).

папский совет и его уполномоченный представитель. Он дал ответ, – вопрос исчерпан. Просто надо принять. Это дает чувство безопасности.

Н. Б-М.: Мы говорили с вами о Священном Писании в церкви... Вы были священником. Непосредственно с людьми имели дело. Что вы можете сказать про вашу паству – люди читают каждый день Библию?

Митр. Збигнев: Те, которые члены малых групп, которые молятся в группах – они читают. Не знаю, знаете ли вы издание „Mieram tuvu”⁷.

Н. Б-М.: Да, знаю...

Митр. Збигнев: Это издание многие читают... Не только католики, даже лютеране многие читают, баптисты читают. Потому что это очень удобно – маленькая книжечка, – ее в карман сунул и на каждый день чтение...

Н. Б-М.: Там же и комментарий!

Митр. Збигнев: Да! На воскресенье и на праздничные дни, а также там есть молитвы на каждый день, есть медитация. В общем, это духовная пища. А в последний год редакция стала приглашать писать тексты молитв, свидетельства – не только католиков, а христиан из других конфессий. Я думаю, что и православные тоже там участвуют и кто-то из баптистов. Это хорошее свидетельство и таким образом мы как бы открываем друг друга. Как вы говорили, что в советское время мы были рады, когда встречали верующего. И тут тоже, когда я открываю книжку и вижу с изумлением,

⁷ Ежемесячное церковное католическое издание на латышском языке с указанием святых каждого месяца и состоящее из утренних и вечерних молитв, чтений Священного Писания на каждый день, комментариев и размышлений священников и мирян. (Прим. ред.)

что люди, имена которых ты знаешь – они известны в области культуры или политики, а я даже не знал, что они верующие, и что они способны написать такой глубокий духовный текст. Такую молитву написать, как, например, Андрис Америкс⁸.

Н. Б-М.: Америкс?!

Митр. Збигнев: Да, его текст, очень красивый был опубликован, – молитва.

Скажем, в книге, есть святой этого месяца, а есть – свидетель этого месяца, известный в Латвии человек, которого приглашают и он говорит о своей вере. Каждый месяц – другой свидетель. И там порой сверкают такие жемчужинки, – видные люди, которые согласились написать свое собственное свидетельство веры – это очень сильно! Таким образом, мы открываем, что, собственно, нас не так и мало! Люди читают: вот профессор университета или академии, или консерватории – если он может, я тоже могу публично сказать, что я верующий человек, что я христианин.

Н. Б-М.: Да, это какая-то поддержка...

Митр. Збигнев: Да, и это преобразование сознания людей, это пробуждение и оно ведет к тому, – о чем я восемь лет назад сказал, как о моей стратегической цели – к духовному возрождению Латвии. Я бы сказал, что такого рода инициативы – они землю взрывают, пробуждают сознание.

Н. Б-М.: Это точно!

В наше время у многих людей пропадает доверие к Церкви. Полагаю, что вы тоже с этим сталкивались. Как вы думаете, как можно сегодня вернуть людям доверие к Церкви, веру в Церковь?

⁸ Андрис Америкс – вице-мэр г. Рига. (Прим. ред.)

Митр. Збигнев: Думаю, нужна, так называемая, пред-евангелизация. Это – первый этап евангелизации.

У людей накопилось очень много предрассудков, предвзятых мнений, стереотипов по отношению к христианству. Еще Ницше говорил, что религия уводит тебя в пессимизм, она уводит тебя от мира, а Маркс говорил, что религия – это «опиум для народа», что она тебя делает пассивным, ограничивает твою свободу, что это темнота, отсталость и т.д. Для того, чтобы человек мог принять Евангелие, надо сначала очистить его от мусора. Территорию расчистить. (*Смеется.*) Его сознание забито. Поэтому нужна объективная информация. Необходимо информировать общество, образовывать его. И если у нас в школе нет христианской информации, то там живут стереотипы. Я об этом говорил публично. У нас была совместная встреча – в первом ряду сидели президент, премьер-министр, спикер Парламента и большинство министров и депутатов, и я говорил им прямо: «У Церкви нет возможности применить свой ресурс, свой инструмент. Когда выпускники средней школы выходят с головой, полностью забитой стереотипами – у них ноль информации. *Tabula rasa*. Белая страница. Они ничего не знают о христианстве, нет даже зацепки, нет контакта. Надо школьников образовывать! Это одно. Второе, – это, конечно, нужны свидетели. Нужны личности. Личности, которые имеют влияние на общество. Если выдающийся музыкант, или известный режиссер, или ученый, или художник скажет вам – я христианин, я верю во Христа и это самое главное, то для общества это может быть примером. Нам нужны свидетели, внушающие доверие людям.

Н. Б-М.: И которые имеют авторитет.

Митр. Збигнев: Да, да! Поэтому я говорю: квалификация и святость. Профессиональная квалификация и святость и открытость для Духа Святого. Вот это самый большой дефицит в христианской среде. Я думаю, — у нас много христиан, которые живут верой, молитвой, но они изолированы от основного течения нашей цивилизации. Она идет своим путем, ориентируясь на свои правила. Нам надо опять встретиться!

Н. Б.-М.: По сути — Церкви и миру надо встретиться!

Митр. Збигнев: Именно!

Н. Б.-М.: И как вы видите такую встречу, чтобы эти люди, которые веруют, живут по заповедям Божиим, чтобы они как-то влияли на общество?

Митр. Збигнев: Помните, что Иисус говорил ученикам: «Вы — соль земли... Вы — свет мира»? Потому что достаточно одной свечи в темном помещении и уже сразу становится все видно. Нужна щепотка соли и суп уже имеет вкус. Достаточно нескольких свидетелей, — по одному в каждой среде и уже будут изменения.

Н. Б.-М.: А вы почувствовали отклик от той аудитории высокого уровня, перед которой вы выступали?

Митр. Збигнев: Они внимательно слушали. Я видел, что они меня слышали. Понимали, что я им говорю. Я бы сказал — семя посеяно.

Н. Б.-М.: Но вопросов не было?

Митр. Збигнев: Нет. Мы целый день провели вместе. Ваш митрополит Александр там тоже был. Но он был только до обеда. А мы с Ванагсом⁹ были до вечера. Впервые пригласили нас троих на весь день. Я считаю, что это были реколлекции. Такое было впервые. Министерство обороны Латвии организует подобные встречи

⁹ Архиепископ Янис Ванагс — глава Евангелическо-Лютеранской Церкви Латвии. (Прим. ред.)

раз в год и, как мне сказал госсекретарь, впервые пригласили руководителей конфессий и впервые начали говорить о духовных ценностях.

Н. Б.-М.: А чему посвящено было это собрание?

Митр. Збигнев: Долгосрочной стратегии обороны Латвии.

Н. Б.-М.: Ну, да...

Митр. Збигнев: А мы перевели на совершенно другой уровень – с военного на духовный, на невидимую брань (*смеется*).

Н. Б.-М.: Ну, это более сложная, тонкая борьба.

Митр. Збигнев: Да, они созрели для того, чтобы хотя бы выслушать совсем другое мнение...

Н. Б.-М.: Может быть, они чувствуют какой-то тупик? Что уже сами не справляются?..

Митр. Збигнев: Я помню, когда „Maxima” обрушилась¹⁰, все онемели – журналистам нечего было сказать, политикам нечего было сказать и первое, что они сделали – обратились к руководителям четырех конфессий, – пригласили нас выступить на радио. Тогда православные не прислали своего представителя, не пришел и митрополит Александр, но мы втроем – я, Ванагс и Спрогис¹¹ целый час в прямом эфире давали христианский ответ, пытались пролить свет – понять и как-то осмыслить эту трагедию. Конечно, трагедия страшная, но без веры невозможно обрести смысл и жить дальше...

¹⁰ Вечером 21 ноября 2013 года произошло обрушение торгового центра «Maxima» в одном из районов Риги. В результате катастрофы погибли 54 человека, в том числе три спасателя. Получили ранения 40 человек. (*Прим. ред.*)

¹¹ Петерис Спрогис, епископ – в то время глава Латвийского союза баптистских общин. (*Прим. ред.*)

Н. Б-М.: Да! И люди, как всегда в таких случаях, говорят: «А где был ваш Бог, когда тут погибли дети?..».

Митр. Збигнев: Именно так! Именно так! Классический вечный вопрос...

Н. Б-М.: ...«Почему ваш Бог допускает такое зло? Если Он есть, то где Он?..».

Митр. Збигнев: Я далек от того, чтобы поголовно осуждать всё и всех и видеть все в черных красках. Моя работа лиценziata в области богословия, которую я писал между магистерской и докторской диссертациями – посвящена такой теме: «Где скрывается Бог сегодня?» – меня это лично интересовало. Это был мой вопрос, на который я искал ответ. Бог – Он присутствует в нас, в том смысле, как Иисус сказал, что Царство Божие внутри нас, а святой Павел афинянам говорил, что Бог недалеко от вас, ибо в Нем мы движемся, Им живем и существуем. Мир пронизан Божиим присутствием. Он есть, и Он действует, и Он не пассивен, и задача христиан научиться читать знамения времен, распознавать, где и в чем, в каких областях, каким образом Он действует, в том числе, и в сердце каждого человека и даже такого, который говорит, что он неверующий.

Я могу рассказать один пример последних дней: я летел самолетом, передо мной сидела женщина. Она обратилась ко мне с каким-то вопросом, у нас началось общение. Увидев, что я духовное лицо, сразу сказала мне: «Я атеист». После двухчасового разговора я ей сказал: «Знаете, я оспариваю ваш тезис – вы никакой не атеист». Потому что в начале полета она обратилась к Богу, – она не церковный человек, но, не осознавая, обратилась к Богу, попросила Его, так сказать, чтобы удачно прилететь и приземлиться. И это был не единственный случай в ее жизни. «Послушайте! Вы же – верующий

человек, – сказал я, – и то, что вы делали, это называется молитвой». Она остолбенела (*смеется*). Я ей говорю: «Вы недалеко от Царствия Божия. Бог есть в вашем сердце, и Он действует». И я ей объяснил, в чем это состоит...

Н. Б.-М.: Удивительно! В этом есть надежда.

Митр. Збигнев: Да!

Н. Б.-М.: А в вашей работе «Где скрывается Бог сегодня?», – каков ее главный тезис?

Митр. Збигнев: Знаете, это очень интересно, тезис в том, что Он – во мраке, в отсутствии. Ницше написал: «Бог умер». Но умер не живой Бог, а Он умер в сознании людей. Ну, то, что сумасшедший кричал: «Мы его убили!». Да, убили Его. Современный человек убил Его в своем сознании. Убил мысль о Боге. И Бог удалился – Он молчит. Но нам надо войти в это молчание, и мы там Его встретим. Войти в эту ночь богоотсутствия. Он там есть. Вы знаете, у мистиков есть такой опыт. Духовная ночь. Мрак.

Н. Б.-М.: Да, это было и у малой Терезы, и у Иоанна Креста, и у Терезы Авильской тоже. Они все переживали духовную ночь, мрак богооставленности.

Митр. Збигнев: И Иоанн Павел II еще писал об этом. Когда я проводил свои исследования, чтобы в докторской диссертации продолжить тему лицензиата, я тоже писал об этом опыте, хотя – уже в другом ключе – я писал о смене эпох. Тема моей докторской: «Смена эпох и откровение. Современность как богословская проблема в мышлении Бернхарда Вельте¹²». Это такой богослов, философ.

¹² Бернхард Вельте (Welte, Bernhard) (1906–1983), немецкий католический богослов и философ, использовавший феноменологический подход в философии религии. (*Прим. ред.*)

Иоанн Павел II писал, что то, что было опытом отдельных личностей, теперь вся западная цивилизация проходит через это. Только уже не в виде сознательного поиска Бога, а как будто бы Бог ввел цивилизацию в этот мрак, и она, не имея духовного опыта, в нем живет, и наша задача помочь Его встретить в этом мраке. Ну, вот как с той женщиной. Она во мраке. Но Бог в ней есть, она с Ним имеет контакт, но она не знает, что это Он. Она не знает, как это назвать. Но когда ты ей скажешь, то она начинает понимать – это же Он!

Н. Б-М.: Если ты к Нему обращаешься, значит Он есть!

Митр. Збигнев: Да! Она рассказала мне об одной ситуации, это была очень тяжелая ситуация и она сказала тогда: «Если Ты есть, помоги!». И это решилось!

Н. Б-М.: А женщина это не оценила?

Митр. Збигнев: Она просто пропустила это.

Н. Б-М.: Как и многие пропускают такое... Мы подошли к тому, что человечество, достигнув невиданного технического прогресса, но удалившись от Бога, стоит на пути самоубийства.

Каково, по-вашему, на сегодняшний день религиозное, нравственное состояние человека? Какова стадия его духовного развития и что нужно, чтобы человечество вернулось на путь спасения?

Митр. Збигнев: Очень плачевная стадия, потому что человек возомнил себя полностью автономным и независимым от Бога, и что он сам может себя творить по тому образу, который есть в его голове. «Да будет воля моя» – вот исходная точка человека, который возомнил себя абсолютным властелином мира, природы, а земля все больше противится ему, земля бунтует, потому, что она в ужасном состоянии. Экологическое состояние земли

такое, что даже некоторые ученые говорят, что это безвозвратно, что уже выпущен джин из бутылки, что земля так загрязнена, что невозможно остановить этот губительный процесс... Я надеюсь, что еще возможно, но, во всяком случае, ситуация довольно трагична и положение очень серьезное. Но что нужно – нужно, как говорят поляки, чтобы разум в голову вернулся. Надо науку использовать не идеологически. Теперь люди делают какие-то идеологические настройки, что ли. Выдвигают идеи и потом пытаются искать доказательства в подтверждение своих тезисов. Но надо объективно, без идеологических примесей, делать исследования, анализировать и, хотя бы та же социология, – когда ты делаешь статистику, она сразу тебе показывает объективную картину, и тогда ты можешь подойти рационально. Я бы сказал, что пора вернуться к реальности. Признать, что существуют объективные законы, не только физические, но и некий нравственный закон бытия, согласно которому живет и человеческое общество, и сам человек, и тогда принять это и согласовать свою жизнь, свои действия – и государства, и политики, и всего остального – с этими законами, которые не человек, не государство устанавливает, они – в воле Божией. Они есть проявление воли Божией. И для этого даже не требуется религиозность. Достаточно здравого смысла и доброй воли. Потому что Бог в этом будет присутствовать и Его благодать будет через это действовать. Но, конечно, оптимальный путь – это вернуться к тому, чтобы признать авторитет Бога, искать Его воли. Но этот первый вариант – это рекомендация для неверующих. Вернитесь к реальности, не следуйте за идеологией, за идеологическими предпосылками, а стре-

митесь к тому, чтобы посмотреть на реальность, на факты, на объективность.

Н. Б.-М.: Как вы видите, на чем стоит современное сознание и каково состояние Западной философии, все-таки строится ли она на религиозной истине, на Божественном начале?

Митр. Збигнев: Нет! Строится на человеке и вообще, я бы сказал, Западная философия, она тоже в кризисе потому что она себя потеряла, она отошла от объективности. Я помню, когда я писал докторскую, нашел такую очень интересную фразу одной из учениц Гуссерля – Хедвиг Мартиус. Они были коллегами с Эдит Штайн и Хайдеггер тоже одно время был у Гуссерля учеником. И эта Хедвиг Мартиус очень хорошо охарактеризовала, где Хайдеггер допустил роковую ошибку, потому что претендовал на то, что он решит в четыре этапа все главные вопросы и проблемы философии и он в первом своем труде «*Sein und Zeit*» (Бытие и время) решил первую проблему, а потом застрял и в течение всей остальной жизни он продвинулся только на полшага вперед, а все остальные вопросы остались нерешенными. И она очень четко сказала – в чем была проблема. Сказала, что он все повесил на один крючок – на человека. Хайдеггер исключил возможность христианской философии. Он сказал, что христианская философия, это то же самое, что и деревянное железо. Ну, несовместимость, невозможность! Внутреннее противоречие. Он исключил возможность богословия как науки. И говорил, что о Боге невозможно говорить и заниматься постижением Его. Короче говоря, он все навесил на человека, и человек – последняя точка отсчета...

Н. Б.-М.: И мера всех вещей.

Митр. Збигнев: И он запутался и не смог решить поставленных задач. Ницше, который является исключительно глубоким мыслителем, который «разработал» сверхчеловека в своем знаменитом труде «Так говорил Заратустра». Надо сказать, что он – один из самых последовательных и проницательных критиков христианства до сегодняшнего дня. Я своим студентам говорил, что самая лучшая иллюстрация того, к чему приводит философия Ницше – это его жизнь. Последние одиннадцать лет своей жизни он провёл в психушке. Он был очень хрупким и слабым человеком, который хотел быть сильным и мечтал о сверхчеловеке.

Н. Б-М.: При этом без Бога.

Митр. Збигнев: Ну, а святой Павел говорит: «Все могу в укрепляющем меня Господе». Мы становимся всемогущими, но в Господе, в определённом смысле.

Н. Б-М.: То есть современное сознание не может развиваться и питаться через современную философию. Помните, был период расцвета в XX веке религиозной философии – русские и французские философы?

Митр. Збигнев: Да. А пока слабенько. Но я не хотел бы, чтобы современные христиане видели все только в черных и белых красках. Это большое упрощение.

Надо искать и находить присутствие Божие, отблеск Истины, семена Логоса – всюду. И даже в атеистических размышлениях, в конце концов... Во всех системах есть рациональное зерно – надо найти – какое. Надо понять, в чем там правда и в чём – ложь. И отделить пшеницу от плевел.

Н. Б-М.: В чем источник вашей веры, в чем вы черпаете силу для каждого дня, для служения при вашей такой большой нагрузке, большой ответственности? Возможно, ответ коренится в надписи на вашем епи-

скопском гербе, в словах вашего девиза: “Fortitudo mea Dominus!”?”

Митр. Збигнев: Да, в этих первых словах песни Моисея, когда евреи прошли через Красное море «Господь крепость моя и слава моя»¹³ для меня многое заключено.

Каждый день я стараюсь начинать с часовой молитвы – быть с Господом один на один. Затем Бревиарий, – это молитвы, которым каждый священник должен в течение дня посвятить около сорока минут. Потом – Евхаристия. Это тоже источник силы, и я в Евхаристии, в переносном смысле, в Чашу вкладываю все заботы дня, все свои проблемы, все затруднения, которые у меня есть на данный день, – я это все отдаю Господу, призываю Его, прося, чтобы Он это наполнил Своим присутствием, чтобы Он вразумил меня, в каком направлении мне двигаться и какие решения принять. Правда, это конечно, является, что ли... линией фронта. Потому что у меня очень насыщенный график и я должен каждый день заново сражаться за то, чтобы этот час и весь этот утренний цикл у меня был. Потому что, порой, что-то сокращается или что-то выпадает, ты в пути, на какой-нибудь конференции, но этот цикл – у меня железное правило, я за него сражаюсь и, если я все так и сделал, тогда у меня уже есть фундамент этого дня. Тогда я уже чувствую себя свободным, потому что я знаю, что все в Его руках.

Н. Б-М.: А Евхаристию вы совершаете каждый день?

Митр. Збигнев: Да, каждый день.

Я был рукоположен в 1996 году и с тех пор у меня только один день был без Евхаристии...

¹³ Исх 15:2

Н. Б-М.: Вот это да!

Митр. Збигнев: Однажды, в 4 часа утра мне надо было ехать в аэропорт, и я в три часа встал, чтобы этот час иметь, чтобы день не был без Евхаристии, потому что я знал, что потом уже не смогу. Я всегда находил возможность для Евхаристии. У меня были случаи, когда, если я понимал, что не попаду в храм, я брал все необходимые принадлежности с собой, и служил там, где я мог. Но это большое исключение, конечно. Обычно надо встать немного раньше и иметь этот час... только один день был, когда это было невозможно.

Н. Б-М.: И вы один совершаете Евхаристию у себя дома?

Митр. Збигнев: У меня есть секретарь, он – священник, и мы обычно служим с ним вдвоем. Литургическая норма полагает, чтобы, по крайней мере, были два человека, но в виде исключения можно служить одному. И, когда нет никого, то я служу один.

Н. Б-М.: Ну, да! Если вы в три часа встали, то вы секретаря не будите.

Митр. Збигнев: Ну, понятно – пускай спит!

Ну, а когда воскресенье или богослужение в храме, то это другое дело. А так обычно с утра я отслужил Евхаристию, помолился молитвами Литургии часов, а потом Розарий в течение дня. Я стараюсь совместить его с моими шестью тысячами шагов, которые я обычно прохожу в течение дня.

Н. Б-М.: Шесть тысяч шагов!..

Митр. Збигнев: Да. И плюс гимнастика еще рано утром. После того, когда я молитвы закончил. Чтобы держать себя в нормальной физической форме.

Н. Б-М.: Какое место в вашей жизни занимает молитва? Какой вид молитвы вы лично практикуете больше всего?

Митр. Збигнев: О молитвенном правиле я уже говорил, – Литургия часов, это обязательно, потом есть Розарий экуменический и плюс одна тайна Мариина, так называемая, это каждый день, но это я совмещаю с прогулкой. Ну, конечно, Евхаристия. Но то, что для меня особенно важно, это – час предстояния перед Господом. Идеалом молитвы для меня является вот это предстояние перед Господом, когда я смотрю взором веры на Него и нахожусь в Его присутствии. Все!

Н. Б-М.: То есть, это – безмолвная молитва.

Митр. Збигнев: Да!

Н. Б-М.: Ну, это одна из высших ступеней молитвы...

Митр. Збигнев: Но она не всегда получается... Я это считаю благодатью, когда это есть. Еще есть такое общение с Господом, когда я просто Ему говорю обо всем, что у меня сегодня... То есть, разговор с Ним.

Н. Б-М.: И Святые Дары у вас присутствуют?

Митр. Збигнев: Да, у меня есть в капелле, и я вижу, что это большая разница, есть ли в доме Святые Дары или нет. Если есть – это дает Присутствие. Ты чувствуешь, твое сердце чувствует, что Он здесь. Конечно, Он и так есть, во всем мире есть, но, когда есть Святые Дары, возникает, что ли, интенсивность Его присутствия. Твоя душа тебе говорит об этом, – можно опытно ощущать Божие присутствие.

Н. Б-М.: Как вы считаете, от чего зависит наша вера – вера каждого христианина, что необходимо делать постоянно, чтобы не ослабевала вера, чтобы в нас не погас огонь, чтобы возгревать дух веры?

Митр. Збигнев: Прежде всего, надо жить по совести и прислушиваться к своей совести. Не лицемерить. Быть собой – это первое. И конечно, молитвенная жизнь, участие в таинствах Церкви, но первое – это быть собой,

не лукавить, не прикидываться кем-то другим, нежели ты есть. Потому что если ты лукавишь, то ты словно закрываешь занавес и не пропускаешь солнечные лучи, а если ты открыт, то у тебя есть все – молитва и церковная жизнь и чтение Священного Писания и конечно, контакт с единомышленниками, и, следовательно, – то что мы говорили – где двое или трое собраны во имя Его, – чтобы вместе молиться, укрепляться, делиться.

Я думаю, проблемы католиков, и православных похожи – в церкви мы молимся и там мы с Богом, а выходим и стесняемся разговаривать о самом сокровенном – то ли неприлично, то ли стыдимся. Мы можем говорить обо всем, но не о самом сокровенном, а это шизофрения. Поэтому так и есть, что мир идет своим путем. Потому что в мире мы живем, как мирские люди, как те, которые неверующие. А нам надо быть целостными, мы как перед Богом – все время перед Богом. А почему нам не говорить, о том, что самое сокровенное, самое важное, делиться нашим опытом, нашими сомнениями, вслушиваться. Возможно Бог даст нам ответ и помощь через кого-то другого. Надо молиться вместе...

В нашей жизни иногда есть определенные установки, которые являются ложными. Сами по себе они не греховные, но они блокируют действие Духа Божия в нашей жизни. Их надо изменить, чтобы нам перестроиться и открыться Духу Божию.

Н. Б-М.: Тут важен духовник, а порой его нет и нет никого, кто мог бы дать совет, и кто имел бы авторитет для человека.

Митр. Збигнев: Да, очень важен духовник для человека, постоянный исповедник. Но интересно, что духовник не обязательно должен быть всегда священником и, если есть мирянин, даже семейный человек,

который живет праведной жизнью, в послушании Господу, он может быть духовником для другого богоискателя. Не надо бояться этого! Не надо бояться потому что святой человек, он самый лучший духовник.

Н. Б-М.: Вы практикуете такое в церковной жизни, в жизни христианской?

Митр. Збигнев: На официальном уровне такого нет, мы это не проповедуем, но в жизни, я думаю, это происходит естественным образом, потому что те миряне, которые руководят движениями, молитвенными группами, – к ним члены их общин или даже другие, приходят за советом, за помощью. Они молятся друг за друга, там все происходит, осуществляется.

Н. Б-М.: Это было в советские времена как бы по необходимости, но это, по-моему, очень правильный путь.

Митр. Збигнев: Да, это нормально, это одно из знамений времени.

Н. Б-М.: Вопрос о качестве богословского образования: каким оно должно быть, чтобы не отдаляться а приближаться к Богу? Чтобы богословие не стало важнее самого Бога?

Митр. Збигнев: Апостол Павел говорит: «Знание надмевает, а любовь назидает»¹⁴. Знание – это только одна из составляющих. Действительно, надо, чтобы образование было не само по себе, а чтобы оно шло в паре, с тем, что мы называем духовной формацией, то есть формированием, возрастанием личности в духе Божию. И богословие должно быть свободно от идеологии, от идеологических установок, потому что, к сожалению, очень легко в богословие тоже можно запустить идеологию... И чувство превосходства над другими. Поэтому

¹⁴ 1 Кор 8-1

со времени Второго Ватиканского собора у нас в официальных установках написано, что все богословие должно быть экуменическим в том смысле, что оно строится не на противопоставлении, а в положительном ключе. Конечно, это не исключает критической оценки, но оно должно быть экуменическим по своему духу, открытым к диалогу, это во-первых.

А во-вторых, душой богословия должно быть Священное Писание. И поэтому я свою магистерскую работу писал именно по Библии, по Новому Завету. Если богословие не укоренено в Библии, оно становится оторванной от жизни системой.

Н. Б.-М.: Схоластической.

Митр. Збигнев: Схоластической, да. Там нет зацепки для жизни. Оно только для экспертов, для избранных. И когда семинаристы обучаются такому богословию, идут в приходы и говорят там проповеди, то все спят, потому что так все правильно, но не имеет ни малейшей связи с жизнью и никого не трогает. По-польски есть такое изречение «jak na tureckim kazaniu» – как в турецкой проповеди – ничего непонятно.

Проповедь должна быть основана на Божиим откровении, на Священном Писании, и должна показать верующим, что Евангелие освящает твою жизнь и является ответом на твои самые злободневные вопросы, на твои проблемы – вот задача проповедника.

Н. Б.-М.: Вы были ответственным за харизматическую общину «Эффата», как вы можете оценить опыт этой общины и насколько это важно для Латвии, может быть это изменило духовный климат?..

Митр. Збигнев: Да, изменило! Потому что в начале было очень большое сопротивление и осуждение и в церковной среде тоже.

Н. Б.-М.: И среди духовенства?

Митр. Збигнев: И среди духовенства тоже!.. Но со временем, – потому что дерево по плодам познается, – эта община стала таким мостиком, по которому несколько десятков экс-католиков вернулось в церковь. Некоторые из, так называемых сект, начали приходить... Я видел такую закономерность: если кто-то из других новых образований в течение года приходил на наши встречи, то через год он, без всякого давления, просил о принятии его в Католическую Церковь. Поэтому плоды были очень хорошие в этом отношении.

Следующее, – это изменило климат в Церкви нашей Католической, потому что раньше мы были не готовы к такому способу прославления Бога, к свободной молитве, с гитарой в церкви. Конечно, согласно литургическим правилам, рекомендуется, чтобы на официальных богослужениях звучал орган и григорианское, или типа григорианского, пение, но теперь, в виде дополнения, пение с гитарой стало общепринятым, так что можно сказать, – определенная трансформация произошла.

Для современного человека надо искать, каким образом передать веру, используя новые формы. Потому что сохраняя сущность, ядро, содержание богослужения, надо менять одежду, потому что в старой одежде оно становится непонятным и неприемлемым для современного поколения. Ну, и тут, конечно, всегда опасно: или ужесточить позиции и не меняться – стать непонятным и терять контакт с этим поколением или меняться. Но, мы говорили о том, что в Западных странах пошли слишком далеко и, как говорится, вместе с водой выплескивают ребенка из купели.

*Митр. Збигнев Станкевич и
Наталия Большакова-Минченко во время беседы*

Н. Б-М.: Да, растворяются в мире...

Митр. Збигнев: Да, растворяются... Такой риск всегда есть, но мы пытаемся и открываться новому, и не терять сущности.

Н. Б-М.: Что вы можете сказать о харизматическом движении в Католической Церкви в целом?.. Нет ли здесь опасности искажения церковного учения? Своеволия? Я иногда слышу на Западе, от самих же католиков, очень суровую критику, в основном, в адрес руководителей харизматических общин.

Митр. Збигнев: Знаете, выступая первый раз на Синоде в Ватикане в 2011 году – для епископов всего мира, – я посвятил свой доклад новой евангелизации. Там дается на выступление шесть минут. И я, по три

минуты, затронул две темы. И одна, как раз, касалась отношений с новыми общинами и инициативами Церкви, в том числе, харизматическими, и я призывал епископов брать под свое крыло и опекать такие общины. В них есть очень большой потенциал, они ревностны. Их лидеры имеют сильную мотивировку, они хотят служить, действовать, но зачастую не имеют богословского образования и, если их оставить на самотек, они очень легко попадают в какие-нибудь искривления или в ересь. Я знаю очень много таких случаев, но я знаю, что в каждом случае было пастырское упущение, так как пастыри не занимались ими, не уделяли им достаточно внимания. Мой опыт с «Эффатой» иной: я был их пастырем. Я всегда был среди них. Я для них был авторитетом. Я им давал большую свободу, но, если надо было, я их притормаживал, если надо было – подталкивал, надо было – направо, надо было – налево, и они меня слушали.

И община расцветала. Когда я уехал учиться в Рим, у них уже не было другого места для собраний, как только в Кафедральном соборе.

Н. Б-М.: Так их много было...

Митр. Збигнев: До трехсот человек приходило... А потом, когда не было, кому ими заниматься, они вошли в кризис, многие отпали. Но они пережили кризис, прошли через это очищение, и эта община существует и сегодня. Мой опыт таков, что Господь благословляет такие инициативы, дает свою благодать, Дух Божий там действует, но это должно быть в единстве с пастырем – епископом, священником, но это ахиллесова пята, ибо многие священники, даже епископы этого не понимают, не участвуют, так как не чувствуют себя компетентными, и тогда возникают проблемы. А если

обеспечить им качественную духовную опеку, это большой потенциал, и Божие благословение.

Н. Б.-М.: Конечно, тут должен быть соответственный подготовленный пастырь, готовый взять на себя ответственность.

Митр. Збигнев: Необходимо освоить учение о распознавании, различении духов. Я изучал это в Католическом университете.

Н. Б.-М.: Встречались ли вам в жизни праведники, святые? Какие люди и книги повлияли на ваше формирование, становление?

Митр. Збигнев: У меня был очень хороший духовник¹⁵, который меня знал с детства, он видел, как я удалился от веры, потом я восстановил с ним контакт. Он был Божий человек, и через него Господь мне дал свет о моем призвании. Он был очень деликатный, потому что он видел мое призвание с самого начала, но ничего не навязывал, потому что я отрезал ему: «Нет! Я сам знаю!». Десять лет он ждал. Через десять лет я пришел к нему сам.

Наш разговор состоялся 8-го августа 1990 года. Ровно через 20 лет, 8-го августа меня рукоположили в епископы.

Н. Б.-М.: А он жив сейчас?

Митр. Збигнев: Нет, он уже у Господа...

Потом, конечно, Сандр¹⁶ на меня большое влияние оказал, и те 10 лет, когда я был в *Экумене* тоже повлияли

¹⁵ Виктор Пентюш (латышск. – *Viktors Pentjušs*) (1915–2007) католический священник.

¹⁶ Сандр Рига – основатель общины христиан-экуменов. Экуменическая община была создана Сандром Рига в 1971 г. в Москве, а затем аналогичные общины появились и в других городах Советского Союза.

на меня. Несколько было таких выдающихся личностей. Насчет книг, – я помню, очень глубокое впечатление на меня оставили книги Беды Гриффитса¹⁷ «Золотая нить¹⁸» и «Христианский ашрам¹⁹». Он является монахом бенедиктинцем, который поехал в Индию и жил как индуистский аскет, но вел христианскую жизнь, и он пишет о Христе, как исполнении индуизма, как о сокрытой цели индуизма. Очень интересно! И я потом случайно оказался в этом монастыре.

Н. Б-М.: В этом ашраме?

Митр. Збигнев: Да, в этом ашраме. Я поехал в Индию, когда заканчивал свою докторскую и сказал, что хочу провести духовные упражнения в каком-нибудь горном монастыре. И когда меня привезли в монастырь, я в первый вечер пошел осмотреться и понял, что попал в тот самый ашрам, о котором я читал в книге Гриффитса!

Н. Б-М.: То есть вы не знали, что туда попадете?!

Митр. Збигнев: Не знал! Я не планировал, просто один друг-священник сказал: «А, я знаю, что тебе надо. Есть в горах один монастырь в котором ты сможешь провести неделю». И это был тот монастырь.

Еще одна книга, повлиявшая на меня – чисто светская, мирская, которую я прочитал еще в юности, называется «Сорок восемь часов». Я еще помню автора – Джо Алекс – об одном агенте английских спецслужб, о котором в картотеке написано в его личном деле, что он

¹⁷ Беда Гриффитс (англ. Bede Griffiths, в миру Алан Ричард Гриффитс; 17.12.1906 – 13.05.1993) – английский католический священник, монах-бенедиктинец, богослов, мистик, пионер межрелигиозного диалога.

¹⁸ Bede Griffiths. The Golden String: An Autobiography.

¹⁹ Bede Griffiths. Christian ashram. Publisher: Darton; Longman&Todd, 1966.

личность, ничем не выделяющаяся, серая, заурядная в нормальных обстоятельствах. Но чем тяжелее ситуация, тем больше он открывает весь свой потенциал. Ситуация, в которую он попадает – безнадежная, и вся книга о том, как он в течение 48 часов решает эту, казалось бы, безвыходную ситуацию и справляется с ней. Это мне нравится: сражаться до конца! Не поддаваться в отчаянных ситуациях! Это меня очень вдохновило. Я пытаюсь следовать этому принципу – сражаться до конца.

Н. Б.-М.: Очень важный вопрос для нас и для вас, наверно, – о разделении Церкви. Что вы думаете о пути преодоления разделения? В 2016 году была зимняя встреча Тэзе в Риге, на которую съехались 15 тысяч паломников из европейских стран...

Митр. Збигнев: ...треть всех паломников этой встречи приняли люди, которые никак не связаны с Церковью. И это очень важный плод наших общих усилий всех конфессий! Благословение Господа!

Конечно, разделение Церкви противоречит воле Христа. Он однозначно заповедует молиться, чтобы все были едины. Это Его воля и, конечно, – наш первейший долг. Если мы не беспокоимся об этом и не делаем все, от нас зависящее, чтобы быть ближе друг к другу и достичь этого единства, значит, мы грешим грехом неверности воле Христа. Какой путь, что делать – молиться, в первую очередь, и пытаться как-то строить мосты между христианами. Как я вижу – между Православной и Католической Церквями главное препятствие – не догматического толка, оно именно уровня предевангелизации. То есть, накопились стереотипы, предубеждения по отношению друг к другу. Я говорю о массе верующих, у которых куча претензий: «...вот они такие, они сякие, они схизматики, они еретики...» и тому подобное

и поэтому надо работать над преодолением предрассудков. Главное препятствие между нами – психологического толка. И я бы сказал, что не была залечена рана, нанесенная 4-м Крестовым походом, когда Константинополь был взят и разграблен. Я вижу, что эта боль не исцелена еще. И надо открыто общаться друг с другом, просить прощения за грехи наших предков и идти вперед, потому что мы сможем реально преобразить мир только вместе, свидетельствуя о вере единым голосом.

Н. Б-М.: Конечно! Нас справедливо обличают: «Что вы можете нам сказать, когда у вас между собой нет мира?!».

Митр. Збигнев: Ну, да, да! Это ключевое. Мы теряем всякую достоверность, когда начинаем публично друг друга обижать, обвинять, предъявлять претензии...

Стремление к единству – это знамение времен, потому что, если раньше мы жили каждый сам по себе, то сегодня так нельзя. Если мы хотим быть достоверными перед миром, и хотим его преобразить, то это мы можем сделать только вместе. Пока – на уровне практического взаимодействия. Я уже говорил о том, чего мы достигли в Латвии только благодаря экуменическому сотрудничеству. Но нам надо идти дальше!

Н. Б-М.: Что для вас лично самое главное в христианстве?

Митр. Збигнев: Когда-то у меня был период неверия, я все-таки искал истину, искал смысл жизни и для меня лично, самое главное это то, что христианство мне дает ответ на вопрос о смысле жизни. Я нахожу ответы на волнующие меня вопросы. И я здесь нахожу, что ли, свое призвание... Я знаю, что христианство помогает мне быть тем, ради чего создал меня Бог, что я, благодаря христианству, обретаю свое место в мире и могу

быть тем, кем я в полной мере являюсь, – быть на своем месте.

Н. Б-М.: И вы счастливый человек?

Митр. Збигнев: Да, это делает меня счастливым. Я, конечно, не говорю, что я уже достиг блаженства. На небесах мы будем полностью счастливыми. Но я могу сказать: насколько я верен своему призванию, настолько оно делает меня счастливым.

Н. Б-М.: Что может помочь человеку (каждому) быть счастливым?

Митр. Збигнев: Быть собой. Понять, ради чего ты создан и исполнить свою миссию в мире.

Я все испытал, можно сказать, ел со всех плодов райского сада и оценивал каждый плод – нет, это не то, это что-то гнилое, этот плод не питает мою душу, а вот этот плод – да! Он меня питает, он мне дает ответ. Он мне дает твердую почву.

Н. Б-М.: Очень интересно! Спасибо за беседу!

И последнее. Чего вы ждете от визита Папы Римского Франциска в Латвию 24 сентября 2018 года?

Митр. Збигнев: Папа приезжает как пастырь, чтобы встретиться со своими братьями, укрепить и утвердить нас в вере. Это его задача. Ни политические мотивы, ни какие-то другие. Папа является пастырем мира, он приезжает ко всем, и для нас это самое главное.

Рига, 29 мая 2018

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ХРИСТИАНСТВУ

СВОБОДА И ЦАРСТВО

За последние столетия христианство пережило множество обновлений. Библейское – оно началось Реформацией и, кажется, продолжается до сих пор. Харизматическое – признак недавно ушедшего XX столетия. Евхаристическое – это уже на христианском Востоке, в начале всё того же XX века, когда казалось, что ещё немного, и вернутся времена древнего Православия с его насыщенной, интенсивной церковной жизнью, евхаристической и литургической. Общинное – это уже снова Запад, следствие Второго Ватикана и инициированных им тенденций возвращения соборности. И всё же – на фоне всего перечисленного – некая усталость. Усталость от реформ и контрреформ, от традиционализма и модернизма, от богословских изысков и от их критики с точки зрения того, что сами критики считают «просто-той». Усталость, которая лучше всяких доказательств свидетельствует: что-то не так, хотя всё вроде бы и хорошо, и разнообразно, и интересно. Где-то этой усталости нет, но таких очагов духовной свежести, увы, сравнительно не так много. Складывается впечатление, что процесс, который называют сегодня «духовным выгоранием», медленно, но неуклонно и всё более заметно распространяется в Церкви, а все попытки ему противостоять остаются локальными и приводят лишь к временному успеху.

Так что же так утомляет сегодня нас, христиан? Перечисленные выше церковные искания, движения и тенденции? Вряд ли: нынешняя церковная жизнь слишком

разнообразна, чтобы утомить и наскучить, по крайней мере, когда дело касается форм, видов и традиций. Сегодня вряд ли найдётся человек, который, если только христианство ему хоть сколько-нибудь интересно, не смог бы найти себе церковного сообщества по душе. Конечно, так не везде, но чаще всего ситуация оказывается именно такой. Есть, правда, места и целые страны, отличающиеся известным однообразием церковной жизни, но это всё же скорее исключение, чем правило. Тогда от чего же мы устаём? Если усталость не физическая и не психологическая, тогда откуда она? Самый простой и напрашивающийся ответ: эта усталость – духовная, её причины не связаны напрямую с теми видами служения, которые свойственны сегодняшней Церкви. А если и связаны, то именно с тем, что их порождает: с формализмом. Вернее, с формализацией духовной жизни. С формализацией не внешней, бросающейся в глаза, от которой церковные сообщества разных уровней всё-таки стараются сегодня, по возможности, избавляться, а внутренней, затрагивающей те глубины человеческой природы и человеческого духа, до которых порой не так просто добраться даже самому их обладателю. Туда добирается только Сам Бог. Но как?

Слово, которое освобождает

Философы (как христианские, так и нехристианские) немало писали о том, что на философском языке принято называть «отчуждением». Суть дела понимали по-разному, но было и нечто общее: осознание того факта, что человек, которому по природе свойственно быть включённым в того или иного рода динамику (социальную, экзистенциальную, духовную), в силу тех или иных

причин из неё выпадает и оказывается в мире статичных форм, этой динамикой порождённых, но в своём наличном состоянии из неё исключённых. Радикальнее других здесь был, пожалуй, Н. А. Бердяев, последовательно описывающий разные формы такого отчуждения, включая те, что свойственны религиозной жизни. Он, как известно, даже формы традиционных тринитарных представлений считал уже проявлением своего рода отчуждения, или, как называл её сам философ, «объективации», предпочитая описывать Бога как *Urgrund* немецких мистиков, по сравнению с которым само троическое бытие представлялось ему бытием объективированным. Впрочем, даже такое философское построение не разрешало кардинальной проблемы всякой философии (равно, впрочем, как и всякой рациональной теологии): проблемы собственно рационального познания и описания реальности, по определению предполагающих рефлекссию, а значит, и объективацию, если не экзистенциальную, то, во всяком случае, психическую. Любое рациональное познание предполагает моделирование, создание той или иной модели реальности, всегда превосходящей любую модель и никогда до конца не выразимую рационально. Создание модели же в свою очередь требует задействования определённого рода психического инструментария, по преимуществу (хотя и не исключительно) интеллектуального, использование которого неизбежно предполагает внутреннее разделение человеческого сознания и появление пресловутой рефлексии, а значит, и внутреннего отчуждения.

Альтернативу представляет нам лишь Библия с её описанием мироздания. В библейской Поэме творения, называемой обычно Шестодневом, мироздание описано не как бытие, а как реальность. В отличие от бытия,

которое предполагает собственное абсолютно или относительно независимое существование, реальность никогда не существует независимо от той воли, которая её создаёт. В Библии мир не бытие, а реальность – он творим Богом «в начале», творим во всей полноте, как «небо и земля», и существует только и именно в такой полноте. В этой полноте мир – совершенство, гармония, стройность. Хаос, нечто «безвидное и пустое» появляется в мире тогда, когда в нём появляется внутренний разрыв, когда «небо» отделяется от «земли». И дело тут даже не в том, что при этом духовная составляющая мироздания отделяется от природной, как нередко толкуют это место комментаторы – выражение «небо и земля» разные экзегеты истолковывали по-разному. Дело в том, что любой разрыв созданной Богом реальности означает выпадение отделившейся части из Божьей реальности в не-реальность, в «безвидность и пустоту», символом которой в Поэме творения становятся тьма, бездна и бесконечный безбрежный океан. Всякое отчуждение в мире, всякая, выражаясь языком Н. А. Бердяева, «объективация» с точки зрения библейской оказывается разрывом Божьей реальности и появлением на месте этого разрыва того самого бытия, которое становится объектом философского исследования и пространством для построения научных и метафизических моделей реальности. Падший мир и существует внутри такого разрыва, или, вернее, он сам есть этот разрыв, который может или расширяться и углубляться, или преодолеваться и уменьшаться, как начал он уменьшаться с приходом Христа, когда перестало существовать то царство смерти, которое по-еврейски называется шеолом, а по-гречески Аидом (он же «ад» православных пасхальных песнопений).

В Шестодневе мир остаётся реальностью до тех пор, пока в нём звучит Божье слово. Оно звучит на каждый день творения, определяя этот день как элемент Божьей реальности, обретающий собственную динамику соответственно проявлению Божьей воли. Для нас нынешних, в нашем падшем состоянии, речь идёт о формах, как мы их понимаем, о чём-то статичном, что, будучи однажды определено, дальше существует уже само по себе. Между тем для Бога и для всякого, кому хотя бы приоткрыта Божья реальность, формы бытия вовсе не являются чем-то абсолютным, они меняются соответственно тому Божьему дыханию, которое называется Святым Духом и своей динамикой определяет существование каждой формы в ее непосредственности, определяет здесь и сейчас, в том абсолютном настоящем, которое, оказываясь в месте разрыва Божьей реальности, порождает то множество и ту бесконечность пространств и времён, в которой так легко теряется падший человек. Вот в этом множестве пространств и времён Божье слово исчезает, разбиваясь на бесчисленные, порой едва слышимые отзвуки, а мир «объективируется», отделяясь от потока Божьего дыхания и оказываясь для попавшего в этот отделённый от полноты Божьей реальности мирок человека другим потоком, потоком бесчисленных форм, нередко чудовищных и безобразных, наподобие тех, которые показал Арджуне Кришна перед сражением на поле Курукшетра. Не случайно ведь и человек, судя по библейскому описанию, был задуман Богом как «живая душа», существование которой определяется исходящим от Него «дыханием жизни». «Душа» в Библии не статичное образование, не вечная и неизменная структура — она скорее процесс, поток, динамика; «дыхание жизни» — тоже поток, только не природный, а ду-

ховный, Божий, Богом человеку данный и отданный в полную его власть, в полное распоряжение, настолько полное, что человек волен даже, как он это делает нередко, полностью его игнорировать, не замечать в себе того источника жизни, без которого сама его жизнь оказалась бы совершенно немыслима.

Вот тут-то и начинается процесс отчуждения человека. Вернее, его самоотчуждения, той самой экзистенциальной «объективации», которая в библейском рассказе о грехопадении описана как дарование человеку Богом «кожаных одежд». «Дыхание жизни» – Божье, но вместе с тем и человеческое. От человека, от его воли, от меры осознания им в себе этого дыхания зависит, сколько будет в Божьем «дыхании жизни» человеческого участия, человеческой составляющей, а вместе с тем и то, сколько Божьего «дыхания жизни» будет в жизни самого человека, сколько вместит его душа и насколько она будет живой. После падения этой Божьей жизни в душе человека осталось настолько мало, что её едва хватает для выживания, а человек отождествляет себя уже не с ней и не с «дыханием жизни», а с собственной природой. Отчуждённая от человека его собственная природа, отделённая от него часть его собственной души и стала тем неповоротливым, с трудом подчиняющимся человеку падшим телом, которое называется в Библии «кожаными одеждами». Мир «объективированных» форм начинается не в экономической, культурной или даже религиозной жизни общества, он начинается в сокровенной глубине павшего человека, там, где данное ему Богом «дыхание жизни» оказывается не в состоянии включить в свою духовную динамику человеческую природу, которая поэтому вынуждена существовать как цепочка сменяющих друг друга форм –

психических, психосоматических, физических. Человек не живёт больше свободно в своём природном доме, данном ему Богом, он оказывается во власти собственной природы, попавшей в разрыв Божьей реальности вместе со всем падшим миром.

Этот разрыв ищущие полноты жизни пытались преодолеть во все времена. Одним это удавалось, другим нет, но каждая попытка означала еще один опыт на пути возвращения в Божью реальность, опыт удачный или неудачный. В поисках себя некоторые находили в глубине собственной души то «дыхание жизни», о котором говорит Библия, называя его разными именами и сходясь в том, что именно оно не просто делает человека человеком, но и даёт человеку возможность жить полной жизнью и дышать полной грудью, если только научиться пребывать в той глубине, где оно обычно скрыто. Тогда, осознав Божье «дыхание жизни», некоторые переживали минуты удивительной космической гармонии, ощущая своё совершенно неразрывное, взаимопроницающее единение с мирозданием. Другим давалось услышать то самое слово, что своим звучанием делает мир Божьей реальностью, Божьим Царством, которым мир всегда оставался для Бога, несмотря на все срывы и падения Им сотворённых существ. Чаще всего это Божье слово оставалось невыразимым, его не могли передать даже те, кому довелось его услышать, и священный слог индийских мистиков в этом отношении так же непередаваем человеческим языком, как непередаваема никакими земными созвучиями космическая гармония пифагорейцев. Так было, и так было бы и сегодня, если бы Бог Сам не открыл человеку Своё слово.

Произошло это на Синае в день дарования еврейскому народу Торы. Тут, на первый взгляд, всё куда проще

и понятнее, чем со священным слогом или с космической гармонией: на Синае народу был дан Декалог, те самые хорошо известные многим Десять заповедей, которые кажутся простым моральным кодексом, пусть и данным Богом. Между тем моральное измерение Декалога, как, впрочем, и сама мораль, представляет собой как раз яркий пример той самой «объективации», которая духовно совершенно убийственна для человека. Никто не выступает против морального измерения Декалога, но морализм и морализаторство духовно совершенно иссушают тех, кто им предаётся. Оно и не удивительно: мораль ведь остаётся внешним ограничителем для человека, пусть и не физическим; Тора же с самого начала предполагала возможность и необходимость внутреннего воздействия, возможность действия из той глубины, где дышит в человеке Божье «дыхание жизни». Она, Тора, должна была задать ритм этого дыхания, чтобы оно не сбивалось, как сбивается порой дыхание у неопытного бегуна. Задать его на уровне как собственно духовном, на уровне воли, обращённой в глубь человеческого сердца и направленной на это дыхание, так и на уровне природном, душевном и даже телесном с тем, чтобы природа человека, насколько это возможно в падшем состоянии, включилась в духовный процесс, могущий в конце концов её преобразить. Разумеется, одной морали тут мало, для решения такой задачи Тора должна была быть осознанна как внутренний императив, духовный и нравственный.

Не случайно первая заповедь Декалога начинается не с запрета и не с предписания, а с провозвестия. Бог обращается к человеку, называет Себя по имени и провозглашает освобождение от рабства, призывая человека к новой, свободной жизни с Собой. Запрет участия

в любых других культах, поклонения любым иным богам – лишь следствие, вполне естественно и логично вытекающее из такого призыва. В самом деле: если человек полностью включается в процесс отношений с Богом, ему уже не до других богов, они ему просто неинтересны. Между тем священное имя звучит не только в первой заповеди, но и в третьей, где речь идёт о молитве, о призывании Бога, которое не может быть просто пустословием, если, конечно, молящийся надеется на то, что Бог его очистит. И дело тут не в наказании, как обычно интерпретируют соответствующие слова переводчики, упорно переводящие оригинальное «не очистит» как «не оставит без наказания», а именно в очищении: ведь оно освобождает человека, возвращает ему ту цельность (иногда в русских переводах соответствующее еврейское слово передают как «непорочность»), без которой невозможно освящение, вхождение человека в священное пространство, где преодолевается разрыв Божьей реальности, в котором оказался мир после падения. Уже четвёртая заповедь, заповедь шавбата, предполагает пребывание человека в священном времени и в священном пространстве (в день шавбата предполагалось благодарственное жертвоприношение). А второзаконнический комментарий к четвёртой заповеди между тем возвращает нас к началу, к первой заповеди, к Богу, Который выводит из Египта и освобождает от рабства. Круг замыкается: исполняя заповеди, идя путём Торы, человек проходит путь от рабства к свободе, от разделённости с самим собой через Встречу, молитву и освящение к новой цельности, где уже нет никакого отчуждения и никакой «объективации».

Понимание духовной необходимости такого пути пронизывает собой всю Библию, будь то Ветхий Завет

или Новый. Уже во второй, поздней части Книги Левита говорится о необходимости сохранять «святость» (т.е. состояние освящённости) непрерывно – потому, что это состояние, сообразное Богу. В Новом Завете звучит тот же призыв, призыв быть совершенными, как Небесный Отец (а «совершенство» по смыслу соответствующего греческого слова означает здесь также «достижение цели»). Уже в Книге Второзакония звучит призыв хранить Закон в сердце. Иеремия, говоря о новом, messiанском союзе-завете, подтвердит этот призыв, указав на то, что условием такого союза станет Тора, написанная в сердце каждого, а не просто выбитая на камне. После плена его слова были осмыслены, и тогда появилось (уже в иудейском контексте) традиционное раввинистическое представление о внутренней Торе как о Законе, укоренённом в сердце, в той глубине человеческой личности, где рождается воля и, соответственно, все интенции человека, определяющие его духовную жизнь (на языке Евангелия, как, кстати, и на языке православной аскетической литературы, интенции называются по-русски «помышлениями» или «помыслами»). Внутренняя Тора формирует сердце и душу человека, определяя его духовную жизнь не снаружи, как моральный кодекс, а изнутри; она становится тем самым словом, о котором говорит Шестоднев, но теперь это слово действует изнутри самого человека, из глубины его сердца. Не случайно и Спаситель говорит о необходимости внутренней Торы: приравнивая в Нагорной проповеди ненависть к убийству, а вожделение – к прелюбодеянию, Он явно имеет в виду именно её, ведь внутренняя Тора как раз предполагает духовное тождество намерения и поступка. Такой Закон – путь

к свободе и полноте, к тому, что сегодня иногда называют безусловностью, а значит, и путь в Царство.

Упущенные возможности

Первое, второе, а возможно, и третье поколение христиан росло и жило внутри иудео-христианской традиции. Им был близок и понятен её, этой традиции, раввинистический контекст, понятие внутренней Торы не вызывало у них вопросов, а идеал «живой Торы» был целью их христианской жизни. Оно и неудивительно: ведь Спаситель нередко почти открытым текстом указывает на Себя как на пример именно «живой Торы». Уже Его слова о том, что Он пришёл не для того, чтобы разрушать Закон, а для того, чтобы довести его до полноты («не нарушить Закон, но исполнить» Синодального перевода), достаточно очевидно свидетельствовали, что Он пришёл, между прочим, и с тем, чтобы явить миру «живую Тору», о которой столько тогда говорилось в среде учёных раввинов и учителей Закона. Несомненно, Иисус с самого начала не собирался создавать никаких текстов, дополняющих Пятикнижие, и явление полноты Закона понималось Им именно в смысле явления миру «живой Торы». Это, однако, не единственное свидетельство, есть и другие достаточно прозрачные намёки и аллюзии. «Я Путь, Истина и Жизнь» — а ведь «путём истины» и «путём жизни» называли в те времена как раз именно Закон, и не просто Пятикнижие как текст, но и Тору как духовный путь, путь той самой внутренней Торы, без которой немыслима тогда была сколько-нибудь полноценная духовная жизнь. «Иго Моё благо и бремя Моё легко» — так называли тогда путь внутренней Торы, на который вставал человек,

ищущий праведности. Намёки вполне понятны, аллюзии достаточно очевидны, а сам «Закон в полноте», «живая Тора» была впервые явлена Спасителем в день Преображения на Фаворе, а потом в день Воскресения.

Неудивительно, что и первые поколения христиан, ещё не утратившие изначальной иудео-христианской традиции, видели во Христе не только Спасителя, но и единственный реально явленный пример «живой Торы», а свою духовную жизнь, свой духовный путь рассматривали как проходимый вместе с Воскресшим путь внутренней Торы и духовного становления каждого во Христе как «живой Торы». Неслучайно тема Закона становится одной из центральных и в апостольских посланиях, особенно в посланиях Павловых, который сам пробовал пройти путь внутренней Торы до конца ещё тогда, когда не был ни Павлом, ни апостолом Христовым, а был ещё Шаулем, учеником Гамалиэля. Эту свою попытку он очень ярко и достаточно подробно описывает в послании к Римлянам. Вспоминая начало своего пути, он довольно подробно и очень эмоционально описывает, как на пути внутренней Торы, ему всё больше и больше открывалась собственная греховность, фактически делавшая невозможным полноценную духовную жизнь и сам путь как таковой. Об идеале «живой Торы», к которому стремился Шауль, не приходилось и мечтать: чем ближе он казался, тем непреодолимее становилась преграда, отделявшая от него падшего человека. Эти попытки совершенно измотали Шауля и духовно, и психологически, измотали настолько, что, будучи учеником весьма терпимого во всех отношениях учителя (а Гамалиэль даже к христианам относился если не сочувственно, то, во всяком случае, совершенно спокойно), он становится человеком крайних взглядов,

гонителем тех, кого считает отступниками от православия. Эта резкость и жёсткость, вероятно, были своего рода духовной и психологической компенсацией того глубокого разочарования, которое постигло будущего апостола после провала всех его попыток достичь духовного идеала. Исцелила его лишь встреча с Воскрешшим на Дамасской дороге, с которой и началась его новая жизнь, а вместе с ней и новый духовный путь, ведущий к прежнему идеалу, но с новым Учителем.

Ситуация кардинально изменилась уже в середине II века, когда в Церковь хлынул поток языко-христиан. Он, разумеется, был далеко ещё не столь мощным, как позже, в Константинову эпоху, но уже достаточно интенсивным, чтобы полностью изменить прежний, иудео-христианский уклад церковной жизни. Иудео-христианская традиция, разумеется, не исчезает моментно, она лишь вытесняется на периферию церковной жизни, продолжая существовать в Палестине, как минимум, до VI века, до персидского вторжения, а быть может, и до арабского завоевания этой области в VIII веке; но, как бы то ни было, решающего воздействия на жизнь имперской Церкви эта традиция уже больше никогда не оказывала. Конечно, языко-христиане были в Церкви и раньше, в апостольские времена, но это были языко-христиане, знакомые с иудаизмом и с раввинистической традицией, знакомые не понаслышке, посещавшие синагогу, знавшие иудейское богослужение, имевшие представления о традиционном мессианизме и, вероятно, о традиционных иудейских духовных и аскетических практиках. Новые языко-христиане ни о чём перечисленном в большинстве своём даже не слышали, а если и слышали, то лишь краем уха; то, что некоторые из них могли вести и действительно

вели иногда дискуссии с иудеями по вопросам, касающимся Торы и мессианской традиции, лишь подтверждает общее правило, исключения из которого бывали слишком заметны, чтобы не войти в историю раннехристианской церковной жизни. Изменений было слишком много, и они были слишком глубоки для того, чтобы описывать их в рамках этой статьи. Отметим лишь, что они затронули и восприятие христианами традиционных священных текстов, и литургическую жизнь, и само церковное устройство. Уже к концу II века церковное устройство и церковная жизнь очень мало напоминали устройство и жизнь церкви первохристианской. Для нас же сейчас важнее всего тот факт, что вместе с иудео-христианством на периферию церковной жизни ушла и раввинистическая традиция времён уже канувшего в историю Второго Храма. Без Св. Писания языко-христиане при этом, разумеется, не остались: в их распоряжении была Септуагинта, собрание вполне авторитетное в еврейской среде, по крайней мере, до IV века, когда его значимость и духовная ценность были поставлены под серьёзное сомнение амораями; но, сохранив (во вполне доброкачественном и авторитетном традиционном греческом переводе) текст, языко-христианская по духу и по культуре Церковь практически полностью утратила тот раввинистический контекст, который практически невозможно было перевести ни на какой язык. Вместе с контекстом же ушли и такие ключевые для духовной жизни понятия, как внутренняя Тора и «живая Тора», а с ними – и вся практически духовная и аскетическая традиция первохристианской эпохи.

Церковной жизни раннехристианской эпохи, эпохи нового, молодого языко-христианства, вообще свойственна некоторая варваризация по сравнению с эпохой

первохристианской. Оно и неудивительно: заменить иудео-христианство, опиравшееся на лучшее, что было в иудаизме и в раввинистической традиции времён Второго Храма, молодой Церкви было нечем. И речь должна идти не только о традиции духовной и аскетической. Не до конца понятыми или существенно переосмысленными в сторону упрощения оказались и такие ключевые понятия яхвистской традиции, как святость, чистота, скверна, без которых практически невозможно было осмыслить до конца и в полноте, в частности, практику иудейских домашних священных трапез, а значит, и Евхаристии. Та лёгкость, с которой уже к середине II века, судя по «Дидахе», в литургической практике хлебопреломление слилось воедино с тем, что позже стали называть литургией Слова, свидетельствует о том, что такое осмысление в церковной жизни этого периода ещё только начиналось, начиналось заново, с чистого листа, в практически полном разрыве с опытом первохристианского периода. Теперь Церкви предстояло фактически заново открыть для себя основополагающие вещи, без которых нормальная церковная жизнь невозможна. Между тем в раннехристианский период на осмысление оставалось зачастую совсем не так много времени: жизнь христиан этого времени нередко оказывалась слишком насыщена внешними событиями, включая преследования и гонения, чтобы сосредоточиться на вопросах собственно духовных и аскетических. В эти именно времена складывается в церковных кругах идеал «простой», «неучёной» Церкви, для которой свидетельство, в том числе свидетельство во времена гонений, важнее богословских и философских изысков.

Этот идеал впоследствии сыграет с Церковью злую шутку. Несомненно, во времена гонений, как и во всякой

крайней или даже пограничной ситуации, происходит естественная мобилизация всех человеческих сил, как духовных, так и природных. К тому же и Бог, само собой понятно, не оставляет людей, всеми силами стремящихся сохранить Ему верность. Однако для человека такая ситуация всё же является чрезвычайной, не только в том смысле, что она необычна и требует особой внутренней мобилизации, но и в том отношении, что помощь, получаемая человеком свыше в этом случае, не обязательно меняет его внутренне, делая состояние духовной мобилизации временным и неустойчивым. В известной евангельской притче о сеятеле период мирный и спокойный, когда сорняки легко забивают добрые всходы, прорастая вместе с ними на хорошей почве, не случайно наступает после периода гонений. Сегодня мысль о том, что времена гонений для Церкви оказываются обычно духовно более плодотворными, чем времена благополучия, можно считать общим местом; но ведь это лишь доказывает снова и снова, что пережившие гонения добрые всходы из притчи легко становятся добычей сорняков из той же самой притчи, а это уж никак нельзя считать чем-то нормальным или, тем более, неизбежным. Во времена гонений не нужно никаких особых аскетических усилий для того, чтобы сохранить духовную цельность, необходимую для Царства; но что, если Бог даст пережить времена гонений без мученического венца? Тогда ведь придётся жить среди сорняков, во времена тихие и спокойные, и тут уже без специальных усилий не обойтись.

Лучшим тому свидетельством является как раз церковная история Константиновой эпохи, эпохи, когда гонения кончились, а Церковь приобрела статус не только легальный, но даже официальный. Теперь в Церковь

устремился поток уже не языко-христиан, а просто язычников, которым надо же было куда-то ходить и кому-то поклоняться так, как прежде они ходили и поклонялись своим богам в языческих храмах. Не зная точно всех деталей своей прежней языческой религии, они в большинстве своём не особенно старались вникать и в тонкости христианского учения или христианской жизни, ограничиваясь в лучшем случае Декалогом, который воспринимали как христианский моральный кодекс, в общем и целом их устраивавший (по крайней мере, если говорить о добропорядочной части языческого общества). Ни о каком духовном пути и даже ни о какой духовной жизни собственно большинство этих «новых христиан» не помышляло, они просто не понимали, что это такое и для чего оно им нужно. На таком фоне появление монашества и даже весьма широкое его распространение неудивительно: люди, ищущие полноценной христианской жизни, теперь, кажется, впервые с первохристианских времён задумались о том, что не всё тут так просто, что христианская жизнь – это искусство, навык, которому надо учиться и который не приходит сам собой. Именно там, в монастырях христианского Востока, были заново открыты многие истины духовной жизни и аскетической работы, известные уже в первохристианский период, но основательно забытые христианами последующих двух столетий. Заново были открыты практика непрерывной внутренней молитвы, молитвенного чтения Св. Писания (в монастырях Запада такое чтение стали называть медитативным), «внимательной жизни» – осознанной и целенаправленной работы с собственными интенциями, отчасти напоминающей путь внутренней Торы в иудаизме и иудео-христианстве. Проблема, однако, заключалась в том,

что христианская жизнь (в отличие от иудейской и выросшей из неё иудео-христианской) не впитала эту традицию, оставив её в монастырях. Оно, впрочем, и не удивительно: это была своего рода плата за ту массовость, которая стала свойственна Церкви уже в IV столетии, но ещё гораздо больше в VI, в Юстиниановы времена, когда языческие культы на всей территории Византийской империи были запрещены, а языческие храмы, равно как и нехристианские философские школы, закрыты (эта участь не миновала даже знаменитую Академию в Афинах, основанную Платоном и просуществовавшую к тому времени уже более тысячелетия). Подлинная духовная жизнь, в отличие от жизни религиозной, никогда не бывает массовой, коллективной. Бог всегда обращается не к коллективу и не к толпе, а к отдельному человеку, и работает Он тоже не с толпами и не с коллективами, а с отдельными людьми. Община, конечно, возможна, но в подлинной общине духовная жизнь всегда глубоко личностна, и община поэтому никогда не превращается в коллектив. Религиозный же коллектив вполне возможен, как возможно коллективное религиозное переживание. Такие переживания всегда были свойственны массовой церкви, которая, вбирая в себя всё местное население, расплачивалась за массовость фактическим отказом от той духовной работы, без которой нет христианства, в пользу коллективной религиозности, которая, объединяя людей, в то же время не может привести их никуда, кроме духовного тупика.

Этот путь, между прочим, лишил Церковь замечательной возможности, которая, вероятнее всего, никогда уже не повторится так же, как не повторится и соответствующая историческая ситуация. Речь идёт о

евангелизации Римом Западной, а отчасти и Восточной Европы (хотя, если говорить о Восточной Европе, нельзя тут не вспомнить и об аналогичной деятельности Константинополя). Большая часть Европы (собственно, вся она целиком, за исключением Греции и Италии) была тогда ещё варварской или полуварварской, едва приобщившейся к цивилизации или вовсе ещё её не вкусившей. Приобщение к цивилизации и евангелизация протекали в Европе одновременно, и у Церкви появилась совершенно уникальная возможность создания на этих землях с участием народов, на них живущих, народов новообращённых и почти ещё не просвещённых, новой цивилизации, основанной на ценностях Библии, и в первую очередь на ценностях Торы. В первую очередь потому, что Евангелие, в отличие от Торы, дано для жизни в Царстве, Тора же с самого начала предполагала возможность и даже необходимость не только личностного, но и общественного измерения. Разумеется, применять буквально ветхозаветное законодательство невозможно и не нужно – оно было дано для вполне конкретных условий, но вот создать законодательство новое, адекватное времени и основанное на том же Декалоге и на ценностях Торы, возможно всегда и в любую эпоху. Это слишком обширная тема, чтобы говорить здесь о ней подробно; заметим лишь, что таких попыток фактически не было сделано, и закончилась история новой цивилизации, рождавшейся как христианская, фактически полным отказом от христианства. Конечно, речь тут не идёт о Торе как о только и исключительно законодательстве, или о Декалоге как о только и исключительно моральном кодексе. Уже в эпоху Второго Храма и иудеи, и иудео-христиане в свой черёд понимали, что пространство Торы вмещает

очень многое и способно вместить очень многих. Если бы все её возможности были осознаны и осмыслены Церковью Константиновых времён, приток язычников в церковные собрания стал бы для Церкви благословением, а не проблемой. Конечно, не все из приходивших непременно завершали бы своё знакомство с Церковью крещением, многим хватило бы Торы, притом в самом её простом, моральном и юридическом смысле. Собственно, для многих, называющих себя христианами, христианство даже сегодня сводится фактически к вере в Единого, в данный Им нравственный закон, разъяснённый и уточнённый Спасителем, и в посмертное воздаяние сообразно соблюдению (или несоблюдению) человеком оного. Тут ещё не христианство, тут яхвизм в самом его изначальном и простом виде, в виде массовой религиозности Моисеевой эпохи, когда язычество ещё не успело войти в жизнь евреев так широко, как это произошло после завоевания земли. Проблема, однако, заключалась в том, что Церковь в Константинову эпоху уже не знала всех возможностей Торы, идёт ли речь об отдельном человеке или о целом народе.

Главной проблемой, однако, стал уход в монастыри всей христианской аскетической традиции, а вместе с тем, во многом, и духовной жизни. В такой ситуации никакие отдельные усилия, даже очень серьёзные, не могли ничего изменить по сути. Огромную роль сыграла та попытка обновления церковной жизни через возвращение к Св. Писанию, которую предпринял Лютер (хотя справедливости ради нельзя не заметить, что у него были предшественники, желавшие того же самого, но преуспевшие куда меньше). Проблема, однако, заключалась в том, что суть традиции, связанной с Писанием и с его чтением, оказалась вне поля зрения

Лютера, так же, как не обратили на неё внимания и другие вожди Реформации. Речь идёт о той самой практике молитвенного, или медитативного, чтения, которая сложилась в монастырях христианского Востока и была впоследствии усвоена также в монастырях западных. Удивительно, но сам Лютер, будучи монахом, кажется, ничего об этой традиции не знал; во всяком случае, он никак не связывал с ней то библейское обновление, которое считал столь важным и необходимым для Церкви. Лозунг «назад к Библии» не стал ни для него, ни для его последователей призывом к изучению и освоению каждым читающим Библию того опыта медитативного чтения, без которого чтение это оказывалось упражнением для человеческого ума и для человеческих чувств, но отнюдь не для человеческого духа. О Божьем слове Павел говорит, что оно проникает «до разделения души и духа»; для этого, однако, надо не «работать со словом», а позволить ему работать с собой. Неудивительно, что раньше или позже такое чисто человеческое изучение Писания, какое сложилось с самого начала в среде реформированного христианства, должно было исчерпать себя, и сегодня признаки такого исчерпания стали уже достаточно заметны. Впрочем, это проблема далеко не одних протестантов, и если где-то она ещё не проявила себя во всей силе, то лишь потому, что именно протестанты уделяли в последние столетия изучению Библии (во всех её аспектах и формах) времени куда больше, чем представители любой другой из христианских деноминаций.

Помимо библейской есть в современной христианской жизни ещё одна составляющая, связанная с представлениями об обновлении, — составляющая харизматическая. Многочисленные харизматические движения

и общины стали отличительной особенностью западного христианства во второй половине прошлого столетия, и пока не видно, чтобы столетие наступившее кардинально от него в этом отношении отличалось. Замечается, впрочем, и тут некоторая усталость, а вместе с тем и желание дополнить собственно харизматическую экстатику хоть какой-нибудь аскетической составляющей, нередко нехристианской, как это свойственно некоторым католическим движениям, обращающимся к Востоку не только христианскому, но и индусскому, и буддийскому. Такой поиск аскетической составляющей не случаен. Тут можно вспомнить, между прочим, ещё и, так называемое, евхаристическое и литургическое обновление, охватившее Церкви Востока в первой половине прошлого столетия, и прежде всего Церковь Константинопольскую и Антиохийскую. Там, на Востоке, евхаристическое обновление заставило посмотреть иначе и на традиционную православную аскетику, которая стала понемногу выходить из монастырей в обычную приходскую жизнь, хотя процесс этот далеко ещё не завершился и в последующем даже несколько замедлился. Между евхаристическим обновлением на Востоке и харизматическими движениями Запада есть сущностная духовная связь, хотя она и не сразу бросается в глаза. По сути и то, и другое представляет собой попытку возвращения к тому первохристианскому пониманию духовной жизни, которое так и не было до конца воспринято языко-христианской Церковью раннехристианского периода. Более того: уже в Константинову эпоху восприятие это стало искажаться, а в эпоху Юстинианову искажение даже оформилось в богословский трактат, приписываемый Дионисию Ареопагиту, но написанный, по-видимому, в VI веке или около этого

времени. Здесь церковные таинства связываются со своеобразными инициатическими цепочками, включающими ангелов (в небесной своей части) и традиционную уже в то время трёхступенчатую (епископ – пресвитер – дьякон) церковную иерархию на земле. Церковное таинство оказывалось теперь своего рода средством получения по цепочке благодати, а члены церковной иерархии – её раздаятелями. Тут уже от обычного прихожанина требуется немного: надо лишь прийти к месту раздачи этой самой благодати и получить её, соблюдая при этом определённые, установленные раздаятелями благодати, правила. Правила, конечно, к исполнению обязательны: нарушителям их благодати не дадут, а получить её нигде и никак больше они не смогут. Всё это, разумеется, не только очень далеко от изначального, первохристианского понимания того, что позже стало называться таинством, но и прямо противоречит ему по сути. Изначальная Церковь, разумеется, знала то, что впоследствии назвали таинством, но благодать не связывалась ею исключительно с его совершением. Благодать всякий получал от самого Христа как член Его тела, и зависело её наличие (или отсутствие) исключительно от той динамики отношений человека со Христом, которая и определяла его жизнь как христианина. В собраниях того типа, которые позже стали называться литургическими, Церковь не «облагодатствовала» своих членов, а выявляла свою благодатность в максимально возможной там и тогда, где и когда это происходило, полноте. Если человек приходил в собрание духовно пустым, не думая о своих отношениях со Христом («не рассуждая о теле Христовом», как сказано о таких участвующих в собрании у Павла), он пустым и уходил: само по себе присутствие в собрании, пускай и

благодатном, ничего для него не меняло. Таинство не делает человека благодатнее – оно лишь раскрывает тот духовный потенциал и, соответственно, ту меру благодатствования, которая присуща ему на момент участия в таинстве.

Тут-то и становится принципиально важной аскетика. Всякое благодатное состояние – переживается ли оно во время совершения таинства или просто во время харизматического собрания (а Дух, как известно, дышит, где хочет, и ограничивать Своё дыхание рамками церковных собраний и временем совершения таинства Он вовсе не обязан) – во всяком случае является для человека не вполне обычным. В такие минуты Бог показывает человеку, каким он мог бы быть, если бы жил, что называется, по-максимуму, дыша полной грудью и позволяя в себе дышать тому «дыханию жизни», которое Бог даёт каждому из нас для общения с Собой. Чтобы, однако, выйти на этот максимум, необходима вполне определённая духовная и аскетическая работа. Духовная жизнь – процесс богочеловеческий, и без человеческих усилий он так же невозможен, как и без Божьей помощи. А человеку, между тем, свойственно избегать этой работы, избегать тех усилий, которые нужны для того, чтобы научиться жить полной жизнью не в редкие моменты, когда человека, в сущности, до этой жизни поднимают, поднимают на духовную высоту, на которой он в наличном своём состоянии удержаться, очевидно, не сможет, а – постоянно, так, чтобы уже не терять однажды обрётённой, с Божьей помощью, полноты. Вместо этого падшему человеку свойственно скорее стремиться к повторению привычного переживания, к тому, чтобы вновь оказаться в состоянии, когда ему было хорошо и благодатно. Тут годится

всё: и таинство, и харизматическое собрание — лишь бы снова пережить то, что когда-то принесло радость и свободу. Однако так не может длиться вечно: человеческая природа не в состоянии существовать в режиме непрекращающегося стресса, каким всегда для неё бывает духовное переживание, превышающее наличные человеческие возможности. Зная это, Бог обычно не повторяет таких переживаний бесконечное множество раз, Он лишь пытается снова и снова подтолкнуть человека к тому, чтобы тот начал полноценную духовную и аскетическую работу. Если же человек этого не делает, он в конце концов, раньше или позже, устаёт от таких не свойственных ему «опытов», с другой стороны, желая их всё больше: привычка ведь постепенно формируется, и без очередной «духовной подпитки» «харизматик» начинает чувствовать себя по-настоящему плохо. Сколько-нибудь полноценная жизнь сжимается до рамок «события», а в промежутках между ними несчастный обычно не живёт, а выживает, нередко в состоянии, близком к депрессии. Неудивительно, что от такой жизни вскоре наступает усталость: ведь человеческие силы не беспредельны.

Обновление духовное и аскетическое

Всё сказанное выше ставит естественный вопрос: как же вообще возможна сегодня, в наступившем уже XXI веке, полноценная христианская жизнь? Все обновления и возрождения, через которые прошла Церковь в прошлом, давали эффект лишь временный или частичный, а возвращение сегодня церковной жизни к иудео-христианскому укладу если и возможно, то лишь локально, в отдельных общинах, избирающих такой путь

в силу национальных, культурных или религиозных особенностей. Между тем уже Павел, рассуждая о Торе, прекрасно понимал: Тора – феномен сверхрелигиозный, она представляет собой откровение, выходящее за рамки иудаизма как религии, хотя именно Тора породила иудаизм во всём его религиозном своеобразии и во всей полноте. Апостол был уверен, что Тора, если брать её как таковую, вне конкретного религиозного контекста, может помочь на пути в Царство каждому, будь то еврей или принявший Христа недавний язычник. Да и Сам Спаситель в Нагорной проповеди говорит о внутренней Торе как о пути в Царство, или, по крайней мере, как об одной из важнейших составляющих этого пути. Павел же внутреннюю Тору считает одним из основных инструментов, превращающих человека в сосуд, вмещающий даруемую ему Богом благодать, которая иначе, если сосуд не будет готов, уходит, как вода в песок. Всё это заставляет иначе посмотреть на харизматическую и аскетическую составляющую духовной жизни христианина. На протяжении церковной истории составляющие эти нередко противопоставлялись одна другой, между тем, как на самом деле они составляют неразделимое единство, вытекающее из богочеловеческого характера самого спасения как духовного пути и духовного процесса.

На это единство указывает, между прочим, и сам текст Декалога. Уже один тот факт, что второзаконнический комментарий к четвёртой заповеди, связывая шаббат с Исходом, вполне недвусмысленно возвращает читателя к заповеди первой и главной, заставляет задуматься о смысле как Декалога и, в частности, его первой части, так и о смысле предполагаемого им духовного пути. В самом деле: шаббат – в первую очередь

внутренний мир, покой, прекращение всякой суеты, как внешней, так и внутренней. Все религиозные запреты, с ним связанные, изначально имели именно такой смысл, хотя впоследствии они многими стали восприниматься как самоцель и как главный смысл шаббата. Между тем никакой внутренний мир невозможен вне Божьего присутствия, переживаемого человеком всегда здесь и сейчас, в том экзистенциальном настоящем, которое соприкасается с настоящим Божьей вечности. Научиться переживать шаббат в полноте означает научиться пребывать в полноте Божьего присутствия. Полнота эта, однако, даётся Богом, и открывается она нередко ещё до всякого пути, в самом его начале, как предварение того, что человек обычно находит лишь в конце его. Так первая заповедь, оказываясь не просто запретом на участие в языческих культах, но в первую очередь благой вестью о Встрече, которая освобождает, открывает человеку полноту той жизни с Богом, которая станет нормой лишь в конце пути, когда человек сумеет обрести покой шаббата, покой того седьмого дня творения, о котором напоминает комментарий к четвёртой заповеди в тексте Декалога из Книги Исхода. Разница, однако, заключается здесь в том, что при первой встрече полнота даётся человеку как бы на вырост, имея в виду не его наличное духовное состояние, а то, каким оно станет (при условии, естественно, проделанной человеком вместе с Богом внутренней работы) в конце пути. При первой встрече пребывание в полноте Божьего присутствия не определяется духовным состоянием самого человека, его в Своем присутствии удерживает Сам Бог потому, что иначе человек тут же его потерял бы, откатившись назад, к состоянию, себе привычному и соответствующему. В конце пути то, что прежде

было дано человеку как бы на вырост, должно стать его собственной меркой, так, чтобы интенсивность его внутренних процессов, его духовной динамики соответствовала бы открытой ему полноте Божьего присутствия. В начале пути Бог показывает человеку, какой могла бы быть его жизнь, если бы он жил в полноте; в конце пути человек должен, по Божьему о себе замыслу, действительно научиться так жить.

Есть там же, в первой части Декалога, и указание на то, каким способом можно этой жизни научиться. В центре оказывается третья заповедь, заповедь чистой молитвы, без которой невозможно очищение человека от греха, мешающего ему жить в полноте. Только первая и третья заповеди включают священное имя (речь идёт, разумеется, о тексте заповеди как таковой – в комментариях оно встречается также и во второй заповеди, и в четвёртой, и в пятой), и если в первой Бог являет Себя и, соответственно, открывает человеку Своё имя, то в третьей это имя должен призвать человек с тем, чтобы вступить с Богом в общение, которое и есть молитва. В самом деле: человек с самого начала задуман Богом как единство данного Им дыхания жизни и собственно человеческой природы. Именно Божье дыхание жизни и делает нас людьми; личность человека, её центр находится там, где дыхание жизни соприкасается, встречается с человеческой природой. Там же и источник нашей свободы, и возможность обретения Царства: ведь именно там начинается реальное богообщение, и только там может быть центр той «обители», о которой упоминает Спаситель в беседе во время Тайной Вечери. Парадоксальным на первый взгляд образом Бог, давая нам то дыхание жизни, без которого мы не были бы образом Божьим, в то же время предоставляет

нам полную свободу отношения к этому Своему дару. Мы вольны вполне отдаться Его дыханию или полностью его игнорировать – в этом отношении Его дыхание жизни становится полностью и до конца нашим, ведь мы можем располагать им, как хотим. Однако жизнь наша оказывается духовно и экзистенциально более или менее полной в зависимости от того, насколько дыхание жизни определяет динамику нашего человеческого существования. Присутствие этого Божьего дыхания жизни и есть основание той харизматической составляющей духовной жизни христианина, которую так часто и так по-разному ощущали христиане разных веков и разных народов.

Что же до человека, то от нас требуется одно: осознанное участие в том Божьем дыхании жизни, которое делает нас людьми. Оно, это дыхание, действительно наше – настолько, насколько в нём участвует наша воля, которая, собственно, и есть мы сами, ведь именно воля является способом и формой духовного и экзистенциального самоопределения человека. В глубине Божьего дыхания жизни мы находим и Его Самого, Его волю, с которой наша воля в идеале должна составлять неразрывное единство – а тогда и дыхание жизни, от Него исходящее, определит нашу жизнь всецело и полностью. Мера полноты дыхания жизни в нашем повседневном существовании определяется тем, насколько велик разрыв между нашей волей и Божьей, открывающейся нам в той глубине нашей личности, где дышит Божье дыхание жизни. На библейском языке эта глубина называется обычно сердцем, из которого и исходят все наши интенции, обращённые как к Богу, так и вовне, к ближним и к окружающему нас миру. Павел, впрочем, в своих посланиях называет иногда эту глубину греческим

словом, переводимым обычно как «ум» – и тут он очевидно следует греческой традиции, традиции философской, восходящей к Сократу и Платону, которые, как и их последователи, говорили об «уме» именно в этом смысле (так же, заметим в скобках, как иногда это делали и православные отцы-аскеты, говоря не только о «сердце», но и об «уме», об «умной молитве, к примеру, или об «умном делании»). Вот тут-то и находится место второй важнейшей составляющей духовной жизни христианина, составляющей аскетической: ведь владение собственной волей и осознанное управление собственными интенциями – задача аскетическая в изначальном смысле этого слова. В христианской литературе харизматическую составляющую нередко противопоставляют аскетической как свободу несвободе и самоограничению; на самом же деле аскетика в подлинном смысле слова призвана помочь человеку обрести себя, собственную свою форму в той духовной динамике, которая предполагается как Божьим дыханием жизни, так и дыханием Царства, без которого нет христианской жизни. Харизматическая составляющая открывает нам Бога, аскетическая помогает обрести себя в Боге.

Неудивительно, что именно молитва и является главным содержанием тех аскетических усилий, без которых нет полноценной духовной жизни. Нередко аскезу понимают как именно и только самоограничение, как, выражаясь языком аскетическим, «отсечение» в себе чего-то, что мешает жить с Богом. Между тем самоограничение тут вторично, главной же задачей является как раз обретение человеком той духовной формы, которая сообразна состоянию, впервые переживаемому обычно после обращения или встречи с Богом. С собственно

духовной точки зрения речь должна идти об укреплении воли и о том, чтобы свести к минимуму разрыв между человеческой волей и Божьей; с точки зрения собственно человеческой природы надо говорить о максимально возможной для человека в падшем состоянии вовлечённости этой природы в духовную динамику. Конечно, после падения возможность полного преобразования своей природы на земном этапе своего пути была человеком утрачена, но задача сделать всё возможное остаётся. Молитва же может стать основанием той духовной динамики, которая делает возможным всё перечисленное. В собственном смысле слова молитвой надо называть то состояние осознанного единения человеческой воли с волей Божьей, которое переживается человеком непосредственно и не предполагает никакой рефлексии, соответственно не нуждаясь ни в словах, ни в каком-то ином внешнем выражении. Такая безмолвная молитва в той или иной форме известна всем христианским традициям, но научиться ей непросто: воля падшего человека слаба, а интенции, определяемые не столько самим человеком, его подлинным, духовным «я», сколько преходящими состояниями его собственной психики, зачастую берут и без того ослабевшую после падения волю в плен, под свой полный контроль. Вот тут-то и приходит на помощь молитвословие, которое нередко называют молитвой, смешивая эти два понятия.

Вариантов молитвословия существует множество, но среди ищущих полноценной духовной жизни особую роль играют короткие молитвенные формулы, обычно включающие священное имя: их нетрудно запомнить и при необходимости повторять непрерывно, шёпотом или мысленно. Практика таких молитвословий известна

всем авраамическим духовным традициям, включая, разумеется, и христианскую с её Иисусовой молитвой во всём разнообразии форм. В яхвизме, вероятно, самой ранней формой такого молитвословия было простое повторение священного имени, имени Яхве, открытого Моисею. Одной из главных задач такого молитвословия становится заполнение периферии поля внимания человека, которая иначе заполняется всем тем извне приходящим мусором, который называют обычно «поток сознания», хотя вернее было бы назвать его потоком бессознательного. Ослабшей после падения воле нужна своего рода психическая теплица, внутреннее пространство, свободное от обычной для падшего человека слабо контролируемой или вовсе неконтролируемой психической активности, и молитвословие того рода, что упомянуто выше, может эту задачу решить. Кроме того, молитвословие помогает решить ещё одну проблему: оно придаёт обращённой внутрь, к дыханию жизни, интенции форму, которой она иначе у падшего человека в таком случае обрести бы не смогла: ведь, если отвлечься от человеком же придуманных образов и моделей, Бог открывается нам лишь как Присутствие, как дыхание жизни или дыхание Царства, как Дух, который дышит, где хочет, и которого поэтому невозможно вместить в привычные нам рамки. То, что не вмещается в них, обычно не может быть объектом нашей интенции, внутренне мы таких вещей просто не видим. Молитвословие же становится тут своего рода внутренним компасом, направляющим интенцию к невидимому и неведомому Богу. Впоследствии же, когда воля несколько укрепляется, молитвословие берёт на себя ещё одну функцию: оно помогает телу включиться в ту духовную динамику, которая может если не

преобразить его полностью, то, по крайней мере, хотя бы несколько изменить в нужном направлении. Именно на этом этапе возможны описанные в православной аскетической литературе столь волнующие многих начинающих и несколько восторженных «исихастов» телесные эффекты, связанные, в частности, с сердцем.

Неудивительно, что третья заповедь оказывается заповедью чистой молитвы, приводящей человека в состояние внутренней тишины, предполагаемой четвёртой заповедью, заповедью шаббата. Что же до второй заповеди, то она призывает избавиться от всех кумиров — не в смысле статуй или изображений, а в том смысле евангельского «сокровища», о котором сказано, что оно там же, где сердце человека. В самом деле: сокровище в данном случае означает нечто для человека абсолютно важное и ценное, нечто такое, что становится для него внутренним абсолютom, переключая на себя все внимание и все силы, внутренние и внешние. И дело тут не в сути очередного кумира, не в истинности или ложности связанных с ним идей или представлений, а в том, что он полностью переключает на себя волю человека, отвлекая её от того дыхания жизни, которое одно может её укрепить и в глубине которого она может осознать волю своего Творца. Избавление от кумиров, от ложных сокровищ становится необходимым условием внутреннего мира, переход от соблюдения второй заповеди, предполагающей противостояние вторгающимся во внутренне пространство души претендентам на то, чтобы стать очередным кумиром, к соблюдению четвёртой, предполагающей хранение внутреннего мира и тишины, происходит через соблюдение третьей заповеди, заповеди непрерывной молитвы, очищающей человека. Как видно, уже сам текст Декалога, духовного

ядра Торы, напоминает о необходимости непрерывной внутренней работы и о Божьем присутствии, без которого она невозможна. Тем самым Тора напоминает нам о единстве в духовной жизни постоянного духовного обновления (харизматическая составляющая) в динамике непрерывной внутренней работы, без которой никакие излияния благодати сами по себе ни на шаг не продвинут человека по духовному пути (аскетическая составляющая).

Что до пятой заповеди, то она предполагает возвращение в мир: ведь во времена Моисея, когда заповеди были даны, семья, вернее, большой патриархальный род, была не только семьёй, но и обществом, и религиозной общиной. Начинается жизнь в мире, и вторые пять заповедей описывают эту жизнь и те духовные опасности, которые подстерегают падшего человека в падшем мире. Говорить о них подробно в рамках одной небольшой статьи, разумеется, невозможно; заметим лишь, что духовную оценку собственным поступкам христиане обычно дают, соотнося их с заповедями Декалога, и особенно второй его части, которая объёмлет большую часть тех грехов, в которых обычно приходится каяться: зависть, ложь, разврат, насилие разного рода и разной степени. К сожалению, чаще всего осознание и понимание совершённого греха приходит *post factum*, когда остаётся лишь сожалеть о сделанном. Лучше всего было бы научиться принимать правильные решения и делать правильный выбор по ходу событий, а не после, когда уже зачастую ничего нельзя изменить. Но как этому научиться? Ответ прост и давно известен: этому учатся через Св. Писание, через погружение в Библию.

Может показаться, что как раз именно библейское обновление, начавшееся на Западе с Реформацией, и стало

лучшим опровержением сказанного. В самом деле: вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что протестантам приходится каяться в грехах меньше, чем представителям других христианских деноминаций, или что они делают это как-нибудь принципиально иначе, чем все остальные христиане (речь, разумеется, идёт о существе дела – формы покаяния могут быть самыми разнообразными). Чем же может помочь Св. Писание в покаянии и в достижении той цели, о которой шла речь выше? Главный вопрос здесь заключается в том, что такое покаяние и почему мы, так сказать, всякий раз «пропускаем» грех, как плохой вратарь всякий раз пропускает мячи в свои ворота. Очевидно, дело тут не в одной скорости психических реакций – означенная проблема от темперамента обычно не зависит или зависит мало. Дело тут, главным образом, в том, как мы воспринимаем каждую ситуацию, а вместе с тем и всякое прочитанное слово Св. Писания.

Падшему человеку свойственна рефлексия. И дело тут не только в постоянных размышлениях и колебаниях между разными точками зрения или в самокопании. Дело в восприятии как таковом. Главным органом восприятия является человеческая воля. Именно она определяет функционирование всех остальных инструментов и механизмов восприятия, как физиологических, так и психических, и именно воля определяет, что именно человек слышит и видит, а чего он вовсе не замечает. Воспринятая информация, разумеется, никуда не исчезает, но она остаётся не осознанной самим человеком. Если бы человек мог воспринимать то, что он воспринимает, одной лишь волей, непосредственно-цельно, он видел бы всё в полноте, не нуждающейся ни в каком анализе. Такое восприятие невозможно было бы

выразить словами, его невозможно было бы описать, хотя само слово и стоящий за ним смысл могут быть восприняты непосредственно-цельно. Именно такое восприятие предполагает практика молитвенного чтения Св. Писания (на Западе его называют обычно медитативным). Практика эта, очевидно, дохристианская, судя по тому, что она достаточно хорошо известна иудаизму; в христианском мире, однако, она осталась в монастырях, и даже Реформация не сделала её достоянием христиан, живущих в миру. Между тем она была чрезвычайно важной именно с точки зрения выработки навыка непосредственно-цельного восприятия, опыт которого у людей Запада вообще не слишком велик. И дело тут не только в том, что такое чтение открывает глубины слова Божьего, иначе недоступные, дело ещё и в том, что слово таким образом может действовать в человеческой душе и в человеческом сердце, меняя их и, между прочим, научая человека видеть мир Божьими глазами, когда взгляд человека оказывается направляем уже не им самим, а Богом. Обычно же мы скользим взглядом по поверхности, больше полагаясь не на волю, а на собственную психику, в которой отражается увиденное и услышанное. Вместо объекта как такового мы видим реакцию на него нашей психики – интеллектуальную, ассоциативно-образную, эмоциональную. Полученную в результате картинку мы и считаем тем, что увидели или услышали, хотя на самом деле увиденное и услышанное является моделью, созданной на основе информации, идущей от системы наших собственных психических линз и зеркал. Так мы обычно читаем Св. Писание, и так же видим мы те ситуации, в которых оказываемся. Опыт же молитвенного, или медитативного, чтения научает человека иному восприятию,

которое позволит ему увидеть Божьим взглядом не только Библию, но и всё вообще, что человек видит. В самом деле: увидеть то, что видишь, Божьими глазами означает лишь одно: воля, обращённая на то, что она хочет воспринять, делает это не сама, а совместно с волей своего Творца. Но Его воля, естественно, так же преломляется в душе человека во множестве интенций, как в мире она преломляется в те слова, которые звучат в каждый день творения. Эти Его интенции выстраивают внутреннее пространство человека, позволяя, во-первых, увидеть ситуацию такой, какой видит её Он, насколько такое видение доступно человеку там и тогда, где и когда он должен решать или выбирать, и, во-вторых, осознать и понять её с духовной точки зрения, увидеть волю каждого, так или иначе в ситуации участвующего или имеющего к ней отношение. Тут уже не анализ событий, а цельная картина, показанная Богу человеком. Собственно, и подлинное покаяние возможно лишь тогда, когда Бог таким же образом показывает человеку ситуацию, в которой человек согрешил, а иначе, вместо покаяния, начинается бесконечный самоанализ, никак не приближающий кающегося к главной цели, цели осознания греха, решительного от него отказа и (с помощью Христовой) окончательного его преодоления. Так практика медитативного чтения плавно перетекает в практику, так сказать, медитативной жизни, дополняя молитву и осознание собственных интенций (в православной аскетической литературе такое осознание называется обычно «духовным вниманием», а осознанное управление собственными интенциями — «внимательной жизнью»).

Конечно, всё перечисленное вряд ли получит столь же массовое распространение, как обновления предше-

ствующих эпох. Ни христианская, ни какая бы то ни было другая история не знает массовых аскетических движений; даже тогда, когда казалось, что такие движения приобретают массовый характер, на деле всегда оказывалось, что речь идёт о массе подражателей, лишь имитирующих подлинную духовную и аскетическую работу. Но опыт тех, кто прошёл этим путём, свидетельствует о его духовной доброкачественности, а то, что стадо оказалось малым, не должно смущать: ведь и Евангелие говорит об этом совершенно прямо. Во всяком случае, ничто не мешает нам испробовать этот путь, на котором мы точно ничего не потеряем, зато можем найти путь в Царство и полноту духовной жизни здесь и сейчас.

Москва, январь 2018

Иеромонах Иосиф (Киперман)

Родился в Москве накануне смерти Сталина. При Хрущёве пошёл в школу, которую закончил уже при Брежневe, специальный математический класс. Поступил в МЭИС (Московский электротехнический институт связи). В начале второго курса мне явился Бог Отец и удостоверял меня в том, что Он существует. С тех пор я стал верующим в Него человеком. Сразу после окончания института, когда я поступил на работу инженером на телефонную станцию, мне открыл Себя Христос, коснувшись Своим перстом моего сердца, в тот момент, когда мой друг читал вслух Нагорную проповедь. С этой минуты я стал призванным Господом Его учеником. В конце 1975 года принял Святое Крещение в храме вмч. Феодора Стратилата, что на Московском подворье Антиохийского православного патриархата, где потом прислуживал три года, а в 1978 г. поступил послушником в Свято-Успенскую Почаевскую лавру. Во время гонений на послушников 1979–80 гг. вернулся в Россию, сначала на Афонское подворье монастыря св. вмч. Пантелеймона в Москве в качестве псаломщика, а потом перебрался на Псковщину, где был рукоположен в диакона, а через 7 лет в иерея, закончив к тому времени МДС (Московская духовная семинария). В 1992 году перебрался в Германию, оттуда в Израиль, где служил сначала в монастырях РПЦЗ, а затем в Иерусалимском греческом патриархате. Жил два года в обители св. Саввы Освященного, затем 4 года служил на подворье монастыря св. Саввы в Бэйт-Сахуре около Вифлеема. Оттуда меня послали в Афины учиться на Богословский факультет местного университета, закончив который и получив диплом бо-

гослова, поступил на службу приходским священником в Коринфскую епархию Элладской Православной Церкви, в которой служу по сей день.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к тому, что представляет собой Церковь, служению которой я посвятил свою жизнь, у меня был всегда, но картина открывалась постепенно, по мере моего погружения в церковную жизнь в РПЦ. Однако решение написать что-то на эту тему самому пришло уже после того, как я вооружился знаниями об этом предмете, из описаний богословов и философов дореволюционной поры и современных выдающихся христианских умов, а, кроме того, приобрёл достаточный жизненный опыт, чтобы делать самостоятельные выводы. Эти выводы оказались печальными. Я понял, что ту Церковь, основание которой заложил Христос, а Его апостолы воздвигли на нём её здание, мы потеряли. Церковь, в которой я стал иеромонахом, представляет собой культовый институт, который я называю «Имперская Церковь». Естественно, у меня возник вопрос: по каким причинам это случилось, когда и как? Второй вопрос вытекал из первого: что в таком случае представляла собой та Церковь, которую мы потеряли? Поиск ответов на эти вопросы совпал с переселением на Святую Землю Израиля, где искать ответы на них стало легче ввиду близости к объекту, хотя и не существующему, но духом чаемому. Так появилась статья: «Церковный Иерусалим», в которой в общих чертах я определил

направление движения. Остальные статьи, написанные в разное время, явились детализацией мыслей, высказанных в этой первой статье о будущем Церкви. Мне было важно понять, как переживали первые христиане реальность Церкви, в которой явным образом присутствовал Дух Христов, какой должна быть Церковь, в Нём живущая. Для лучшего понимания этих духовных реалий я использую в статьях диалектический метод, тезисом для меня служит устройство Апостольской Церкви, а антитезисом – Имперская Церковь искажённого мирскими началами христианства.

Пелопоннес, июнь 2018

ЦЕРКОВЬ ИЕРУСАЛИМА

*«И будет в последние дни,
гора дома Господня
будет поставлена во главу гор
и возвысится над холмами
и потекут к ней все народы».*

Ис 2:2

Церковь пришла в Иерусалим, вернулась в Израиль. Предполагаю удивлённый вопрос: разве до сих пор её здесь не было? В самом деле, в Иерусалиме Церковь представлена, как нигде на свете: католическая, православная, армянская, коптская, эфиопская, сирийская, кроме того: греко-католики, протестанты, англикане, баптисты, далее секты: марониты, иеговисты и т.п. Не касаясь вопроса, какая Церковь более истинная, какие христиане более достойны того имени, которым себя

называют, ответу так: «А что до братьев наших, это посланники церквей, слава Христова» (2 Кор 8:23).

Под Церковью, которая вернулась на свою историческую родину, я подразумеваю таких христиан, родиной которых стал Израиль, сам недавно возродившийся на путях истории. К христианам Израиля я отношу как тех, кто репатриировался, или как здесь говорят, сделал алию (досл. – поднялся), являясь членом одной из исторических церквей, так и тех, кто пришёл к вере и присоединился к ним уже в Израиле. Сюда я отношу и «мессианских» евреев и, вообще всех, кто считает себя последователем Иисуса, а Израиль – своим домом. Все мы составляем мистическое тело Христа и в потенции Церковь, физическое явление которой в виде самостоятельной общины со своими предстоятелями-епископами, пресвитерами и диаконами есть вопрос будущего. Когда оно наступит? Надеюсь, что это время уже не за горами. Придёт Господь, и Его встретит возродившаяся и расцветшая Церковь Израиля, а придёт Он во время распада Церкви «языков», т.е. когда от исторических церквей сохранится «остаток верных», не променявших духовное служение Истине на рабское следование духу мира сего.

Итак, духовное наше возвращение совершилось. Оно подобно возвращению евреев на родину после жизни в галуте (изгнании в странах рассеяния). Много доброго и хорошего вынесли евреи из той школы, особенно выходцы из стран Европы, но после опыта жизни в собственном доме для всех стали очевидными недостатки, искажения и даже уродства галутного существования. Христианин, принадлежавший к исторической церкви: католической или православной, в которой особенно держатся за «предания старцев», приехав в Израиль,

чувствует какое-то обновление своей веры. Это похоже на обновление иконы, когда сквозь закопчённую поверхность, под которой едва угадывалось изображение, вдруг начинают проступать свежие краски и живые лица. Все наносное, всё «культурные наслоения» исчезают и появляется то, что относится к сути веры. Бывает, впрочем, и противоположное, — после исчезновения этих «слоёв» ничего так и не проступило, потому что сути там не было. Такие люди, в конечном итоге, отпадают от Христа и от Церкви. Одновременно с процессом обновления или нового духовного рождения открывается смысл происходившего с Церковью на Её исторических путях. Это похоже на рассвет в горах, когда под лучами солнца ночной мрак постепенно рассеивается и становятся видны бесконечные дали. Иногда я сравниваю себя с наблюдателем, который с вершины горы смотрит за движением плывущей по морю эскадры. Впереди виден флагманский корабль, там Христос со своими учениками. За ним другие корабли, плывущие тем же курсом, хотя и медленно и с большим трудом. Но есть и такие, которые плавают по кругу, иные бороздят море вширь, другие бросили где-то якорь, а кое-кто, сбившись с курса, плывёт в неизвестную сторону. Кроме того, на каждом корабле нашлись недовольные таким положением вещей, они спустили шлюпки и на этих утлых судёнышках устремились вслед флагману. Вероятно, среди них есть и моя шлюпка, христианина, духовно переросшего «православные» русский и греческий церковные национализмы, путь которого, как и путь израильских христиан, — к единой вселенской Церкви, духовному Израилю, шествующему за Христом к Иерусалиму Небесному.

К сожалению, традиционные наши церкви не могут нам дать верные ориентиры на этом пути, указать на главное и важнейшее в Св. Писании, что мы должны хранить и чему следовать, так как на своих исторических путях сами они подменили главное второстепенным, а то и просто ничего не значащим, потому и ненадёжны ныне внешние опоры и авторитеты. От нас сегодня требуется собственный духовный труд по выявлению и усвоению основ учения Христова. Господь научил нас распознавать любящих Его: «это те, – говорит Он, – кто соблюдает Мои заповеди», и жизнь Церкви – тела Христова, живого организма, сохраняемого Его духом, поддерживается деланием заповедей, потому ап. Павел и говорит, что «Царство Божие не в слове, а в силе» (1 Кор 4:20). Так оно и было в первые века, но в дальнейшей истории Церкви победу одержал ложный пафос умозрительных вероопределений. С тех пор делание уходит на второй план, а на первое место выдвигается провозглашение определённой доктрины, поддерживая которую, можно считать себя «правильным», православным христианином. Непримируемая идеологическая борьба за тотальный диктат точной доктрины привела к громадному перекосу в церковном самосознании. Жизнь в лоне Церкви, участие в Таинствах, верность Евангелию, выражающаяся в деятельном последовании учению Христа, перестали быть основными признаками принадлежности к Церкви. Таким признаком стала приверженность «правильным» догматическим вероопределениям. Но их-то как раз Церковь никогда не имела в готовом виде, вырабатывала веками и до сих пор ещё не выработала окончательно. В процесс становления этих богословских формулировок были

втянуты лучшие церковные умы, которые нередко губили друг друга. Произошёл поворот в сторону от евангельской, апостольской традиции.

В 11-й главе послания ап. Павла к Коринфянам (ст. 18-19) есть такие слова: «Когда вы собираетесь как церковь, я слышу, что есть между вами разделения, и отчасти этому верю. Ибо должна быть между вами и разность мнений, чтобы испытанные обнаружилились между вами». По-гречески этот же текст звучит так: «πρώτον μὲν γὰρ συνερχόμενων ὑμῶν ἐν ἐκκλησίᾳ ἀκούω σχίσματα ἐν ὑμῖν ὑπάρχειν καὶ μέρος τι πιστεύω. (18) δεῖ γὰρ καὶ αἰρέσεις ἐν ὑμῖν εἶναι ἵνα οἱ δόκιμοι φανεροὶ γένωνται ἐν ὑμῖν. (19)»

Обратим внимание здесь на слова: σχίσματα и αἰρέσεις. На русский язык они переводятся как расколы (схизмы) и ереси, что означает ложное учение или утверждение. В таком переводе чувствуется другой оттенок, нежели чем у ап. Павла, у которого слово «разделения» не имеет негативного смысла. Разделения не являются для Апостола чем-то совершенно неприемлемым, что необходимо непременно подавлять, дабы избавиться от такого «зла». Наоборот, разность мнений (ересь) должна быть, это поможет открыться испытанным (в истине) или, по старому переводу, искусным (в формулировании истины). Таким образом, Апостол предлагает диалектический способ познания истины. Он не боится высказываний ошибочных и ложных, т.к. не сомневается в том, что, во-первых, сами по себе они не страшны, если, конечно, не покушаются на то главное, что есть в церковном собрании, а именно, единство духа, и, во-вторых, возбуждают работу мысли и воздвигнут на защиту истины искусных в её познании – в богословии, философии и т.п.

В дальнейшей истории Церкви слова: “схизма” (раскол) и “ересь” приобрели исключительно негативный, отрицательный смысл, как нечто плохое и недопустимое. Исчез дух терпимости и свободы, появился другой дух, — общеобязательности и принуждения. Причина происшедшей перемены понятий в изменившемся соотношении главного и второстепенного в религиозной жизни. Так что же главное и что второстепенное в религиозной жизни, в вере, в Церкви?

Из письма В. С. Соловьёва к А. А. Кирееву от 12 ноября 1883 г.: «По Вашему, эти “новые” догматы, т.е. “infallibilitas” и “immaculata conception”, к которым Вы присоединяете также “filioque” составляют ересь и лишают католичество значения Церкви в истинном смысле этого слова. По моему, эти догматы и не новы и никакой ереси ни по существу, ни формально в себе не заключают, а, следовательно, и не могут отнимать у католичества характера истинной Церкви, так как истинная церковность не зависит от большего или меньшего прогресса в *раскрытии* и *формулировании* догматических *частностей*, а зависит от присутствия апостольского преемства, от православной веры во Христа как совершенного Бога и совершенного человека, и, наконец, от полноты таинств»¹.

Истинная церковность — это реальное богообщение в молитве, Евхаристии и делании Христовых заповедей. У христиан первых веков словесные вероопределения не играют заметной роли. Существовали, правда, краткие изложения содержания веры, произносимые

¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза». 1909. Т. 2. С. 105. (В цитате сохр. выделения и грамматика данного издания. — *Прим. ред.*)

в момент крещения, т.н. крещальные символы, еретиком же считался тот, кто мыслил не согласно с учением Церкви, содержащемся в Св. Писании. Однако догматическое развитие, как раскрытие и формулирование богословских истин, относящихся к умозрительной области, не было центральным нервом христианской жизни. Умозрительное богословие, как и другие предметы, преподающиеся в наших семинариях, относится к «внешним» знаниям, которые в нормальных условиях беспрепятственного получения образования должны были бы быть усвоенными до крещения. После крещения основное внимание должно быть направлено на жизнь во Христе, таинственное с Ним общение, на делание Его заповедей, иными словами, на «внутренние» предметы. Для усвоения «внешних» предметов: истории, философии, школьного богословия, вера не требуется (знаю по собственному опыту), при наличии определённой тонкости и гибкости ума, проявляя интерес к этим предметам, вы можете овладеть ими. Вера требуется для вступления в богообщение в таинствах Церкви. Между сердечным знанием веры и знанием головного ума «дистанция огромного размера». Большинство простых верующих и не нуждается в словесных формулах, удовлетворяясь сердечным познанием ощутимой благодати Божией. Догматизирование предполагает специальный интерес, имеющийся у людей особаго склада ума, прошедших школьную культурную подготовку. Такой интерес не бывает всеобщим и его не надо навязывать всей Церкви. Но в истории, к сожалению, именно это и произошло.

Ещё во времена Оригена можно было свободно высказывать различные мнения, происходило соревнование умов, в котором вырабатывалось христианское

мировоззрение. В последующие времена дух свободного исследования уступает место истине, усвоенной под диктовку. Совершился переход от обсуждений к богословским спорам. В эпоху Константина Великого в эти споры уже втянулся почти весь епископат. В первые века предстоятели церквей своим примером учили, как следовать за Христом. Это было тайноводство (мистагогия), переданное им от апостолов. Апостол Павел не писал богословских трактатов, хотя имел все возможные естественные и благодатные дары для этого. В своих письмах он беседует о Боговоплощении, о Лице Господа Иисуса Христа и других истинах веры, но основную часть своего учения он преподавал в личных беседах с учениками, в которых он учил следованию за Христом в духе и истине, т.е. практическому Богопознанию. Очевидно, что епископат IV-го и последующих веков, в доходивших нередко до кровопролития спорах о вещах умозрительных и выработке словесных вероопределений, уклонился от главной цели христианской жизни, а именно – Богопознания, потерял к нему интерес, а может быть, уже ничего и не ведал о нём. Умственные игры, разобраться в которых дано было единицам, стали между тем достоянием толпы. Об этом остроумно писал св. Григорий Нисский: «Одни вчера или позавчера оторвавшись от чёрной работы, вдруг стали профессорами богословия. Другие, кажется, прислуги, не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о непостижимом. Всё полно этого рода людьми: улицы, рынки, площади, перекрёстки. Это – торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов. Ты спросишь их об оболах (копейках), а они философствуют о Рождённом и Нерождённом. Хочешь узнать цену на хлеб, отвечают:

“Отец больше Сына”. Справишься: готова ли баня? Говорят: “Сын произошёл из несущих”»².

Умозрительная сфера, развиваясь по своим законам, вытесняет духовную и попавших к ней в плен уводит далеко от сущности христианства. Догматические споры сделались ареной борьбы страстей. За ними зачастую скрывалась государственная политика, наносившая ущерб интересам Церкви. В тех же интересах государственной политики, но отнюдь не с целью уяснения сущности христианства, была обозначена «генеральная линия» и попутно определены карательные меры для тех, кто уклонился в сторону. В процессе исторического развития эта линия не раз меняла своё направление, при этом за бортом церковного корабля оставались анафематствованные, в буквальном смысле, покалеченные собратья. Среди них были и святые, такие как Максим Исповедник. Со временем дошли до того, что стали судить свободную мысль прошлых поколений, так был осуждён Ориген. Здесь уже начало на Востоке «Св. Инквизиции» или продолжение? Ведь уже со времени императора Константина Великого «еретиков» подвергали ссылкам и даже казням. Если для защиты истины требуются полицейские меры, это означает, что она не может защитить саму себя. В таком случае это уже не истина, а что-то другое. Дух истины покинул тех, кто во имя неё действовал насилием. Епископы, публично анафематствовавшие друг друга по поводу отвлечённых истин, вместо того чтобы об-

² Карташев А. В. «Вселенские соборы». Глава «II Вселенский собор в Константинополе 381 г.». [Электронный ресурс] // Azbyka.ru: Интернет-портал. 2005.

URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselsenskie-sobory/2_4 (Дата обращения 13.06.2018).

суждать их в приватной обстановке кабинетной учёной дискуссии! Епископы, ищущие смерти своим собратьям, под предлогом борьбы за вероопределения! Нечто похожее происходило в советской России в 30-е годы прошлого века. Тогда люди губили друг друга доносами под предлогом верности генеральной линии компартии. «Мистической» карикатурой на царскую Россию назвал А. В. Карташев Советский Союз. Не явились ли богословские баталии карикатурой на подлинную духовную войну, которая у человека может быть только с демонами?

О церковном сознании

Призывая Своих последователей к деятельной добродетели, Христос говорит: «Не всякий говорящий Мне: „Господи! Господи!“ войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего, Который на небесах». Воля Отца – это положительный деятельный императив: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Так устроенная жизнь, даже не богатая духовными дарами, такими как пророчество и чудотворство, оправдана в очах Божиих, и наоборот, когда добродетель отсутствует, то и при наличии этих даров она ничего не будет стоить. Эти высказывания Спасителя были вполне понятны слушавшим Его иудеям, так как со времён Моисея учителя наставляли их к исполнению заповедей Всевышнего. Делание заповедей есть реакция религиозного чувства на присутствие Живого Бога. И только там и тогда, где и когда это чувство угасало и связь с Богом терялась, заповеди Господа подменялись преданиями человеческими, мелочное и второстепенное вытесняло главное, дух подменялся

буквой и Церковь превращалась в окостеневшее иерархическое общество.

Основание Новозаветной Церкви положили люди иудейского менталитета с его особым отношением к государственной власти. Бог мыслился, как верховный Правитель. Земные цари были Ему подвластны. Когда они уклонялись от путей Его, появлялись Божии люди – пророки, обличающие властителей в грехе отступления от заповедей Всевышнего. Но даже нечестивые Израильские цари, в отличие от обожествлявших себя языческих правителей, не требовали себе поклонения, подобающего Единому Богу. Для апостолов царь есть власть предержащая, которой надо подчиняться как божественному установлению, существующему для поддержания общественного порядка. «Начальник есть Божий слуга тебе на добро» (Рим 13:4). Абсолютно ли это повеление или возможны случаи отказа повиновению власти, не суть важно, главное то, что для апостолов и первых поколений христиан не существовало никакой мистики власти. У них в Церкви, как в некоем новом царстве, другая иерархия, по степени близости к Господу. До тех пор, пока Церковь была гонима в мире, она жила этим духом «не от мира сего». Но вот началась эпоха государственной Церкви, в которой главными действующими лицами становятся царь и его слуги, мирские начальники. В храмы проникает дух государственных учреждений. Христианство, возникшее как Община, превращается в религию с постепенно разрастающимся культом. Появляются новые праздники, являющиеся одновременно государственными днями. Религия формирует идеологию государственной власти и сама идеологизируется. На основе богословских учений вырабатывается общецерковная доктрина, которую начинают

навязывать методами государственного принуждения. Теперь надо ходить в церковь, где правильно учат об истинах откровения. Таким образом, школа начинает возвышаться над Церковью, доктрина над культом, теория над практикой жизни. Происходит перерождение церкви деятельного благочестия и живой веры в Церковь партийной идеологии и государственного диктата. Епископы становятся главами церковно-государственных партий и начинают вести войну друг с другом за первенство власти и влияния. Оружием в их взаимной борьбе становится анафема, которая налагается на инакомыслящих с последующими от государственной власти ссылками и казнями. Поразительное противоречие: вместо проблем деятельной христианской жизни, борьбы с бесплотными духами тьмы вплоть до бескровного мученичества и полной нравственной победы над злом, церковные лидеры уходят к проблемам отвлечённым, не требующим духовной борьбы и молитв до кровавого пота. Но в результате такого поворота они начинают взаимную борьбу, сопровождавшуюся большими человеческими жертвами. Не все в Церкви смирились с этой великой и страшной подменой, но всегда были и сегодня находятся люди, ищущие жизни во Христе, жаждущие живого духа любви, находящие смысл жизни в приобщении к Духу Христову. Господь призывает таких людей, открывается им, посылает их в Церковь для её обновления, но там им приходится вступать в борьбу с людьми иного духа, с теми, для кого власть, слава и деньги стали кумиром, заменившим Живого Бога, которые только прикрываются христианским именем. Божии люди, хотя и не могут изменить общего направления церковной жизни, являясь незначительным меньшинством среди тех, кто идёт широким путём служения

мирским страстям, но «малому стаду» верных они указуют путь ко Господу, учат правильному видению происходящего в Церкви и мире. Одним из таких столпов истинной Церкви, которая есть храм Бога Живого, был отец Сафроний (Сахаров). Вот что он писал в своей книге «Рождение в Царство Непоколебимое»: «Я прежде всего имею в сердце моём видение, что характер нашей ежедневной деятельности, наше поведение, наши молитвы, наше отношение к людям и всё прочее важнее теоретических знаний, необходимее отвлечённых богословских построений для нашего спасения, хотя и самая внимательная жизнь в молитве ещё не является совершенством без умного “знания” Бога (Бога, а не о Боге)»³. «В богословских школах веками пытаются преподнести ученикам в систематическом изложении содержание Откровения и учение Церкви – плод соборного опыта. Благодаря этому в короткие годы школьной учёбы возможно схватить контуры сего великого здания, в его земном аспекте и в его небесной природе. Но бесспорно, этого рода наука далеко не есть подлинное богословие, понимаемое как бытийное познание Бога. Когда же систематизация с её логической последовательностью доходит до крайностей, тогда истинный дух заменяется мертвящей схоластикой. Такое богословие, к сожалению, скорее отводит ум и сердце учащегося от жизни в Боге, становясь философией, научной дисциплиной, интеллектуальной эквилибристикой, радикально извращающей положительно всё, что дано Богом

³ *Архимандрит Сафроний (Сахаров). Рождение в царство непоколебимое. Мысли к предисловию. [Электронный ресурс] // Azbyka.ru: Интернет-портал. 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/rozhdenie-v-tsarstvo-nepokolebimoe/#0_2 (Дата обращения 13.06.2018).*

в огненных языках, в неопишемом явлении Света, приводящих в изумление, в святой трепет всё наше существо. Дают ли школы не интеллектуально, но реально жить, приобщаться Божественной беспредельности, что поражает дух наш, вызывает пламенную молитву покаяния? Вызывают ли они пламенную жажду впитать в себя любовь Христову, Его смирение и кротость, приведшие Его на Голгофу?»⁴.

Единство Церкви определяется, как точно указывал В. С. Соловьёв:

- 1) апостольским преемством иерархии;
- 2) православной верой во Христа, как совершенного Бога и совершенного человека;
- 3) полнотой Таинств.

Таким образом, единство и простота (там, где единство, там и простота, и полнота) достигается на доступном пониманию каждого минимуме догматических истин. На минимуме, а не на максимуме, которого мы ещё не достигли. Главное же в том, что сами эти истины не составляют сердцевину веры, кроме одной и единственной – о Богочеловеке Христе, своей крестной жертвой и воскресением спасшего нас от вечной смерти и даровавшего нам вечную жизнь в Царстве Бога.

У иудеев есть такое высказывание: «То поколение, которое не способствовало восстановлению Храма виновно в его разрушении». Применительно к Церкви можно сказать, что то поколение, которое не способствовало соединению Церквей и возрождению Единой

⁴ *Архимандрит Сафроний (Сахаров)*. Рождение в царство непоколебимое. Часть 1, глава 1. Пути богословской аскезы [Электронный ресурс] // Azbyka.ru: Интернет-портал. 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/rozhdenie-v-tsarstvo-nepokolebimoe/1 (Дата обращения 13.06.2018).

Соборной Апостольской Церкви, виновно в её разделении. Мы все виновны, ведь нашим невежеством, гордыней, самоуверенностью, малодушием, теплохладностью, духовной слепотой мы предаём заветы Христа. И не помогут нам всякие отговорки, дескать, так нас воспитали и так нас учили, что мы ненависть принимали за святую ревность, а второстепенные подробности обряда за самую суть «православия». Нам открылся Дух Истины, и мы должны уметь различать истину от лжи, в какие бы церковные одежды последняя не рядилась. Любовь ищет то положительное, что всех объединяет, ищет общий язык. Национальный эгоизм и душевность, «самость» ищет противоположного, чем бы оправдать собственную исключительность. Для этого как раз пригодны всякие различия в формулировках догматов, в обрядах, в ментальности. Опыт Иерусалима говорит: объединение возможно, когда православные и католики покажут пример взаимной любви и начнут относиться к евреям как к своим братьям и единомышленникам в деле прославления Бога.

ЦЕРКОВНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

Иудеи не пишут слово «Бог», не произносят Имя Божие, заменяя Его инициалами. В основе такого отношения к Имени лежит тонкое чувство благоговения и страха перед Всевышним. Невозможно постигнуть рационально, умом душевным, и выразить в догматической формуле то, что необходимо почувствовать сердцем. Вероопределения возникли в процессе догматического развития, они необходимы определённому типу сознания, ищущему ясности в описании умозрительных

предметов. Познание Живого Бога не является умозрительным Его описанием, но медитативно-молитвенным единением с Ним. Это другой процесс, в котором Святой Дух открывает тайну Имени живущим по заповедям Христовым в молитве и покаянии. Так понимавшие Истину не занимались исследованием догматов. Св. Исаак Сирин говорит: «Храни себя от многоглаголания, ибо оно угашает в сердце мысленные движения, бывающие от Бога. Как мечущегося на всех льва избегай рассуждений о догматах: не сходишь для этого ни с питомцами Церкви, ни с чужими. Не проходи и стогнами гневливых или сварливых, чтобы сердце твоё не исполнилось раздражительности, и душою своею не обладала тьма прелести»⁵.

Итак, святой отец ставит многословие, гнев и сварливость рядом с рассуждениями о догматах. Богомыслие же, несомненно, противоположно всему этому. «Если же соблюдёшь ты, человек, сии предосторожности и будешь всегда заниматься Богомыслием, то душа твоя действительно узрит в себе свет Христов, и не омрачится во веки»⁶.

Вероисповедальные символы, носящие умозрительный характер, не определяют существа веры, но лишь поясняют или более детально описывают предметы нашей веры. Составленные из определённого количества известных на данный момент догматических истин, они не могут заменить самого религиозного акта и

⁵ *Преподобный Исаак Сирин Ниневийский*. Слова подвижнические. Слово 9. О чине и уставе новоначальных и о том, что прилично им. [Электронный ресурс] // Azbyka.ru: Интернет-портал. 2005. URL: azbyka.ru/otechnik/Isaak_Sirin/slova-podvizhnicheskie/9 (Дата обращения 13.06.2018).

⁶ Там же.

духовного переживания, и не должны даже произноситься за богослужением. Место им в церковных училищах, где нужно заниматься не только их изучением, но и работать над составлением новых, отвечающих современным потребностям Церкви, включающим в себя краткие положения церковного учения о человеке и о Церкви, которые также являются предметами нашей веры, не нашедшими до сих пор места в имеющихся Символах. Центральным предметом нашей веры является собственно Господь Иисус Христос, который сказал о Себе, что Он есть Путь, Истина и Жизнь. Значит, приобщиться к Нему можно в таком религиозном акте, в котором участвует весь человек, а не только его ум, или дух, взятый в отдельности. Отсюда следует необходимость не только оградить предметы нашей веры умозрительным их описанием, но, что гораздо важнее, устроить саму Церковь так, чтобы из неё не ушёл Дух жизни. Чтобы при всех точных догматических формулах, умозрительно представляющих Того, в Кого мы веруем, мы не потеряли Его самого, чтобы, имея все определения истинной Церкви, не потерять бы нам саму Церковь.

К чему привели споры о догматах и обрядах, ставшие в государственной имперской Церкви основным нервом церковной жизни? К расколу и разделению церквей. К чему привело исчезновение из церковной жизни подлинно её основного нерва – деятельного Христова учения о молитве и соблюдении заповедей? К тому, что государство и общество остались языческими, а внутри самой Церкви властвуют миролюбцы, преступившие все заповеди, но при этом утешающие себя тем, что сохранили догматы. Те, кто не имеет права даже зайти в церковное собрание, для участия с верными в

Трапезе Господней, ныне председательствуют на ней. Сейчас надо спасать Церковь от окончательной подмены и исчезновения. Бесполезно ждать спасения от богословских комиссий, только запутывающих вопрос. Для возвращения к единству в вере на основе апостольского предания, к единству Церкви на основе древнейшего принципа соборности необходимо решительное проявление воли к этому, прежде всего, каких-то инициативных лиц из епископата, понимающих суть дела и готовых взять на себя ответственность за судьбу Церкви. Но их должны поддержать клир и народ, что требует разъяснительной работы, которую могут вести единомышленники реформаторов из среды самих клириков и просвещённых мирян. Если мы хотим, чтобы Дух Истины вернулся в Церковь, мы должны освободить её от многообразной лжи, которая её пленила и, прежде всего, от ложного нехристианского мировоззрения и менталитета, который апостол Павел назвал жизнью по стихиям мира сего, а не по Христу.

ИСТИНА И ДОГМАТ

«Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне

Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Тогда *Иисус* запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» (Мф 16:13-20).

Иешуа – Машиах. Иисус – Мессия. Кто – Он? Симон проник в эту тайну, она открылась не «плоти и крови» его, т.е. не его душевному уму с его логикой и диалектикой, открылась его духовному уму (*Nuç*), имеющему пребывать в сердце человека. Именно этого духовного центра коснулся Святой Дух и озарил его откровением о Мессии как о Сыне Бога, этой тайне внутренней жизни Святой Троицы. Это озарение или откровение стало поводом для переименования Симона в Петра. Личное имя фиксирует результат откровения. Пётр – Камень, лежащий в основании Общины Нового Завета – Церкви в славянском и в русском переводах. С этого же откровения, проникновения в тайну Мессии-Христа с помощью Святого Духа, коснувшегося духа человеческого и оживившего его в Крещении, начинается для человека мистическая жизнь со Христом в Его Общине (Церкви). Человек, которому открылась в Духе тайна Мессии, становится живым камнем здания Общины, живым органом Тела Христова. «Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом». (1 Петр 2:4-5).

Те, кто не проник в эту тайну, остаются «вовне», внешними по отношению к «царственному священству»

и народу святых. Духовно они находятся «во внешнем дворе» с «прозелитами врат» – оглашенными. Чтобы стать членами Тела, им надо самостоятельно проникнуть в тайну Мессии, после чего начинается их жизнь во Христе, или жизнь в Боге.

Но в христианстве имперского периода истории Церкви это знание и даже понятие о нём были потеряны. Членам этой Церкви, которая уже не является Общиной в терминах апостольской эпохи, осталось только «голое знание», знание Предмета извне, ставшее достоянием душевного ума: Λογικό (в тримерии: дух – душа – тело). Это знание становится догмой, или догматом, о двух природах Христа, которого наименовали Бого-человеком. Из этого догмата логическим путём, как гениально показал великий русский философ Владимир Соловьёв, выводятся все остальные догматы, тринитарные и христологические. Догматическое знание стало достоянием ума. К этому знанию может приобщиться любой, читайте курсы Догматического Богословия и уразумевайте написанное. Только такое интеллектуальное знание, которым может овладеть любой – независимо от его религиозной принадлежности, и даже агностик, не приблизит этого человека к Тайне Мессии, не сделает его живым камнем здания Общины, живым членом Тела, таинственно соединённым с Его Главой, поскольку между головным знанием, т.е. убеждениями ума, и сердечным знанием, т.е. озарениями духа, такая же разница, как между мертвецом и живым человеком.

О «Непорочном Зачатии»

«В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что́ бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1:26-35).

Рациональная мысль сразу делает свои выводы и, вот, уже сформулирован «догмат о непорочном зачатии». Теперь его можно рассматривать, так сказать, со всех сторон, обсуждать, спорить, даже непристойные мысли высказывать и рисовать карикатуры.

Не таков был путь раннехристианской мысли, не рациональные формулировки слагающей, а стремящейся проникнуть в суть вещей. Именно в ту эпоху выработалось учение о таинственном рождении Младенца Христа в сердце человека, которое основывалось на отрывке из Евангелия от Матфея, глава 12 стихи 46-50: *«Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившие»*

му: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь». Из этих слов делали вывод, что Христос как бы возрастает в человеке, и по мере Его роста человек приходит в «меру возраста Христова». Это учение можно назвать Христоцентричным, оно сохранялось в монашеской традиции Западной Церкви, наиболее ярким представителем которой стала святая Тереза Младенца Иисуса.

На Востоке появился уклон в сторону «стяжания Святого Духа», своеобразный «спиритуализм», соответствующий западному квиетизму, выделяющий третью Ипостась Святой Троицы, оставляя при этом в тени две другие Ипостаси, что в конечном итоге приводило «стяжателей» к отказу от деятельного участия в жизни общества. Получилось, что они отдавали его на откуп антирелигиозным силам.

Итак, в самый таинственный акт всего домостроительства нашего спасения ученики Христа и апостолов должны были проникнуть духом. В Имперской Церкви этот акт отдали на рассмотрение рационального ума.

«РАДУЙСЯ, СИОНЕ»

«Радуйся, Сионе святой, Мати Церквей, Божие жилище, ты бо приял еси первый оставление грехов Воскресением» (Воскресная стихира 3-я, 8-го гласа на «Господи воззвах...»).

Идеологема об отвержении еврейского народа, замещённого язычниками, вытеснила этот основополагающий факт из церковного сознания и оно раскололось.

Это был первый, внешне незаметный раскол, но именно от него пошли все последующие. Игнорировали слова ап. Павла о корне: «Знай, что не ты корень носишь, но корень тебя». Объявить себя Новым Израилем несомненно очень почётно, но в то же время и ответственно. Сам Господь говорит: «Воля Пославшего Меня в том, чтобы из всего что Он дал Мне, Я не погубил ничего, но воскресил бы то в последний день» (Ин 6:39). На Новый Израиль ложится ответственность за старый, за корень маслины, соком которой питались некогда оба. Как же поступает новый? Один случай из истории Церкви очень показателен: «Население восточного города Каллиники на Евфрате при одобрении со стороны своего епископа разгромило иудейскую синагогу. [...] Феодосий I осудил эти погромы и приказал епископу восстановить синагогу на свои средства. Амвросий бурно восстал против такой политической «справедливости» и настоял на отмене самим императором его распоряжений. Феодосий уступил Амвросию»⁷.

Иудеям было отказано даже в малой струйке сока от того корня, который обильно питал Амвросия и всех, мыслящих подобно ему, погубивших последние связи между Церковью и синагогой. Однако это им показалось недостаточным, они хотели, чтобы «ветхий Израиль» больше никогда не возникал, для этого, измыслив коллективную вину (вещь, казалось бы, невозможную в христианстве, признающем персональную ответствен-

⁷ *Карташёв А. В.* «Вселенские Соборы». Глава «II Вселенский Собор в Константинополе 381 г.», главка «Арианство на Западе». [Электронный ресурс] // Azbyka.ru: Интернет-портал. 2005.

URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselen-skie-sobory/2_4 (Дата обращения 13.06.2018).

ность человека), его объявили повинным в распятии Спасителя и окончательно проклинали. Но через некоторое время «Новый Израиль» сам стал потихоньку ветшать. Начался этот процесс тогда, когда стали Новый Израиль отождествлять с определённым этносом. Постепенно пришли к тому, что римляне и греки, попросту – ромеи, и есть Новый Израиль. После падения Византии на эту роль выдвинулось Московское царство. Понятное дело, что всякого рода преследования евреев, вплоть до их физического уничтожения, после этого уже не вызывали сострадания, скорее, чувство удовлетворения, законной мести. Однако носители имперского сознания, думавшие обезопасить себя с помощью этой идеологемы, кое-что проглядели, а именно – *собственное спасение*.

Господь пришёл спасти всех людей, потому что «все согрешили и лишены славы Божией», иными словами, все виновны в Его смерти, которую мы предопределили своими грехами. Если же вся вина возлагается только на еврейский народ, получается, что только за него распялся Христос, ведь Он распялся за тех, которые виновны, а не за тех, которые не виновны. Отсюда следует вывод, что Господь, пришедший не праведных спасти, а грешников, только этот народ и должен спасти. Таким образом, тот, кто считает себя невиновным в смерти Спасителя, перелагая ответственность на других, не участвует и в искуплении. Иными словами, возлагающие на евреев вину за смерть Христа, тем самым исключают себя из Его искупительного дела и обрекают на *вечную погибель*.

АНТИИУДЕЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЕЁ ПЛОДЫ

В дошедших до нас от глубокой древности сочинениях христианских апологетов и отцов Церкви заметно особое отношение к иудеям: как к их собственным современникам, так и к современникам Христа. Характерными чертами этого отношения являются нападки, подкрепляемые бранными эпитетами. Иудеи представляются извергами рода человеческого, погрязшими в самых отвратительных пороках, богоотступниками, носителями всякого рода зла. Даже при поверхностном ознакомлении с соответствующими текстами видно, что они продиктованы чувствами превозношения, ненависти и мести. Дело представляется так, словно Всевышний допустил ошибку, избрав еврейский народ для прославления Своего Имени и для воплощения в этом народе Спасителя мира, а когда призвал в Церковь другие народы, свою ошибку исправил. Казалось бы, те чувства зависти и ненависти, которые испытывали к иудеям идолопоклонники, после обращения этих последних к истинному Богу, должны были бы смениться благодарностью и братским состраданием, но нет, они не только не утихли, но скорее усилились в виду появившейся возможности отомстить иудеям средствами государственной власти. Те, кто ещё недавно были гонимы за Христа, жалкого распятого иудея, каким он представлялся взгляду язычников, сами становятся гонителями. Впрочем, о том, что Христос (Машиах) был иудеем, стало неловко вспоминать. Ведь в сознании вчерашних язычников Он из Мессии, пришедшего спасти Свой народ и присоединить к нему все остальные спасённые народы, превратился в того, кто пришёл

упразднить иудаизм, разрушить храм, наказать евреев за то, что они не прославили Его как Бога, и рассеять их по всей земле. При этом, естественно, забылось, что знание истинного Бога, веру, усыновление и Церковь они приняли от евреев, не только в лице отдельных представителей этого народа, таких как апостолы, но от религиозной Общины. В Церкви эпохи императора Константина возникла даже теория «замещения» – Новый Израиль заменяет Ветхий (к счастью, во второй половине XX века Католическая Церковь от нее отказалась). Иллюстрацией этой теории является образ, часто встречающийся на Западе в живописи и скульптуре Средневековья: например, две знаменитые статуи, две аллегорические фигуры, украшающие южный портал Страсбургского собора XIII века. Это Церковь и Синагога. У Синагоги сломан посох и на глазах – повязка⁸.

Первые христианские общины по всей вселенной состояли из евреев рассеяния, которые обращались иногда целыми синагогами. Но во всяком случае, в то место, где была еврейская община, прежде всего и приходили апостолы, и там появлялось столько верующих во Христа, что хватило бы не на один миньян. Там же к ним присоединялись язычники, начавшие образовывать свои собственные общины уже после того, как Апостольский собор в Иерусалиме, проявив невиданную по тем временам толерантность, отменил для них некоторые, на их взгляд, частности иудейских обрядов, которые на самом деле были для иудеев основами

⁸ Мать Мария (Скобцова) посвятила этой теме пьесу «Солдаты», опубликованную в кн. «Равнина русская». СПб.: «Искусство-СПб», 2001. См. на эту же тему: Елена Аржак-Клепинина «Звезда Давида». // «Христианос-VIII». Рига, 1999. С. 102–112. (Прим. ред.)

предания (обрезание выше субботы!). Собор открыл дверь язычникам в Общину.

Итак, в недрах Церкви составилось обвинение против еврейского народа. Звучит оно ужасающе, но при внимательном взгляде оказывается чрезвычайно поверхностным и лишённым логики. Ведь обвинители оставили без внимания все особенности общественной и государственной жизни евреев: наличие религиозных партий и течений, антагонизм между простым народом и кучкой сильных мира сего, которые вершили его судьбу. Иными словами, не замечено всё то, что составляет жизнь всякого национального организма, в котором постоянно происходит борьба сил добра и зла. И когда побеждает зло, символом этой победы становится казнь тех или того, кто возвещал правду и истину. Так было во все времена и у всех народов. Однако никому не приходило в голову обвинять, например, греков в убийстве Сократа, которое совершилось по открытому приговору суда, или русский народ в травле многих не худших из его сыновей, имевшую видимость всенародного одобрения: газетные статьи с высказываниями рабочих и колхозников, многочисленные общественные собрания, открыто провозглашавшие смерть врагам народа и т.п.

Христос стал жертвой религиозной и политической борьбы внутри Израильского общества. Участниками этой борьбы были боявшиеся потерять свою власть первосвященники и римский наместник, не менее их боявшийся своего кесаря; законоучители, не желавшие потерять своё влияние на народ, и боявшиеся лишиться своего богатства сборщики податей, ростовщики и торговцы в Храме; видим здесь также кровожадную столичную чернь и толпу, ищущую зрелищ. Но от нашего взора не сокрыто и множество жаждущих правды

и ищущих истину, шедших к Иоанну на Иордан, выходивших навстречу Христу, сопровождавших Его даже в пустыню. Эти люди были повсюду: от царского дворца до хижины бедняка и нищего, просящего милостыню у дороги. Были они и среди служителей Храма и в Синедрионе, в собраниях фарисеев и учёных законников.

Если бы Бог предопределил Христу быть религиозным и военно-политическим вождём народа, подобно царю Давиду, то Иоанн Предтеча не должен был бы крестить Иисуса в Иордане при нескольких свидетелях, но при стечении множества народа совершить над Ним миропомазание, объявив Христа новым царём-освободителем. Если бы Христос сам захотел бы стать таковым, подобно Магомету, то Он должен был бы собрать вокруг себя армию своих последователей, двинуться на Иерусалим и навязать себя народу силой. Он не сделал ни того, ни другого, но повёл Себя так, что никто, даже ближайшие ученики, не смогли проникнуть в тайну Его посланничества, и при Его земной жизни так и не уразумели, кем же Он был (никто не знает Сына, только Отец...). Но и по воскресении нелегко им было это понять, и Его сразу не узнавали. Из всего выше сказанного заключаю: обвинение еврейского народа, как современных Христу иудеев, так и последующих – в богоотступничестве, вменение им в вину казни Христа, есть некая идеологема. Несмотря на ясные слова апостола Петра: *«Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению»* (Деян 3:17), эта идеологема включает в себя и утверждение в том, что власти знали, кем на самом деле является Иисус, потому что Он многократно свидетельствовал о Своем божественном достоинстве, иными словами «начальники» поняли и сокрыли истину от народа, который не

мог её уразуметь несмотря на то, что Христос многократно давал им понять, что Он есть лицо божественного достоинства. Таким образом, идеологема сводится к утверждению: еврейский народ, виновный в казни Христа, совершил сознательное богоубийство и потому потерял избранничество, навсегда отвергнут. Его место теперь занимают принявшие христианство граждане Римской империи, трансформировавшейся в Византию, в которой избранничество, понимаемое более узко, стало принадлежностью эллинов, т.е. греков. Одним из ярких пропагандистов этой идеологии был Иоанн Златоуст (Хризостом). Вот несколько цитат из его «Беседы о расслабленном». Между прочим, Златоуст говорит: *«Эта беседа будет полезна и против иудеев и против многих из еретиков»*. Вопрос, почему надо говорить что-то «против», а не «за», неуместно задавать полемисту ещё и потому, что дальше он же сам себя опровергает, утверждая: «где благодать Духа, любовь, радость, мир, там нет борьбы и противоположности». Тут невольно вспоминается Исаак Сирин, с его молитвой за всех: иудеев, язычников и даже демонов. Итак, что же полезного против иудеев высказал знаменитый вития?

«Завистливые и человеконенавистные иудеи обыкновенно ненавидели благодеяния, получаемые ближними, и подвергали подозрению чудеса Христовы, то говоря, что Он исцеляет в субботу...» и т.п.

«Как там Он исцелил в субботу, желая отклонить слушателей *от иудейского её соблюдения* и в самих обвинениях найти повод доказать своё равенство с Родителем, так точно и здесь предвидя, что имели сказать иудеи, Он произнёс эти слова, чтобы в них найти основание и повод доказать своё равенство с Родителем».

«Что же *завистливые и злые* иудеи, мучившиеся от чужих благ и во всём искавшие повода к порицанию? Что сей, говорят они, хулит? Никто не может оставлять грехи, токмо один Бог».

«Он опровергает их собственными их словами. Вы, говорит, исповедали, что одному только Богу свойственно отпускать грехи, следовательно, равенство моё с Богом Отцем несомненно».

«Поэтому, если кто-нибудь другой окажется делающим то же самое, *то и он – Бог*, и Бог такой же, как и Тот».

«Он не просто восставил расслабленного, но сказав: да увесте (т.е. познаете) яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи. Так *Он желал и старался доказать* особенно то, что Он имеет одинаковую власть с Отцем».

Можно было бы представить ещё немало примеров подобной идеологии, но и из приведённых видно, что от современных Христу иудеев Златоуст требует такого же понимания Его личности и природы, которое Церковь из язычников выработала к IV веку, в котором жил он сам. В то время как современный Иисусу иудей, если бы ему представили интерпретацию Златоустом образа действий Христа, наверняка сказал бы, что Христос представляет Себя неким новым Богом среди народа, который издревле поклоняется единому истинному Богу, своё равенство с которым Христос утверждает. На самом же деле, когда на вопрос Иисуса – за кого почитают люди Сына Человеческого, Пётр отвечает: «Ты Христос, Сын Бога Живого». Иисус ублажает Симона и говорит, что открыл ему это Его Отец, Который на небесах, в то время, как по логике идеологов, подобных Златоусту, Он должен был бы сказать: Мы, Св. Троица,

открыли тебе это. Христос никогда не навязывал откровения или умозрительного учения о Св. Троице, но искал проникновения в эту тайну Божества, становящуюся предметом живой веры в процессе такого проникновения.

Итак, еврейский народ объявляется окончательно отвергнутым потому, что он не только не прославил Христа как Бога, но посчитал его лжепророком, обвиненным в богохульстве. Несомненно, требовать от иудеев, участвовавших в известных событиях первой половины первого века н.э., чтобы они понимали происходящее, как оно увиделось бывшим язычникам три столетия спустя, и действовать согласно такому видению, — большая несообразность, оставшаяся незамеченной или, ещё хуже, использованная как полемический приём в создаваемой антииудейской идеологии. Такой приём использовали также св. Афанасий Великий, бл. Феодорит и другие толкователи Псалтири. (Пример — «Толковая Псалтирь», изд.: Сретенский монастырь).

В толковании на псалом 17 находим следующие слова: «Псалом написан Давидом, как благодарственная песнь по усмирении многочисленных внешних врагов. Св. ап. Павел приводит слова этого псалма, как пророчество о призвании язычников, а потому отцы и учителя Церкви видят в этом псалме, кроме благодарения за победу, пророчество о призвании язычников (Рим 15:9) и *об отвержении иудеев*. Св. Афанасий, бл. Феодорит, Иероним видят в победе Давида над врагами победу Спасителя и Его Церкви над иудеями и язычниками».

Эта цитата из «Следованной Псалтири» являет собой откровенный образец антииудейской идеологии. Когда говорится о призвании язычников, приводится цитата из Апостола, утверждение об отвержении иудеев

ни в каких ссылках на Св. Писание не нуждается, достаточно указать на неких отцов и учителей Церкви. Конкретные имена появляются тогда, когда следует нелепейшее утверждение о том, что победа иудеев под предводительством Давида над врагами Сиона есть на деле победа над самими иудеями Спасителя и Его Церкви. Разве что иудейский Мессия, основавший Церковь на иудеях-апостолах, победил иудеев тем, что приобрёл их Себе. Но такое толкование имеет положительный смысл, в то время как само утверждение подразумевает победу в отрицательном для иудеев значении.

Обличение в неправоте прославленных церковных деятелей ни в коем случае не является их уничижением, но опирается на церковную традицию, восходящую к апостолу Павлу, который Истину ставил не только выше всяческих церковных авторитетов, но и самих бесплотных сил небесных. Это видно из эпизода, когда он противостоял самому Первоверховному апостолу Петру из-за обычаев иудейских (Гал 2:11-13), и из его слов: «Но если бы даже мы или ангел с неба благовествовали вам вопреки тому, что мы благовествовали вам, — да будет анафема» (Гал 1:8). Потому что Апостол придерживался того принципа или критерия, который он ставил выше, чем все возможные подвиги и дары церковные (1 Кор гл. 13). Что выше ангельского языка, пророчества, знания тайн веры чудотворения, мученичества? Только любовь. Вчерашним язычникам, по милости Божией принятым в общество Израиля, дабы и они прославляли Всевышнего, не хватило любви к отпавшим иудеям, отпадение которых было временным явлением, необходимым для пользы тех же язычников, как об этом свидетельствует ап. Павел в послании к Римлянам (гл. 11). Не хватило такой любви,

о которой сказано: «Любовь долготерпит, милосердствует, не ревнует, не кичится, не надмевается... *не ведёт счёта злу*; не радуется неправде, но сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит». Любовь приемлет разные типы сознания, разные менталитеты, примиряет и уравнивает их.

Теперь об идеологии

Она понадобилась в эпоху вхождения в Церковь языческого населения Римской империи, официально признавшей христианство, которое заняло место государственной религии. Этим формально новокрещённым, без надлежащего внутреннего переворота в евангельском духе, необходимо было дать краткое содержание Новозаветного Откровения, приблизив его к их пониманию, и обосновать перемену веры в государственном масштабе. Тогда-то и оформили простую доктрину следующего содержания: Провозглашается Верховный Бог, очевидно и несомненно засвидетельствовавший о Себе в Св. Писании Нового Завета, что Он – Един в трёх Лицах, истина, которую уразумели евреи от начала служения Христа, но которую они отвергли, как нечестивцы и беззаконники (аргументы, понятные язычникам), а потому и сами отвержены. Избранничество перешло к нам – ромеям. Мы теперь избранный народ, Новый Израиль, и должны все прославлять Бога. Те же, кто этому противится, приравниваются к отверженным Богом иудеям, власть смирит таковых мерами государственного принуждения.

Эта идеология распространялась в Церкви и через Церковь, что было естественно и легко во время общественных богослужений в эпоху отсутствия любых

средств массовой информации. Постепенно церковная письменность и гимнография стали наполняться произведениями, грубо и наглядно иллюстрирующими эту доктрину. За примерами далеко ходить не надо, достаточно просмотреть воскресные стихиры.

Стихиры на Хвалитех гл. 1 (перед Славой)

«Любомятежный роде еврейский внушите, где суть иже к Пилату пришедшии: да рекут стрегущии войны: где суть печати гробныя; где преложен бысть погребенный; где продан бысть непроданный; како украденно бысть сокровище; что оклеветасте Спасово восстание пребеззаконные иудеи; воскресе иже в мертвых свободь, и подоёт мирови велию милость».

Из стихиры 3-го гласа.

«Евреи затвориша во гробе живот, разбойник же отверзе языком наслаждение».

Из стихиры 4-го гласа.

«Где есть Иисус, егоже вменисте стрещи, рцыте иудеи, где есть егоже положисте во гробе, камень запечатлевшие дадите мертва иже живота отвергшиися, дадите погребенного или веруйте воскресшему»...

Всё это произносится в настоящем времени, словно обращаются к современным иудеям, которые конечно не могут ни тела отдать, ни сказать, где оно погребено, могут только быть за это побиты.

Когда в церкви мы слышим обращение к людям, которых там нет и быть не может (как, напр., оглашенных), то воспринимаем это, как риторический приём, применяемый для того, чтобы возбудить у слушателей определённые чувства, в данном случае, чувство гордости от сознания обладания истиной, пребывающей с нами в лице Христа, и, одновременно, чувство вражды к тем,

кто так глупо и жестоко Его отверг. Этот дух, наполнявший сердца прихожан, присутствовавших за богослужением, вызывал у них стойкую неприязнь к иудеям, а за стенами храма такие чувства нередко провоцировали еврейские погромы, и до сих пор подобное может являться их источником. Справедливости ради надо сказать, что ни один из знаменитых церковных гимнографов не причастен к созданию этих «шедевров», они подписаны авторами, имена которых в Церкви неизвестны. Но надо сказать и другое: Католическая Церковь после II Ватиканского собора изъяла эти опусы из употребления, не боясь, что это может послужить соблазном для тех христиан, в глазах которых Октоих и Минея имеют авторитет, равный Евангелию.

О том, что эта идеология отпугнёт от Церкви желающих обратиться ко Христу иудеев, говорить не приходится, потому, что такой и была одна из основных целей подобной пропаганды. Раз иудеи навсегда отвержены, то и делать им в Церкви нечего, так до сих пор считают в связанных с Церковью антисемитских кругах.

Но никакая идеология, пусть и на духовной почве, не стоит на месте, она развивается в сторону своего логического конца, и тогда открывается истина, на время этой идеологией затемнённая, что и случилось в последующей истории. Попытка скрепить веру догматами (в данном случае об отвержении иудеев и народе-Богубийце) поставила догмат на несвойственное ему, в принципе, место мерила веры, а в дальнейшем и её содержания. С появлением новых догматов эта тенденция только усилилась и привела к тому, что они подменили собой сущность веры. Верные сами по себе, догматы вместо упрочения единства стали предметом разделе-

ния на «избранных» и «отвергнутых» уже внутри самой Церкви. Выйдя из круга специалистов-богословов, способных в них разобраться, и заняв несвойственное им место судей истинности веры целых поместных церквей, масс простого народа, руководствующегося в своей вере не достижениями умозрительного богословия, а живыми чувствами любви и почитания святости, они разделили клир Церкви на враждующие богословские партии, в то время как, по замыслу Основателя христианства, клир должен был учить народ жизни по Его заповедям, приводящей к деятельной любви и единству.

Итак, с одной стороны утверждается общеобязательность догмата, как некой священной формулы, от точной формулировки которой зависит членство в Церкви. С другой – к этому же обязывает принадлежность к новоизбранному народу, подкрепляемая гражданскими правами в империи. Идея «избранного народа», попав на новую национальную почву, переносит на неё и все атрибуты Церкви, при этом истина распространяется на всё народное благочестие, получающее значение некоего абсолюта и образца для подражания или копирования. Так укоренился церковный национализм, новый идол, в жертву которому приносится вселенское единство Церкви и вся апостольская традиция. Он же привёл к разрыву восточной Церкви с центром вселенского единства, престолом св. Петра в Риме, так что теперь на Востоке существуют только национальные церкви, с присущим им национализмом: греческим, русским, сербским и т. д. Задача Церкви в настоящее время – очистить христианское учение от националистической, юдофобской идеологии, исказившей его первоначальный смысл, засорившей источник апостольского духа в Церкви, приведшей к Великому расколу. Мы должны

расчистить дорогу к единой Церкви, в которой действительно нет уже эллинов и иудеев, т.е. к такой Общине, где восточные и западные христиане, православные, католики, протестанты, армяне, копты, сирийцы, эфиопы и все, кто пожелает, смогут объединиться на основе общей веры в Единого в Троице Бога, в Мессию-Богочеловека Иисуса, главу Церкви – Его мистического тела, скрепляемого таинствами и иерархией. Обращение Общины иудеев может быть только в такую единую Церковь, другой они не поверят, а потому и не примут.

БЫТЬ ХРИСТИАНАМИ В ПОСТХРИСТИАНСКУЮ ЭПОХУ

Казалось бы, ясно, о чем речь. Как разноконфессиональным христианам наступившего XXI века сохранить свое христианское призвание в то время, когда их церкви давно перестали или же перестают быть политическими институтами, иначе говоря, перестали или перестают определять общественную мораль соответствующих стран¹. Но к этой теме мы обратимся в той части настоящего эссе, где коснемся проблемы постхристианства. Его начало в рамках европейской цивилизации обозначилось с наступлением Нового времени. Тогда как прогресс последнего продолжается, а теперь и ускоряется, причем не только в сфере научной (познание мира), но и в социальной. Но в любом случае начать свой рассказ мне следует с обзора того, кто такие христиане от начала появления данного обозначения людей, последовавших за Христом.

I

Мессианское самосознание Иисуса из Назарета находится, прежде всего, в традиции Второ-Исайи (Ис 40-55, сер. VI в. до н.э.), в которой Мессия/Царь Израиля мыс-

¹ Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) еще не протоиерей, а приват-доцент Киевского политехникума по кафедре политической экономии, исходя из греческого понятия *политики* как дела, касающегося многих, определил ее как *общественную мораль*. – См.: Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). СПб, 1903. С. 298 («О социальном идеале»).

лится как «свет для всех народов» (Ис 42:6), тогда как принесенное им спасение, достигает «до края земли» (Ис 49:6). Отсюда становится ясным, что миссия к народам входила в план Иисуса как задание его непосредственным ученикам. Проблема при этом, как следует из Деян 11:19-30, состояла лишь в том, чтобы было потребное число миссионеров, свободно говорящих по-гречески. Таковыми вначале и стали евреи – уроженцы Кипра и Кирены, вошедшие ранее в Первоцерковь в Иерусалиме, а затем, *«рассеявшись от гонения, произошедшего из-за Стефана»*, ставшие возвещать Господа Иисуса в Антиохии жившим там грекам и грекоязычным сирийцам (Деян 11:19-20)². Последнее имело место ок. 34 г. н.э. Когда же слух о первых успехах этой миссии дошел до Иерусалима, то Первоцерковь, прежде всего, в лице Двенадцати, направила в Антиохию, как своего посланца, Варнаву, который привлек к участию в миссионерском делании Савла, ставшего затем известным под своим римским именем Павел, приведя его из Тарса (Деян 11:21-26а). Далее евангелист и дееписатель Лука приводит важное историческое свидетельство: *«И было так, что в течение целого года они собирались с церковью и учили множество народа, и впервые в Антиохии ученики получили имя христиан»* (Деян 11:26b).

Здесь следует обратить внимание на два момента.

Первый. Кто ученикам (так именовали себя последователи Господа Иисуса как евреи, так и обратившиеся язычники) дал имя *христиан*? Большинство ученых склоняется к тому, что так стали называть, причем

² Здесь и далее новозаветные цитаты приводятся по изданию: *Новый Завет...* Перевод с греческого подлинника под редакцией епископа Кассиана (Безобразова). М.: Российское Библейское Общество, 2001.

– именно языкохристиан³ в окружавшей их греко-римской среде, включая сюда и официальные власти. Более того, в этом названии усматривают презрение к еврейскому Мессии/Христу и к его греческим и римским последователям (см. яркий пример этого в Деян 26:28). Меньшинство же исследователей полагает, что это название родилось внутри Антиохийской церкви, получив затем распространение далеко за ее пределами, как среди последователей Господа Иисуса, так и куда чаще среди враждебных им язычников⁴. Лично я склоняюсь к второй точке зрения, имея в виду следующее. Действительно, звание **христианин**, по-гречески *Χριστιανός* (именно так с прописной буквы, как у греков было принято обозначать принадлежность к тому или иному народу или заметной социальной группе) зародилось в среде антиохийских языкохристиан, но не иначе как с целью внешнего представительства. Проще говоря, когда их соседи, видя изменение их образа жизни, да еще в связи с их проповедью *Пути* (как называлось учение и практика последователей Господа Иисуса, см: Деян 9:2), задавали им вопрос: «Кто вы теперь?», то получали ответ: «Христиане», объясняя при этом, что отныне они принадлежат к людям Христа.

Другое дело, что во внутрицерковной жизни это обозначение использовалось редко. В посланиях Павла оно

³ В исторической науке, начиная с XVIII в. используется два термина: **иудеохристиане** для евреев – последователей Господа Иисуса, прежде всего составивших Первоцерковь в Иерусалиме после Пятидесятницы 30 г. н.э., и **языкохристиане** для приверженцев Христа из других народов, начиная от обращенных язычников в Антиохии.

⁴ Об этом см.: *Левинская И. А.* Деяния Апостолов. Главы 9–28. Историко-филологический комментарий. СПб: Нестор-История, 2008. С. 153–155.

не встречается ни разу. Адресуясь к основанным им языкохристианским церквам, он использует привычное ему синагогальное обращение: *Братья!* Тогда как для обозначения членов Церкви Христа он пользуется библейским наименованием евреев как народа Божьего – *святые*.

Теперь обратим внимание на второй момент из рассматриваемого повествования дееписателя. Итак, в Антиохию направляется *Варнава*. Почему выбор Двенадцати и остальных последователей Господа Иисуса в Иерусалиме пал именно на него, – имея в виду открывшуюся возможность возвещать Мессию Израиля язычникам, – понятно. С одной стороны, как киприот, он прекрасно говорил по-гречески. И, вместе с тем, он более других преуспел «в учении апостолов и в общении» (Деян 2:42), явив пример щедрости в помощи нуждающимся (Деян 4:36-37), чему теперь ему предстояло прежде всего научить вчерашних язычников.

Успех ему сопутствовал. Показателем этого стал отклик антиохийских языкохристиан на призыв прибывших из Иерусалима пророков (как именовались харизматические служители начальных церквей) помочь братьям в Иудее в связи с предстоящим продовольственным кризисом (подобные явления в восточных провинциях Римской империи были тогда нередким явлением). Антиохийские братья послали туда денежное вспомоществование через Варнаву и Савла, собрав его, исходя из достатка каждого (Деян 11:27-30).

Но обратим внимание еще на одну важную историческую деталь в повествовании Луки в Деян 11:26b, имея в виду миссионерские труды Варнавы и Савла в Антиохии в период 35–36 гг., а именно на то, что «в течение целого года они собирались с церковью и учи-

ли множество народа». Греческая конструкция *ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ* (буквально: *в церкви*) в данном случае не столько локальная, сколько инструментальная, указывающая на способ сбора – *церковью* или, иначе говоря, *общиной*, которую составляли учителя и их теперь уже относительно многочисленные ученики. Указание на *целый год* весьма показательно. Понятно, что они не занимались в течение года изучением какой-либо конфессиональной теологии, требующей со Средних веков куда большего срока. Учение же Господа Иисуса в своем начальном, оригинальном виде было весьма простым и достаточно кратким. Так что учительство в течение «целого года» было связано не столько даже с приходом новых слушателей, как можно представить, причем не только из Антиохии, но и из остальной Сирии, а главным образом с тем, что требовалось время как на практическое усвоение адептами миссионеров образа жизни, заповеданного Христом, так и на выявление болевых проблем, с которыми предстояло столкнуться церквам/общинам из обратившихся ко Христу язычников.

Но сначала коснемся того, что я называю **ipsissima doctrina Jesu** (подлинное учение Иисуса). Понятно, что при перенесении в греческую среду оно включило в себя библейскую веру, в центре которой лежат идеи творения единственным Богом «неба и земли» (Быт 1:1 дал.), человеческого греха в ненависти к ближнему (Быт 4:3-7), призвания Богом Авраама и избрания им в его потомках своего народа (Быт 15:5-6). К этому уже присовокуплялась новозаветная идея искупления человечества от греха смертью Сына Божьего – Мессии/Царя Израиля (ср.: Ис 52:13-53:12), которая вместе с его воскресением из мертвых предстает как откровение Бога,

постигаемое верой, побуждающей верующего покаяться в грехах и изменить свою жизнь на началах любви к ближнему как к самому себе (Лев 19:17-18), ведущей его к вечному спасению на грядущем Божьем суде.

Но далее речь должна была идти о практических шагах в исполнении коренной библейской заповеди о любви к ближнему. Адресуясь к евреям, Иисус ставил здесь акцент на *примирении*, учитывая разделение на различные религиозные партии/секты в современном ему народе Израиля и непримиримую вражду между ними. Отсюда и проповедь любви к врагам, известная нам по Мф 5:43-48/Лк 6:27-36. Тогда как апостольская проповедь, обращенная к язычникам, собранным в Церковь Христа на началах заповеданной Господом Иисусом любви друг ко другу (Ин 13:34-35; 15:12-17), во главу угла ставила *общение*, которое, прежде всего, выражалось в том, что имущие откликались на насущные потребности неимущих.

Но здесь начальные языкохристианские церкви/общины подстерегало испытание, связанное с склонностью иных греков к социальному паразитизму. Когда Иисус, обращаясь к евреям, говорил: «*Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отворачивайся*» (Мф 5:42), он лишь напоминал о требовании исполнения Закона Моисея в отношении милости к тем, кто неспособен трудиться — малолетнему сироте, вдове (Исх 23:11; Втор 14:29), а также к оставшемуся одиноким старому или больному, равно как и к человеку, в силу внешних обстоятельств оказавшемуся в бедственном положении (Исх 22:25-26; Лев 25:35-38; Втор 15:1-11). Тогда как для греков, в результате начального опыта вхождения их в Церковь Христа, пришлось разработать особые правила для их будущей уже собственно христианской

жизни, прежде всего связанные с обнаруженным стремлением иных из них паразитировать на общине.

Соответствующие наставления, связанные с этим, мы найдем в *Учении Господа, данном народам через Двенадцать Апостолов*, более известном в христианской древности под названием *Учение Двенадцати Апостолов*, а в научной и популярной литературе последних 135 лет (с первой печатной публикации в 1883 г.) обозначаемом первым греческим словом в своем названии *Дидахэ (Διδαχή)*. Хотя данное наставление имело достаточное распространение в христианской экумене (среде обитания) в первые четыре века церковной истории, породив литературу в заявленном в нем жанре двух путей – жизни и смерти (ср.: Втор 30:15-20)⁵, оно не было включено в канон Нового Завета⁶, а со временем практически вышло из церковного употребления.

Почему так произошло? Ответ на этот вопрос будет довольно простой. Слишком изменился уже во II в. сам церковный строй в сравнении с тем, как он представлен в *Учении*. Да и христианство, именуемое историческим, в дальнейшем всё более и более отдалялось от христианства начального, представленного в нем. Вот и перестало *Учение* использоваться в Средние века в цер-

⁵ К таковым относятся псевдоэпиграфические *Послание Варнавы* (130-132 гг.), *Дидакалия* (Наставление) *Апостолов* (1-я пол. III в.), *Апостольские постановления* (ок. 380 г.).

⁶ Правда, Афанасий, архиепископ Александрийский, в 362 г. хотя и не включит Дидахэ в свой канон, но вместе с неканоническими ветхозаветными книгами и «Пастырем» Ерма сопричтет к «назначенным отцами для чтения нововступающим (в Церковь) и желающим огласится словом благочестия». – Цит. по: *Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истрийского*. Пер. с серб. Т. 2. СПб, 1912. С. 358, комментарий на с. 361.

ковном учительстве, дабы не смущать умы верующих. Хотя оно в результате и сохранилось, если иметь в виду его греческий оригинал, в одиночном списке середины XI в., благодаря которому с 1883 г. стало возможным его научное изучение.

В свою очередь автор этих строк, изучая внутренние показания Дидахе, пришел к выводу, который на заре XX века уже сделал выдающийся немецкий лютеранский церковный историк *Альфред Зееберг* (1863–1915), заключивший, что в лице данного памятника мы имеем «самый ранний христианский катехизис, который был воспринят от еврейской традиции и усвоен самой ранней церковью»⁷. Здесь следует пояснить, что еврейская традиция восходит к Первоцеркви в Иерусалиме, а воспринята она уже самой ранней поместной церковью в Антиохии. Опять же, в свете исторических свидетельств Деян 11:19-30 (особенно того, о чем сказано в ст. 26) будет наиболее вероятно датировать Дидахе временем ок. 36 года. Тогда как его авторизация Двенадцатью имела место ок. 40 г., когда Варнава и Савл пришли в Иерусалим с пособием от антиохийских братьев на случай резкого подорожания продуктов питания (ст. 30)⁸. В свою очередь Варнава (понятно, использовавший со-

⁷ *Seeberg A.*, *Der Katechismus der Urchristenheit.* – Leipzig, 1903. – S. iii.

⁸ Вся аргументация в пользу такой датировки и того, что Дидахе появляется раньше подлинных посланий Павла (50/51–56/57 гг.), не говоря о другой христианской литературе, появившейся 60-х – 120-х гг. и вошедшей к концу II в. и позднее в канон Нового Завета, представлена мной в книге: *Павлов И.* Как жили и во что верили первые христиане. Учение Двенадцати Апостолов. М.: Эксмо, 2017, 2018. С. 134–450 (глава IV: Время, место, обстоятельства появления и авторство Учения. Показания его аутентичности).

действие Савла/Павла) представляется мне наиболее вероятным составителем этого христианского *первопмятника*, как я его определяю⁹.

Теперь, наконец, рассмотрим наставление, которое, очевидно, Варнава и Савл давали первым языкохристианам в Антиохии в связи с известной заповедью Господа Иисуса о милосердии к ближнему: «Каждому просящему у тебя давай¹⁰ и не требуй возвращения назад¹¹: потому что Отец желает, что бы всем подавалось от Его собственных даров¹². Блаженен дающий согласно заповеди: потому что он неповинен¹³. Горе же берущему: потому что если кто берет, имея в том нужду, то будет неповинен; не имеющий же нужды даст отчет, почему и на что он взял; и, оказавшись в заключении, он будет допрошен о том, что сделал со взятым, и не выйдет оттуда до тех пор, пока не отдаст последнего кодранта¹⁴. Впрочем, об этом также сказано: «Да

⁹ Один из аргументов в пользу авторства Варнавы я усматриваю в содержательном совпадении центральной части Дидахе – *Учении о двух путях* (главы 1–5) с заключительной частью (главы 18–21) псевдоэпиграфического Послания Варнавы (ок. 130–132 г.), также связанного с Сиро-Палестинским регионом, где, вероятно, долго сохранялась память о нем как о писателе *Учения Двенадцати Апостолов*.

¹⁰ Мф 5:42. В тексте Мф нет слова **каждому**.

¹¹ Лк 6:30.

¹² Ср.: Мф 5:45.

¹³ Деян 20:35. *Библейская традиция*: Втор 15:7-11.

¹⁴ Приведенный образ наказания см.: Мф 5:25-26; Лк 12:58-59. Здесь же имеется в виду последний суд Бога. Кодрант – мелкая римская медная монета, составлявшая четверть асса-рия. В свою очередь 16 ассариев составляли 1 денарий – серебряную монету, являвшуюся ежедневной платой римским воинам и поденной платой наемным работникам.

запотеет твоя милостыня у тебя в руках, прежде чем ты узнаешь кому подаешь»¹⁵) (Дидахе 1:5-6).

Как уже было сказано, во главу угла жизни новообращуемых языкохристианских церквей апостольскими миссионерами ставилось **общение**. Отсюда идейный центр их проповеди выглядел так: «Не отворачивайся от нуждающегося»¹⁶, но во всем имей общение со своим братом, и не говори о чем-либо, что это твоя собственность¹⁷: потому что если вы имеете общение в бессмертном, то не тем более ли в смертных вещах¹⁸?» (Дидахе 4.8). Отсюда осознание себя церковью/общиною

¹⁵ Ни в библейской традиции, ни в известных высказываниях Господа Иисуса такого наставления нет. Очевидно, оно было санкционировано Двенадцатью Апостолами в связи с тем, что нравы греко-римского общества, допускавшие паразитическое существование одних его членов за счет других (ср.: 1 Фес 4:9-12), были несовместимы с библейским этосом, когда в качестве **всякого просящего** могли выступать либо вдова, малолетний сирота и убогий (инвалид), либо человек, по независящим от него обстоятельствам, оказавшийся в тяжелом материальном положении.

¹⁶ Мф 5:42; Рим 12:13; Иак 2:15-16. *Библейская традиция*: Притч 3:27; Сир 4:5.

¹⁷ Общение во всем – вот цель и смысл угодной Богу жизни, согласно учению Господа Иисуса. Это означает не только общность веры и надежды на вечную жизнь, но, прежде всего, общность в преходящем, когда имущие восполняют нужду неимущих, что и служит выражением любви, единственно наследующей бессмертие. См.: 1 Кор 13:8,13.

¹⁸ **Общение в бессмертном** – данное выражение указывает на **Евхаристию** (ср.: Ин 6:51). Уже во втором десятилетии II в. Игнатий Антиохийский назовет ее «*врачевством (лекарством) бессмертия*» (Ефесянам, XX.2). О полноте общения в Новом Завете говорится: 1 Ин 1:3-7; 2:5-6; 3:16-18. См. также: Рим 15:27; 1 Кор 1:9.

единым телом Христа проистекало из органической общности ее членов, проявляемой в заботе друг о друге. Почему единственным поводом отлучения от церкви, решение о чем принимала вся община, на первых порах был исключительно разлад в отношениях кого-то из ее членов со своим собратом, о чем в связи с еucharистическим собранием в день Господень сказано так: *«Каждый же, находящийся в разладе со своим другом, да не присоединяется к вам до тех пор, пока они не примирятся»*¹⁹, чтобы вашей жертве не быть оскверненной»²⁰ (Дидахе 14.2).

Теперь обратимся к первому в истории использованию термина **христианин**. В Дидахе он появляется в следующем контексте: «Если же он (пришедший в общину и назвавшийся христианином – *И. П.*) хочет у вас жить, то, будучи ремесленником, да трудится и ест»²¹. А если у него нет ремесла, то вы по своему усмотрению позаботьтесь, чтобы христианин²² не жил среди вас праздным. А если он не хочет поступать таким образом, то он – христопродавец²³: остерегайтесь таковых» (Дидахе 12.3-5). Обычно, прочтя этот пассаж, исследователи обращают внимание на его отрицательную составляющую: необходимо остерегаться тех, кто ведет себя как христопродавец. Это верно. Но также верно и позитивное требование данного наставления, чтобы

¹⁹ Мф 5:23-24.

²⁰ См.: Мк 7:15-23; Мф 15:10-20.

²¹ 1 Фес 4:9-12. Ср.: 2 Фес 3:6-12.

²² В Новом Завете это название члена Церкви встречается только в Деян 11:26; 26:28; 1 Петр 6:16.

²³ Слово **христопродавец**, получившее распространение в III–IV вв., в начальной и ранней христианской литературе встречается только здесь.

христиане обеспечивали своих собратьев возможностью трудиться как ради пропитания своих семей и обеспечения их всем необходимым, так и ради посильных пожертвований для поддержания лиц, посвятивших себя каждодневному служению церкви/общине, и на дела милосердия в ней.

Как видим, в Дидахе представлены нормы жизни начальной христианской церкви/общины в том или ином месте, основывающиеся на подлинном учении Иисуса и выработанные в процессе начальной миссионерской проповеди среди язычников в Антиохии и прочей Сирии²⁴.

К ним спустя 15 лет и более обратится Павел, обнаружив кризисные явления в жизни основанных им церквей в Македонии и Ахайе. Так, в Фессалоникской церкви ок. 50 г. он столкнется с таким явлением, как содержание богатыми братьями тех, кто вполне был способен трудиться самостоятельно. Отсюда следует такое его увещание к последним относительно того, что им следует: «делать свое собственное дело и работать руками своими, как мы вам предписали, чтобы [...] ни в чем не нуждаться» (1 Фес 4:11-12). Тогда как в Коринфе он столкнется с явлением имущественного

²⁴ В пользу сирийского происхождения Дидахе также свидетельствует такой пассаж из содержащейся там евхаристической молитвы: *«Как этот разламываемый хлеб / был рассеян по горам / и, будучи собранным, стал одним, / так да будет собрана от концов земли в Твое Царство (наш Отец) и Твоя Церковь: / потому что через Иисуса Христа / Твоя во веки есть слава и сила»* (9.4). Именно в Сирии ввиду ее рельефа земледелие имело место на отрогах гор, тогда как в Палестине хлеб засевался в долинах, а в Египте в равнинной местности по берегам Нила, разливы которого приводили к продовольственным кризисам.

расслоения при церковном собрании на Вечерю Господню (Ужин Господа), как он называет Евхаристию, впрочем, не прибегая к этому термину. Это вызывает его категорическое неприятие и порицание коринфским христианам (1 Кор 11:17-22).

Но в любом случае, именно в Дидахе и подлинных посланиях Павла²⁵ мы имеем исторические свидетельства о начальном, или, как я его называю, **оригинальном христианстве**, имея в виду его каждодневную практику и начальные упования.

II

А теперь посмотрим на те событийные границы, которые отделяет оригинальное христианство от зародившегося уже во втором христианском поколении среди христиан-греков последующего **исторического христианства**. Впрочем, и в среде христиан-евреев тогда также произошли перемены, несколько отдалившие их от того Пути, который указал им Иисус.

На время смены поколений в иудео- и языкохристианских церквях придутся два потрясения, ставших для Церкви Христа рубежными. **Первое**, это жестокое гонение, которое неожиданно обрушилось на христиан Рима в 64–66 гг. и привело к их многочисленным жертвам, среди которых оказались бывшие там тогда апостолы Петр и Павел. Поводом к этому послужило

²⁵ К таковым учений консенсус еще с середины XIX в. на основании историко-филологических и теологических исследований относит: *1 Фес* (50/51 г.), *Флм* (между 53 и 55 г.), *Гал* (ок. 54 г.), *1 Кор* (54 г.), *Флп* (54/55 г.), *2 Кор* (55/56), *Рим* (ок. 56 г.).

решение императора Нерона (правил в 54–68 гг.) возложить на христиан полностью выдуманное обвинение в поджоге города в ночь с 18 на 19 июля 64 г., когда за 10 дней выгорело 10 его частей из 14-ти. Поскольку народная молва считала виновником этого грандиозного пожара самого Нерона, решившего так расчистить место для новых построек, то его выбор для обвинения в этом неслыханном преступлении пал на наиболее одиозный в глазах римлян слой общества. Почему христиане рассматривались в качестве такового? Не только потому, что они, изменив свой образ жизни, отказались от участия в народно-религиозных празднованиях, нередко оканчивавшихся оргиями. Но в большей степени потому, что они, хотя «не в гневе, а в мире» (Дидахе 15.3), обличали многовековую практику детоубийств, каковая служила в греко-римской древности «планированию семьи» (намек на это содержится в Еф 5:11-14). При всем безумии затеи Нерона в отношении христиан, она стала тем прецедентом, который положил начало их будущим преследованиям, следующее из которых развернулось в 80-е гг. уже во всей Римской империи в правление Домициана (81–96 гг.). **Вторым** потрясением стало Антиримское восстание в Земле Израиля (Иудейская война) 66–70 гг., закончившееся разгромом Иерусалима, гибелью Храма, а еще ранее – уничтожением Первоцеркви в дни террора зелотов во время римской осады города. В свою очередь, бегство братьев из Иудеи «в горы» (намек на что усматривают в Мк 13:14), имея в виду в Галилею, выявило острый кризис в иудеохристианстве, когда галилейские собратья, сами опасавшиеся голода, не приняли участия в их судьбе. Данное обстоятельство породило движение эбионитов, провозгласившее нормой радикальную

коммунизацию (обобществление) имуществ своих сторонников и их нищету как образ жизни²⁶.

Отмеченные потрясения и порожденные ими тенденции в 80-е – 90-е гг. найдут отражение в составлявших тогда синоптических Евангелиях. В них начальные предания об Иисусе и его подлинное учение окажутся в окружении множества материалов, нашедших «место в жизни» как в связи с эбионитскими симпатиями их составителей (эбионитских беженцев тогда можно было встретить в Сирии и в Малой Азии), так и в связи с религиозными потребностями язычников, присо-

²⁶ Эбионизм, от евр. *'ēb/yōn* = *нищий* – движение в иудеохристианстве, зародившееся в Земле Израиля в связи с катастрофой 70 г. и засвидетельствованное языкохристианскими авторами II–IV вв., начиная с Иринея (ок. 180 г.). В его основе лежал полный отказ от личной собственности в пользу общинной, и, как следствие этого, нищета как образ жизни эбионитов. Увлечение их идеями прежде всего сказывается в *Евангелии согласно Луке*. Хотя оно, вообще, характерно для синоптической традиции, начиная с известной нам формы *Евангелия согласно Марку*. Наиболее ярко это видно по эпизоду с богатым юношей (Мк 10:17-31; Мф 19:16-30; Лк 18:18-30), где мы встречаем переработанный эбионитский сюжет, встречающийся в *Евангелии евреев* и ставший известным по цитате у *Оригена* (Комментарии на Матфея, XV.14). В свою очередь только в *Евангелии согласно Луке* эбионитские тенденции просматриваются в *Проповеди на равнине* (блаженства и горести в 6:20-26), и в притчах «*О милосердном самарянине*» (10:25-37), в «*О настойчивом просителе*» (11:5-8), «*О безумном богаче*» (12:16-21) и в пассаже сопровождающей ее речи Иисуса (12:33), а также в притчах «*О неверном управителе*» (16:1-9), «*О богаче и Лазаре*» (16:19-31), «*О судье неправедном*» (18:1-8), «*О мытаре и фарисее*» (18:9-14), и в эпизоде с *Захеем* (19:1-9). В Деяниях Апостолов это проявляется во внеисторическом описании жизни Первощеркви (2:42-47; 4:32-35; 5:1-11).

единявшихся в это время к церквям, главным образом, в Малой Азии и Греции, где их ранее насадил Павел. В последнем случае это видно по тому, что Христос уже предстает в Евангелиях очерченным по привычным греко-римским лекалам «божественного мужа» – чудотворцем, к которому можно обратиться с молитвой об исцелении, чего не предполагала начальная христианская практика²⁷. Наряду с этим насаждается фанатизм в связи со ставшим нередким отходом от Церкви – в начавшуюся эпоху гонений – вошедших было в нее греков. Отсюда в уста Иисуса вкладывается призыв к ее новым членам, чтобы они «отреклись от самих себя», и, не иначе как «взяв свой крест», последовали за Христом (Мк 8:34-35; Мф 10:38-39; Лк 14:27). Начинает поощряться разрушение семейных устоев (см.: Мф 10:34-37/Лк 12:51-53; 14:26-27), оказавшихся неизбежными на фоне ставшего нестабильным положения языкохристиан в Римской империи. Всё это вступает в непримиримое противоречие с аутентичными словами Иисуса о нерушимости супружеских уз (Мк 10:2-12/Мф 19:3-9, ср.: 1 Кор 7:10) и библейского требования верности сыновнему долгу перед родителями (Исх 20:12; Втор 5:16, ср.: Мф 15:3-9). Однако второе поколение евангелистов и прочих языкохристианских проповедников это нисколько не смущало.

²⁷ В Дидахе на сей счет прямо сказано: «Выпадающие на твою долю обстоятельства принимай как благо, помня, что без Бога ничего не происходит» (3.10).

III

В свою очередь выход на историческую сцену третьего и следующего христианских поколений уже коренным образом изменил судьбу христианства на рубеже столетий и в первые десятилетия II века. Речь идет о **конфликте языко- и иудеохристиан**, завершившимся частичным поглощением первыми вторых в местах еврейского рассеяния на просторах Римской империи и полного разрыва вторых с первыми в Земле Израиля и Сирии.

Со второй половины 60-х гг. имело место отдаление языкохристиан от израильских собратьев, вызванное военными действиями и мученической смертью Павла, когда прекратилась инициированная им их помощь матери-церкви в Иерусалиме. С другой стороны, иудеохристианские иммигранты в Малой Азии (в той же Азии) не всегда встречали братский прием со стороны языкохристиан, очевидно, в связи с возникавшими конфликтами по поводу радикального изменения строя церковной жизни у последних. Думаю, именно в связи с небратским отношением христиан-греков к своим еврейским собратьям, Иоанн, ученик Господа (как он именовался в написанных во II в. произведениях христианских авторов-асийцев), написал следующее обличение, напоминающее о христианстве начальном, и свидетельствующее о кризисе христианства исторического. «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев. Не любящий²⁸ пребывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца, а вы знаете, что никакой человекоубий-

²⁸ Согласно некоторым греческим рукописям: **не любящий брата**.

ца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей. Мы познали любовь в том, что Он (Иисус Христос) положил душу Свою за нас²⁹. И мы должны полагать душу за братьев. А кто имеет достаток в мире и видит брата своего в нужде и затворит от него сердце свое, как пребывает в нем любовь Божия? Дети, будем любить не словом и не языком, но делом и истиной» (1 Ин 3:14-18).

Конфликт же между иудеохристианскими иммигрантами и языкохристианами был связан в первую очередь с тем, что в современной богословской науке называют «ранней кафоличностью», когда на самом деле следует говорить о превращении Церкви Христа в структуру, копирующую имперское устройство. Последнее предполагало выдвижение на первый план в поместных языкохристианских церквях *монархический епископат* в качестве носителей церковной власти на правах «наместников Христа», подобно тому как имперская власть имела наместников в провинциях и других административно-территориальных единицах, и оправдывавших такое нововведение ссылкой на «преемство апостолам». Понятно, что ни такая структура церковного устройства, ни претензии новоявленных «князей Церкви», не могли быть терпимы в среде христиан Израиля, где сохраняли свой учительный авторитет потомки братьев Иисуса и где традиционный синагогальный строй христианских общин был незыблем.

Опять же, иудеохристиан, хранителей начального предания о Иисусе раздражала мифологизация его фигуры в новоявленных Евангелиях, особенно такая чисто греко-римская мифологема, как рассказы о его девст-

²⁹ **Любовь мы узнали в том, что Он за нас положил Свою душу...** — аллюзия к словам Иисуса в Ин 15:13.

венном рождении³⁰. Всё это привело их к разрыву с языкохристианами в местах своего компактного проживания. В Сирии это имело место уже в начале II в., на что мы встретим явные указания у Игнатия Антиохийского (†ок. 114–116)³¹. А позднее это произойдет в Палестине, где образовались языкохристианские поместные церкви, состоявшие из греков, заселенных туда императором Адрианом после подавления в 135 г. еврейского восстания под водительством Бар-Кохбы.

Впрочем, следы как *назареев* (так именовалась в Сиро-Палестинском регионе основная масса иудеохристиан по имени Назарета, города из которого происходил Иисус), так и *эбинитов* теряются уже в V веке. Очевидно, по неизвестным теперь причинам, состоялся их переход в родственную им по арамейскому языку Сирийскую Церковь, в середине того столетия порвавшую с имперской Церковью, называвшейся Кафолической³².

IV

Итак, в первой трети II века христианство уже окончательно преобразуется из прежнего *Пути*, ведущего в жизнь, в *мировую религию*, иерархически структурированную. Ее победа на просторах Римской империи и в сопредельных с нею странах стала лишь делом времени. В 313 г. Миланским эдиктом соправители Константин

³⁰ Об этом уже ок. 180 г. свидетельствует *Иринеи Лионский* (Против ересей, I.26.1-2).

³¹ Особенно ярко это видно в его *Послании к Магнезийцам*, гл. VIII-X.

³² Впервые в христианской литературе в связи с новым церковным устройством это название встречается у *Игнатия Антиохийского* (Послание к Смирнянам, гл. VIII).

и Лициний предоставляют ей права гражданства, тогда как при сыновьях ставшего в 324 г. единодержавным императором Константина (†337) – Константине II (император-соправитель в 337–340 гг.), Констансе (император-соправитель в 337–350 гг.) и Констанции II (император-соправитель в 337–350 гг., единодержавно правил в 350–361 гг.) христианство становится уже государственной религией, нетерпимой к прежним культам и, вообще, к греко-римской культуре.

Касаясь т.н. Константинова периода церковной истории, протянувшегося до XX века, считаю необходимым остановиться на одном моменте. Он касается коренной причины победы христианства в Римской империи как *прогрессивного социального феномена*. Хотя, конечно, и учение, и церковный строй, с какими христианство пришло к эпохе своего господства, безусловно, были греко-римскому миру достаточно понятны, а затем уже и вполне приемлемы. Но главное всё же было в другом. А именно в том, что несмотря ни на что, оно сохранило восходящую к Иисусу и его апостолам общинность как свою главную характеристическую черту³³. Это и позволило Кафолической Церкви предстать уже как заметное сообщество, насчитывающее, как принято полагать, до одной десятой населения империи³⁴, но не-

³³ Адольф Гарнак (1853-1930) обращает на это особое внимание в своей знаменитой работе *«Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века»* (пер. с нем. проф. А. А. Спасского. – СПб: Издательство Олега Абышко, 2007) в главах *«Христианство как Евангелие любви и благотворения»* (с. 104-148) и *«Общинный строй ранних христиан и значение его для миссии»* (с. 302–313), в которых предпринимает обзор соответствующих источников.

³⁴ Об этом см.: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Ч. 3. СПб, 1907. С. 16-29.

сравнимо более передовое в сравнении с языческими массами. Не разделенное ни классово, ни национально, ни даже гендерно, имея в виду признание за женщиной высокого человеческого достоинства, оно сохранило верность апостольскому принципу единства во Христе как единства в любви³⁵. Таким образом, в качестве социального института Церковь стала привлекательной ко времени Константина и для народа – как прибежище для оказавшихся в бедственном положении, в том числе, по причине эпидемий, и для власти, как воспитательница лояльных граждан.

В связи с этим, полагаю, следует обратить внимание на весьма показательный факт. Когда император Юлиан II, прозванный в христианской литературе Отступником, попытался в 361–363 гг. возродить в качестве альтернативной христианству религиозной силы греко-римское язычество, он предпринял попытку привить ему церковную социальную практику. Предоставим рассказать об этом знаменитому церковному историку *Василию Васильевичу Болотову* (1853–1900): «Юлиан обратил особое внимание на отношение самих язычников к своей вере и был поражен их нравственной холодностью и отсутствием милосердия. Последнее философы старались оправдать философски. Если Бог, говорили они, обрекает человека на нужды, то бесполезно и помогать такому. На это Юлиан возражал, что совершенно позорно для язычников не оказывать помощи нуждающимся и бедным, когда евреи благотворят своим нищим, а галилеяне (христиане) помогают не

³⁵ Апостол Павел ок. 54 г. н.э. так сказал об этом: «Нет Иудея, ни Еллина, нет раба, ни свободного, нет мужчины, ни женщины; ибо все вы – одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28).

только своим, но и чужим. Он сам решил прийти на помощь бедным язычникам как государь. В Галатию он послал 30 тыс. модиев пшеницы и 60 тыс. секстариев вина; 1/5 часть этого назначил для прислужников при храмах, а остальные 4/5 части – на бедных. Затем он высказал, чтобы и другие располагали язычников к пожертвованием, ибо и во времена Гомера было оказываемо милосердие к странникам, и кто оскорбляет странника, тот оскорбляет Зевса. Таким образом Юлиан думал восстановить язычество на новых началах»³⁶. Но эта попытка не состоялась в связи с гибелью Юлиана в битве с персами.

Однако последующее тоталитарное насаждение христианства в Римской империи несло в себе следующие две главные исторические опасности.

Первая была связана с включением в число христиан множества конформистов, далеких от христианского духа, что уводило церковную жизнь к привычному языческому ритуализму, с одной стороны, ослаблявшему социальную проекцию христианства, а с другой, возводившего на уровень имперской аристократии церковную иерархию, отдалявшуюся от клира и народа. С веками это привело к тому, что по мере формирования буржуазного/гражданского общества на западе Европы, оно всё более отдалялось от «князей Церкви» с их, противоречащей христианской проповеди, политической властью и роскошной жизнью. Следствием этого стала не только Реформация, но и уже в Новое время рост антиклерикальных, а затем и всё усиливавшихся антицерковных настроений.

Вторая опасность для исторического христианства состояла в многовековом насаждении донаучной

³⁶ Болотов В. В., указ. соч. С. 63-64.

картины мира, какой она предстает в Библии. При этом прежние греческие философские школы постепенно закрывались. Последней оказалась знаменитая Афинская академия, закрытая декретом императора Юстиниана I в 529 году. Наступили «мрачные века». Тем не менее, философия Платона и Аристотеля не была забыта. Другое дело, что она оказалась в положении «служанки» квази-христианской теологии. Уже с IV в., главным образом, на Востоке христианской экумены она, таким образом, облеклась в форму патристики (учения отцов Церкви), исчерпавшей себя к IX веку. А затем на Западе христианской среды обитания она обрела форму схоластики (синтеза прежнего патристического богословия и логики Аристотеля в систематическом/школьном изложении), завершившей свое становление в XIV веке. Так что в любом случае культурная память Европы была сохранена, что привело к эпохе Возрождения (XIV – 1-я треть XVII в.). Последняя открыла невиданный расцвет художественной культуры – духовной и материальной, церковной и всё более усиливавшейся светской. Но, что не менее важно, она положила новое основание для изучения мироздания, человека и человеческого общества, продолжающегося и в наши дни в сфере получивших тогда начало наук естественных и гуманитарных.

В связи с этим следует сказать, что имевшая место много ранее догматизация Римско-Католической Церковью библейской картины мира³⁷ имела для нее

³⁷ Имеется в виду характерный для вообще древних и средневековых натурфилософских представлений *геоцентризм*. В Библии он нашел отражение в Священническом кодексе, составленном после 722 и до 609 г. до н.э., в рассказе о творении Богом неба и земли, когда последняя оказывается

катастрофические последствия. Великие географические открытия XV–XVI вв. и *коперниканианский переворот* в астрономии³⁸ не оставляли уже шансов для того мировоззрения, которое провозглашалось в качестве христианского.

Тем не менее, ответ церковных властей на новую ситуацию оставался привычно репрессивным. Как ранее они преследовали тех, кого считали «еретиками», так в 1633 г. Папа Римский Урбан VIII стал преследовать основателя экспериментальной физики и изобретателя телескопа *Галилео Галилея* (1564–1642), выбив из него

центром мироздания (Быт 1:1-19); также согласно библейскому рассказу Иисус Навин повелел Солнцу остановиться и неподвижно стоять над Гаваоном до тех пор, пока он не завершит победой битву с амореями (Нав 10:12-13); наконец, в Пс 103 говорится о неподвижности непоколебимой плоской Земли, поставленной Богом «на твердых основах» (ст. 5), над которой заходит и восходит Солнце (стт. 19, 22).

³⁸ Коперниканианский переворот – так называется отход от геоцентрической системы мироздания, неподвижным центром которого рассматривалась Земля. Именно исходя из такого воззрения Клавдий Птолемей строил все свои астрономические расчеты. Лишь в 1-й половине XVI в. польский каноник *Николай Коперник* (1473–1543), исходя из своих многолетних астрономических наблюдений доказал, что именно Земля, как и другие планеты, обращается вокруг Солнца, а видимое суточное перемещение небесного свода есть следствие вращения Земли вокруг своей оси. Свои опыты и выводы из них Коперник изложил в книге «*Об обращении небесных сфер*», напечатанной в год его смерти. Гелиоцентрическая теория Коперника позволила великому немецкому астроному *Иоганну Кеплеру* (1571–1630) сформулировать в 1609–1619 гг. законы движения планет Солнечной системы (законы Кеплера). В свою очередь Римско-Католическая Церковь уже в XVII в. включила труд Коперника в свой «Индекс запрещенных книг», где он оставался с 1616 по 1828 год.

вынужденное отречение от научно доказанной истины гелиоцентризма и отравив последние годы его жизни домашним арестом и лишением возможности ученых занятий. Но именно это событие, на мой взгляд, открыло эру *Нового времени*, поскольку ясно обнаружило, что историческое христианство уже утратило монополию на обладание непререкаемой истиной, всё более и более сдавая позиции в деле овладения умами европейцев светской наукой.

Не стану далее представлять хорошо известную современному культурному человеку картину развития наук и технологий в Новое время, навсегда отворотившее к концу XIX в. преобладающую часть возросшего класса образованных европейцев от христианства как от религии, в своих вероучительных постулатах оставшейся в «темных веках». Тогда как поворотным пунктом, обозначившим окончательное наступление постхристианской эпохи стало такое событие, как отделение Церкви от государства во Франции в 1905 г., ставшее образцовым для остальной Европы в бурном и трагическом XX веке.

V

Но что мы видим теперь? Ситуация на континенте, которому в его средневековом состоянии прилагали ярлык «Христианская Европа», в его нынешнем постхристианском положении оказывается довольно парадоксальной. Это следует из недавнего репрезентативного социологического опроса, проведенного в странах Западной Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Нидер-

ланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция) американским центром изучения социологии и демографии Pew Research Center³⁹. Оказывается, что «практикующих» христиан, имея в виду более или менее регулярных участников церковных служб, в них будет меньшинство населения, от 40% в Италии (самый высокий показатель) до 9% процентов в таких странах как Финляндия и Швеция. При этом в той же Финляндии мы встретим порядка 68% процентов населения, которые в данном исследовании обозначены как «непрактикующие христиане», имея в виду тех, кто сознает себя христианами, хотя и не связывает себя с деятельностью существующих национальных или других исторических церквей. Тогда как атеистами/безрелигиозными в Финляндии выказали себя 22% опрошенных. К таковым больше всех относят себя жители Нидерландов – 48%, тогда как «практикующих» христиан в этой стране 15% населения, а «непрактикующих» – 27%. В целом же, по Западной Европе, картина отнесения себя к христианам выглядит так: «практикующих» – 18%, «непрактикующих» – 46%, безрелигиозных – 24%. Еще 5% населения Западной Европы относят себя к другим религиям. Очевидно, речь идет прежде всего о мусульманских иммигрантах, и о традиционных для Западной Европы иудейских общинах.

Для сравнения, исследование религиозности, как средства самоидентификации (с выделением «практикующих» православных и католиков), проведенное Pew Research Center в странах Восточной Европы (Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия,

³⁹ См.: *Христианская принадлежность в Западной Европе*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pewforum.org/2018/05/29/being-christian-in-western-europe/>

Греция, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Украина, Хорватия, Чешская Республика, Эстония) весной 2017 г. выявило, например, в Чешской Республике 72% населения не относящих себя ни к одной религии, тогда как католиками называли себя 21%, а к другим исповеданиям отнесли себя 6%. В свою очередь, по Латвии показатель был следующий: 31% – православные, 23% – католики, 25% – другие (лютеране и религиозные меньшинства), 21% – безрелигиозные. При этом православных, посещающих богослужения, оказалось 5%, а католиков 7% из числа жителей Латвии⁴⁰.

Теперь подойдем к самому интересному вопросу. Почему большинство христиан Западной Европы, входя в их 64-х процентное большинство, оказывается в числе «непрактикующих»? Основной ответ на этот вопрос, помимо прочих, звучит так: «Я не верю в того Бога, про которого написано в Библии».

Ответ не новый. Просто произносящих его стало намного больше, чем тех, кто мог сказать так в XVIII веке в эпоху Просвещения. Но церкви, имеющие дело, главным образом, с «традиционными» верующими не видят нужды радикально что-то менять, а их теологи, в своем большинстве, просто боятся отойти от привычной конфессиональной догматики, дабы не растерять ту публику, что регулярно посещает богослужения, сколь бы она не уменьшалась от поколения к поколению, идя, как теперь становится очевидным, к своему исчезновению. Вопрос о том, как представлять Бога-Творца в XXI веке н.э. тем, для кого сама эта идея имеет

⁴⁰ См.: *Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>

значение, остается открытым. Думаю, он вполне разрешим на пути не-ортодоксальной теологии. Тогда как библейская теология свидетельствует, что представления о Боге, по мере культурного и интеллектуального прогресса еврейского народа в древности, менялись, что находило отражение в книгах, вошедших в Библию в разные исторические эпохи. Но всё это требует особого разговора и отдельной дискуссии.

Теперь же надо отметить ту неточность, которую допускают социологи религии, говоря о «практикующих» и «непрактикующих» христианах. Под первыми, и это ясно заявляется, имеются в виду регулярные участники богослужений. Но разве к этому сводится христианская практика по учению Иисуса (и Павла)? Вопрос риторический. Так что, с объективной точки зрения, здесь следует говорить о **ритуалистах**, т. е. о тех, для кого христианство чаще всего сводится к самооценности ритуала той или иной исторической церкви. Тогда как **практику христианства** — в соответствии с учением Иисуса (и Павла), следует рассматривать в том или ином участии лиц, именующих себя христианами, в делах милосердия. Во времена начального/оригинального христианства они носили внутриобщинный характер, тогда как уже в историческом христианстве к началу «эры Константина» приобрели широкую социальную проекцию. Вот и встает вопрос об исследовании каритативной/благотворительной практики современных западных европейцев, в том числе, имеющей христианскую мотивацию. Только в этом случае мы выясним наличие тех, кого следует назвать практикующими христианами, вне зависимости от исторически менявшейся в прошлом веры и преходящей в поколениях привязанности к религиозным ритуалам.

XX век, безусловно, был постхристианским. Более того, два его главных потрясения, имевшие далеко идущее мировое значение – большевицкая революция в России и установление нацистской диктатуры в Германии, приведшей ко Второй мировой войне, осуществлялись под антихристианскими лозунгами. Но будем помнить, что сопротивление нацизму осуществлялось и под христианским знаменем, хотя и носило характер индивидуального подвига. Одним из таких подвижников, и, более того, христианских мучеников XX века стал немецкий лютеранский теолог *Дитрих Бонхёффер* (1906–1945), выдвинувший в 1944 г., находясь в нацистских застенках, формулу для будущего христианства в безрелигиозном мире: «*Иисус призывает не к новой религии, а к новой жизни*»⁴¹. Эта идея, высказанная Бонхёффером в частном письме, независимо от него, овладела многими христианами Германии, бывших непримиримыми противниками нацизма, после его полного краха в результате Второй мировой войны. И именно на христианских нравственных принципах покаяния в преступлениях нацизма и примирении с уничтожавшимися гитлеровским режимом евреями и с соседями Германии, пострадавшими от нацистской оккупации, прежде всего с Францией, стал строить свою политику *Конрад Аденауэр* (1876–1967), канцлер ФРГ в 1949–1963 гг., ставший ранее основателем внеконфессионального Христианско-демократического союза, которому более половины избирателей отдали голоса на первых и последующих парламентских выборах в Западной Германии. Именно им и министром экономики в его правительстве *Людвигом Эрхардом* (1897–1977,

⁴¹ *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность. Пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 268.

федеральный канцлер в 1963–1966 гг.) была реализована программа *социально ориентированной рыночной экономики*, в рамках которой экономическая свобода и свободное соревнование самостоятельных индивидуумов и предприятий должны быть приведены в соответствие с принципами социальной справедливости и гражданской солидарности. Тем самым, в национальном масштабе был реализован первохристианский принцип общения, когда всё западногерманское общество обеспечивало достойный уровень жизни всем, включая тех, кто был неспособен трудиться или испытывал жизненные трудности в связи с безработицей. Другое дело, что Западная Европа, независимо от того, под какими идеологическими знаменами в каждой стране это осуществлялось, так или иначе, в своем послевоенном развитии пришла к общественному строю, исключающему наличие пролетариата как класса и к утверждению в экономике и политике принципа общественной солидарности. И понятно, что опыт ФРГ, восставшей из пепла уже в первое послевоенное десятилетие, во многом здесь был определяющим. Это и дало, прежде всего, повод теологам говорить о *безрелигиозном христианстве*, когда последнее оказывается не ритуализмом христианского меньшинства, а социальной практикой, которую поддерживает большинство населения западноевропейских стран.

Занимаясь библейским богословием, я вижу, как иные эсхатологические утопии *книги Исаии* реализовались в послевоенной Западной Европе, ставшей зоной прочного мира (2:4), процветания, справедливости для каждого, наконец, минимизации детской смертности и долголетия жителей (65:20-23).

Но что мы видим в Восточной Европе в последние три десятилетия, прежде всего, в странах, освободившихся от советского господства и вступивших в Европейский Союз? Конечно, несомненный политический прогресс в них налицо при более медленном прогрессе экономическом, и всё еще существующем отдалении их от западных соседей по уровню потребления. Безусловно, роль национальных церквей в тех странах, где они имеются, заметно снизилась, даже там, где она была достаточно высока полвека тому назад, как в Польше, Румынии или Литве. При этом они остаются институтами, более питающими соответствующий национализм, нежели даже приверженность к тому или иному конфессиональному ритуализму, не говоря уже о христианской практике. Так что говорить о перспективе последней во многих восточноевропейских странах мне представляется пока проблематичным.

Тем не менее, думаю, будет интересно обратить внимание на такую страну как Латвия, полвека находившуюся под советским режимом, при котором она испытала не только соответствующую культурно-идеологическую обработку, но и сильнейшую инфильтрацию русскоговорящего элемента, во многом культурно и ментально чуждого местному населению. Здесь уже нельзя говорить о национальной церкви, поскольку долженствующая претендовать на эту роль Евангелическо-Лютеранская Церковь в Латвии по числу своих приверженцев, в подавляющем большинстве, номинальных, уступает Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата, хотя ее, в основном, русскоговорящие приверженцы, также, в своем большинстве, всего лишь номинальные православные. Наибольшую активность в области участия в богослужениях здесь проявляет

Католическая Церковь, хотя это и не более, чем 7% латвийского населения. Опять же, в Латвии силен безрелигиозный элемент, составляющий порядка 21% населения, хотя это и меньше чем в соседней Эстонии с ее 45% безрелигиозных жителей⁴², не говоря о Чехии, где таковых 72%. Кстати, такое их число, как мне представляется, есть не столько результат коммунистического воспитания в 1940-е – 1980-е годы, сколько следствие культурного развития этих стран в XIX–XX веках, во многом шедшем в немецком русле, когда большое число безрелигиозного элемента в германских землях побудило объединителя Германии *Отто фон Бисмарка* (1815–1898) пойти на введение в стране гражданского брака (1874 г.) и, таким образом, на отнесение религиозной принадлежности к сфере личной жизни человека (приватизация религии). С другой стороны, следует иметь в виду, что смена поколений в церквях Латвии сказывается на их постепенном угасании.

Встает вопрос. Что делать разнokonфессиональным и разноязычным христианам Латвии и тем ее жителям, кто, сознавая себя христианами, отошли от тех или иных konфессиональных обычаев?

Думаю, здесь следует учесть фактор реальной свободы совести и защищенности прав человека в соответствии со стандартами ЕС. В этом Латвия заметно отличается от своих восточнославянских соседей – Беларуси и России, где социальные и каритативные инициативы христиан еще с 1990-х гг. жестко лимитируются политикой государственного патернализма. Посему

⁴² См.: Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>

в Латвии представляется возможным предусмотреть в обозримом историческом будущем следующую трансформацию христианства в этой стране:

а) в сторону большего внимания к вектору межчеловеческих отношений во внутрицерковной/внутриобщинной жизни, строящихся на началах христианской солидарности, имея в виду заповеданную Христом любовь друг к другу;

б) вовлеченность как «религиозных», так и «безрелигиозных» христиан в социальные проекты, основанные на христианских этических началах.

Выборг, июль 2018

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ПРАЗДНИКОМ

«Печальную историю о разрыве между человеком, с одной стороны, и “христианским миром”, с другой, рассказывали много раз», – говорит отец Александр Шмеман в своем докладе *Церковь и мир в православном сознании* в Афинах в 1976 году¹.

В каждом человеке этот рассказ ведется заново, и потому неиссякаема его печаль. Но заповедь, оставленная Иисусом: *радость ваша да совершенна будет*. Христианство – праздник Воплощения и возвещения о нем: «внемите языцы и разумеите: яко с нами Бог». Бог с нами здесь и сейчас, и в этом сегодняшнем событии существует Церковь. Оно входит во время, которого в конце *не будет*, и всегда уводит к своему неподвижному первоистoku. В западных языках богослужение и празднование обозначаются тем же словом: *celebrazione, celebration...* Служить Богу, празднуя, делать радость ощутимой и непотаенной, преодолевая то, что ей препятствует. Читатель о. Александра Шмемана помнит, что всего настойчивей у него подчеркивается именно праздничная суть христианства. Главная его книга, посвященная Евхаристии, озаглавлена *Таинство Царства*. И он же часто говорит о разрыве между этим празднованием Бога-с-нами в храме-Царстве и жизнью перед Богом за пределами храма.

Два человека вступают в храм, одному там всё по нраву, другой себя там не находит, душа его не на месте на церковном пиру. Оба крещены, церковны, но исто-

¹ Цит по сб. Православие. Pro et contra. СПб, 2001. С. 511.

рии у них разные; один прирастает к Церкви и прорастает в нее, твердо зная, что его Бог живет только в этих видимых стенах и образах, другой ощущает, что следы Его можно отыскать и за церковной оградой, что и во вне бывает какая-то правда Божия и радость о ней, и он начинает искать пути бегства из этих стен. И легко находит их. В первосоветское время существовали массы добровольных перебежчиков и апостатов, в позднесоветское возник спрос на демонстративный уход из церковного дома, ставший даже особой профессией. Церковь тогда могла только прошептать вослед: *Они вышли от нас, но не были наши* (1 Ин). Драма, однако, была в том, что многие из них как раз «нашими» были. За каждым уходом проступал не только личный интерес (который в те времена, конечно, активно присутствовал), но и личный бунт или личный кризис. Он был гораздо глубже того, который потом оглашался в трафаретных исповедях «почему мы порвали с религией». Система навязывала свой язык и свою мотивацию, которые служили маской для потерпевших *кораблекрушение в вере*, происходившего у каждого тайно и по-своему. Но вот ушло время принудительных социальных заказов, вымученных признаний и дубового языка, но кризисов стало никак не меньше. Скорее, много больше. Они вырываются наружу, заполняют виртуальные миры, ныне по ним можно судить о судьбах тех, кто перешагнул порог Церкви в 90-е годы.

Приходило ли на ум кому-нибудь исследовать эти кризисы изнутри – с точки зрения церковной или евангельской? Вопрос риторический, остающийся без ответа. Огромные косяки душ бросились в храмовое благочестие, потом какая-то часть их, сети порвав, ушла. Большая часть, конечно, в нем осталась, но кто знает,

мирно ли ей внутри? Не замышляет ли и она побег? Но всегда встает вопрос: *к кому нам идти?* Таковых скрытых пограничных ситуаций куда больше, чем скандальных разрывов напоказ. Среди последних есть и отпавшие, и отрекшиеся, в их толпе можно заметить уже и несколько священников, не только отряхнувших прах церковного «язычества», но и с вызовом вставших на «прямой путь» ислама. Кому же, как не *ловцам человеков*, задуматься о качестве их сетей? Не отталкивать веслами всех ушедших из апостольских вершей и барахтающихся у лодки, но самым нырнуть в глубину и посмотреть, руками пощупать, где они прохудились? Кому как не «церковникам», заниматься теми тайными недугами души, которые приводят к уходу из Церкви? Или хотя бы поинтересоваться их причиной.

XX век оставил за плечами бездонные ямы безвинно замученных – Холокост и коммунизм; масштаб их таков, что они не умещаются в границах когда-то протекших событий. Они – часть метаистории и по-библейски должны быть переоткрыты и переосмыслены. Для такого переосмысления должны быть созданы особые навыки мысли, но их едва ли можно найти в нашем церковном уделе. Их там нет, если, конечно, не повторять общих слов о каре Господней, не принимать почитание новомучеников за осмысление коммунизма, а отвержение сергианства – за философию истории. Да, Декларация митр. Сергия (Страгородского) 1927 года есть всегда оспариваемая и осмысляемая часть большого церковного прошлого, а Холокост – нет. Он не имеет к нам отношения. И не только по мотивам политическим. Когда тыходишь во внутреннюю клеть сердца, то все мыслящее, страстное, преходящее, историческое надлежит оставить за порогом. Да только ли страстно-

историческое? Мы живем в привычном разделении, скорее даже, в надсадном разрыве между жизнью, нацеленной только на индивидуальное спасение, и жизнью в истории, имеющей множество иных, Божьих, измерений. Речь идет о разрыве между усвоенным нами языком религиозной жизни и тем сокровенным исповеданием, в котором человек приносит себя Богу и говорит с Ним, даже и без слов. Такой разрыв бывает болезненным, а для Церкви опасным.

Оговорюсь сразу: есть бесконечное различие между рухнувшей советской системой и Церковью, для врат ада неодолимой. Оно столь очевидно, что всякое сопоставление между ними выглядит кощунственным. И все же не даром эту систему, построенную на идеологическом принуждении, марксистскую скорее по виду, не раз уподобляли именно Церкви. Язвительное это сравнение должно было подчеркнуть пародийность системы, ее невольную подражательность. Ведь у нее – кто не забыл – было свое писание, исполнявшее функцию священного, была выработана вероучительная догматика, выписываемая на спинах, как в кафкианской колонии, и своя апокалиптика с царством будущего века для предназначенных к блаженству потомков; возлюбленный первосвященник, как средоточие истины, восседал на небесном троне, совершались торжественные обряды и коллективные празднества, произносились анафемы, не покладая рук, работала инквизиция, существовал культ святых героев и их мощей... В момент крутого подъема 2–3 десятилетия это господство сияющих, скалящихся идей выглядело почти зеркальным отражением Церкви... Надежда, которую оно сумело внушить, была имитацией религиозного спасения на земле, и не сосчитать, сколько же душ на планете, она,

взметнув к облакам, а потом спалив на земле, унесла за собой. Когда всё рухнуло и перегорело, их пепел в России пошел на удобрение Церкви, куда хлынули вчерашние зашоренные идеологические люди... Сегодня из пепла сгоревших идей они изготавливают личины заговорщиков и маски предателей, разваливших страну... Все быстро забыли, как сами томились на этом грандиозном действе, которое всё шло и шло, не меняясь, и нельзя было никуда уйти...

Но здесь сравнение и заканчивается. Церковь, какой бы она ни была, не рухнет, не перегорит, не погаснет. Она стоит не столько на скале всеобъемлющего, пылавшего в душах знания, каким бывает идеология, сколько на частице Света, зароненной в каждого человека. Здания с куполами, византийские одеяния, велеречивые слова – только массивное, подымающееся из темноты веков, выражение невидимой реальности, или, по-евангельски говоря, сокровищницы сердца. Это богочеловеческое устройство хранит в себе «тайну огня». Оно собрано из камней живых, горячих или остывших, но какое-то тепло еще в себе хранящих. Однако и огню может стать тесно в содержащем его сосуде. И сосуд начинает плавиться.

«Огонь», конечно, слишком сильное слово для «религиозного чувства». Оно лишь отсвет того огня, который отнюдь не всегда готов разгораться. Эта интуиция-искорка, которая пугается разума, требующего ясности, она противится, когда ее принуждают к чтению молитв или тащат к исповеди. Смутно шевелящийся «религиозный опыт», как некая «вещь-в-себе», избегает готовых вероучительных формул. Чтобы ему теплится, достаточно простоять много часов в очереди к поясу Богородицы или окунуться в ледяную воду на

Богоявление, прикоснувшись таким образом к загадочно запредельному миру, согревающему и в проруби. Не будем, как фарисеи, говорить о «невеждах в законе»; многим, очень многим причастие священной материи передает живое ощущение Бога. Эта дорога к Храму, которая всё время огибает его, кружит рядом, останавливается на пороге, не заходя внутрь. Войти непривычно и боязно, удобнее лишь приблизиться, прислониться извне. Таким прикосновением часто бывает крещение с набором непонятных жестов и слов или венчание с иконами и коронами. Храм притягивает к себе и отпугивает. Плоды, которые он предлагает, хочется получить даром, без громадной работы усвоения, усилия веры, сознательного выбора.

Что это за плоды? Искусство святости, с человеческой же перспективы – вековой строй мыслей, формул, образов, открытий, чувствований древних веков. Этот строй (на светском языке «ментальность») освящается, становится Преданием, лестницей, ведущей к Богу. Предание духовно и вечно и вместе с тем неотличимо от всего, что обусловлено временем, плотью и кровью. Каждая капля этого священного меда несет в себе собранный и отразившийся в разных формах опыт богообщения. Он полон смысла и откровения. Из Предания, сложенного в течение веков, выросла Церковь как видимое Тело Христово. Однако человеческий состав этого Тела повсюду различен, да и толкование божественного может быть в человеческих культурах и ментальностях иным. Даже сам павловский образ «Тела» в разных преданиях интерпретируется по-своему. Для православных Тело Христово – есть (по латыни *est*) Православие со всем тем, что в нем собрано и накоплено, причем лишь строго каноническое, в котором все поместные

Церкви находятся в молитвенном общении между собой. Для католиков же, после Второго Ватиканского собора, Церковь Христова «пребывает в» (*subsistit in*)² в Римской Церкви, но не тождественна ей. Из чего следует, что в этом Теле остается место и для других конфессий. Для протестантов же, если говорить общими словами, Тело Христово на земле невидимо, оно есть повсюду, где проповедуется Евангелие.

«Православное Тело» обладает идеальными пропорциями, не допускающими никаких изменений. Однако в этом Большом Теле находят какие-то едва уловимые невооруженным глазом духовные болезни и мысленные измены, и тогда от него – во имя церковного здоровья – самоотсекаются малые, истинно-православные тела, порвавшие с «мировым православием» по причине календаря, экуменизма или чрезмерной зависимости от светской власти. Эти церковные айсберги, гордые своей чистотой, удалившись от материков, плавают сами по себе, подозревая друг друга в полуккомпромиссах с ересью, нередко не желая и знать друг друга. Кроме истинно-православных есть еще и немало старообрядческих согласий, еще жестче отстаивающих ту веру, что Тело Христово – суть только они, соблюдающие неповрежденный древний Устав и от века неизменное Предание. И пусть нас, филипповцев, федосеевцев, поморцев... осталось, может быть, по семь человек на земле, иной Церкви нет и быть не может, всё, что вокруг, не орошаемо и каплей благодати. Вселенское, кафолическое Тело Христово расположено под кушей только нашей территории спасения, за пределами которой – царство антихристов и симулякров, ему же «*anathema sit*». И спорить не о чем.

² Соборная Конституция *Lumen gentium*. Пар. 8.

Собственно, вся суть многих экклезиологических споров может быть сведена к конфликту двух глаголов: «находится», «пребывает в» и твердым, бескомпромиссным «есть». Когда священномученик архиепископ Илларион Троицкий писал свою книгу *Христианства нет без Церкви*, то именно это он и хотел сказать: за пределами исторического Православия, каким оно сложилось в поместной Русской Церкви и в других канонических православных Церквях, никакого иного христианства быть не может, здесь оно не в гостях, а в единственном видимом доме и физическом теле. Так думает и Христос Яннарас, когда, рассуждая о католичестве, говорит: «это и не христианство вовсе», хотя и сам не всегда зван почетным гостем на праздник строгого правоверия. Так думают многие миллионы православных, как и оставшиеся еще немногие миллионы традиционных, «дособорных» католиков: никакое христианство не *пребывает* за пределами истинной Церкви, т.е. нашего конфессионального жилища; оно было, есть и будет только здесь, где скала истины, которую воздвиг Христос, и только мы, по милости Божией, еще остаемся на ней. На ней стоят наши догматы, обряды, предания, святые отцы, чья святость принадлежит только истинной Церкви... *Сокровенный сердца человек* (1 Петр) не отделен от храма, ядро внутренней жизни со Христом, и всё то, что облекает ее вовне, слиянно и нераздельно. Большинству православных, вероятно, покажется кощунственным, что между внутренним и внешним может затаиться какая-та трещина. Но она есть и даже расширяется, посылая болевые сигналы. Ныне, в эпоху виртуальной свободы, весь интернет полнится, буквально перекипает критикой и жалобами на эту осязаемую реальность Церкви. Суть их можно

свести к одному: болезненному расхождению между чьей-то живой связью со Христом и тем, как она осуществляется в видимой Церкви, называющей себя Телом Христовым.

Возьмем самое очевидное, безобидное: юлианский календарь. В Русской Церкви он сакрализован, неподвижен, огражден от любых покушений на его иератическое стояние. Он освящен молитвами святых, встроен в движение светил небесных, управляющих нашим пасхальным циклом, так разъяснен и утвержден богословием, что в нем грех усомниться. Но кто-либо из нас встречал хоть одного православного верующего, который бы не только молился, а жил исключительно по церковному календарю? Планировал дела, назначал встречи, заказывал билеты, распределял бы свое время так, как если бы никакого иного календаря, кроме юлианского, не существовало? За стенами какого-нибудь монастыря или скита это еще можно себе позволить. Но как бы ни был начитан и эрудирован убежденный сторонник старого календаря, для него Рождество все равно мысленно будет записано на 7 января, а 25 декабря – останется датой литургической, не вписанной в его повседневное существование. Как и Благовещение – в повседневной жизни оно 7 апреля. Конечно, это никому не мешает. Порой даже составляет предмет специфической гордости: всё у нас не так, как у них. Но для 99% православных в России и в Зарубежной Церкви, даже и тех, кто не празднует Новый Год, он стоит на привычном месте: 31 декабря. Эта временная ложбинка в 13 дней существует как норма, практически никем не оспариваемая. И переступают ее без труда, иной раз и не заметив.

Да и «канавку» между языком церковным и повседневным тоже привычно переступают, хотя уже и не так

легко. Язык – священное словесное одеяние Церкви, как от него отказаться? Проблема здесь более тонкая и болезненная, она страстно обсуждалась множество раз, и все споры здесь еще в самом начале. Сторонники перевода на живой язык чаще всего настаивают на непонятности церковных текстов, защитники церковнославянского языка говорят о его торжественности и красоте. Первые приводят многочисленные примеры невразумительных переводов с греческого оригинала (как *до-риносима чинми* из Херувимской песни), «ложных друзей», которые несведущих обманывают иным смыслом (к чему сия гибель мирная бысть? К чему такая трата мира? Мк 3.), вторые возмущаются: как можно говорить со Святыней приземленным, запыленным, модернистским языком, перегруженным грехами и суетой сует? Главным орудием защиты служит всегда красота, окаменевшая и, вместе с тем, преображающая, и она как бы искупает «вину» непонятности. Грудью встает на его защиту. Аргументов, как правило, три:

1. Люди должны сделать усилие и выучить, ибо *Царство Небесное силою берется* (Мф 11).

2. Большинство, которое давно ходит на богослужения, и так, в основном, всё понимает, а новоприбывшие походят и всё выучат.

3. Наконец (довод сугубо клерикальный), понимать каждое слово вовсе необязательно, главное – быть включенным в ту высокую мистерию, которая совершается в храме и соединяет нас с отцами по вере. Такая связь незыблема, как Священное Предание.

Все «за и против» давно известны, озвучены, проговорены, но при этом обе стороны, не слыша друг друга, повторяют свое. Один священник говорит: «Вы переводите, переводите, а мы посмеемся», другой (ну, скажем,

аз грешный) может лишь признаться, что каждый раз ощущает давящую неловкость, когда, читая паремии или коленнопреклоненные молитвы на Пятидесятницу, или каноны на утрени, со всей ясностью сознает, что всё это понимает он один, а до остальных доносятся лишь отдельные угадываемые слова, никак не склеенные друг с другом. Мы вообще не ставим вопрос об уважении к слову, которое возносит ум к Богу и потому, согласно ап. Павлу, должно быть вразумительным. Нет, это слово у нас даже принципиально отстаивает святое право быть не до конца понятым, но лишь возвышенно звучащим. Пафос красоты, высеченной в мраморе, убедительней апостольского требования. Но всё же почему эта некогда изваянная красота языка, считается неприступной, как крепость, недостижимая для живого русского слова? Чем она так завораживает? В поэзии есть такой «эффект остранения», который бывает, когда образы и формы уводят от привычных значений слов и переносят нас в какое-то иное смысловое измерение. То, что прекрасно, должно чуть отстоять от наличного и внятного. *В начале бе Слово. Грех мой предо мной есть выну* — смысл прозрачен и всё же удален на какое-то очень малое и ощутимое расстояние от нашего личного языкового пространства. От Слова, Которое действительно было, есть и будет. От греха, который со мной неотступно, всегда. От жизни, которой я живу здесь и сейчас, в которой именно я нахожу слова, связующие меня с тайной Бога Живого. Дело даже не в непонятности, но в оправданности, в священности самой дистанции между словом, отнесенным в отдельную реальность-в-себе, и реально пережитым во всем переплетении его жизненных ассоциаций, сколь бы малой эта дистанция ни была.

За пределами спора понятности и поэзии остается ткань существования. Она состоит из языка, пронизана им, в нем растворена. Хайдеггер говорил, что язык – это «дом бытия»; это литургически торжественное, хотя и не всегда ясное определение всё же высвечивает некий модус нашего пребывания в мире. Особый литургический язык, это – будем честны – другое, параллельное существование. Оно – в ином бытии. Мы утверждаем, что только оно церковно. Что спасителен только этот, стоящий на возвышении, хоть и немного далековатый от нас, дом, а не тот барак, в котором мы живем, движемся, любим, грешим. Церковь служит в этом доме больше тысячелетия, мы входим в него из времени нашей жизни, такой шаг был и остается условием правоты веры (точнее: русской веры) и ощущением неба на земле.

Канон преп. Андрея Критского, вторник первой недели Великого поста, Песнь 6:

«Кладенцы, душе, предпочла еси хананейских мыслей, паче жилы камене, из негоже премудрости река, яко чаша, проливает токи богословия».

Перевод:

«Колодцы хананейских помыслов ты, душа, предпочла камню с источником воды, из которого река премудрости, как чаша, изливает струи богословия».

И вот тут закрадывается подозрение: да не служит ли эта священная материя языка таким приобщением к вере, когда мы приближаемся к ней, но намеренно не входим внутрь? Конечно, обряд, облеченный в язык, выражает дух вероучения, и плоть не может быть отделена от духа. Но разве плоть и дух, коль скоро они живы, должны окаменеть навеки? Мы не живем во времена, когда отрезали носы за чтение запрещенных книг и

выкалывали глаза за ересь, но молимся и отчасти даже мыслим по канонам и образам, созданным в ту эпоху. Никаких движений здесь не предусмотрено, хотя, если говорить о высоком умозрительном уровне, они в принципе не возбраняются. У Владимира Лосского, да и не только у него, можно прочесть об эkkлeзиoлoгичeскoм монофизитстве, неправомерно освящающем всякую деталь и всякий возглас. Но сама мысль о переменах уже как бы – из «колодцев хананейских помыслов»; для отсечения таковых помыслов созданы особые духовно-дисциплинарные механизмы, уж какой век работающие без сносу. Помыслов просто не должно быть, иначе раскол и гибель. На многих уровнях разработана структура защиты от любых покушений на перемены, хоть в самой малой детали; вот, скажем, не было у апостолов пуговиц, стало быть, и священнику надлежит завязывать поручи только шнурками. Глубина обороны имеет здесь несколько рядов, и первый, самый крепкий, устойчивый – всегда психологический, страстный: «то, что наше, то наше», положено не нами, но «столпом и утверждением истины». Богословские и прочие ряды, доступные для дискуссий, идут уже потом.

Отец Александр Шмеман в упомянутой здесь статье говорит о «внутренней измене «христианского мира» своему собственному самопониманию... Используя современные категории, я назвал бы эту измену отрицанием истории. Речь идет об отрицании того опыта времени, его смысла и его функции, который предполагается христианской эсхатологией. Смысл этой эсхатологии заключается именно в том, что она через откровение эсхатона, т.е. последней цели и смысла мира, полагает мир как историю, как исполненный смысла процесс внутри линейного времени. Христианское мировоззре-

ние динамично, оно освобождает мир от порабощения статичной «сакральностью»³.

Слово «порабощение» звучит резко, возможно, оскорбительно. Может быть, точнее было бы говорить о магии, обаянии, колдовстве антиистории? Да, мы по-своему околдованы нашим завораживающим миром и, можно сказать, соборно, дружно боремся за наше право вне истории оставаться. У о. Александра Шмемана в его статьях, и в особенности в *Дневниках*, легко найти следы этой внутренней борьбы: вполне традиционные упреки другому «христианскому миру» в уступках и порабощении «миру сему», и борьбу, довольно решительную, с обольщением сакральным в религии. Он пишет о «тяжести», даже греховности религии, как особом способе «устроения с Богом», и, в то же время, о незыблемом литургическом строе и красоте именно такого религиозного устроения. Верность «сакральности» и некий императив времени, в котором живем, — эти два зова современной православной души существуют как бы по разные стороны, иногда сталкиваясь, но чаще стараясь не замечать друг друга. Однако они есть, сосуществуют и никуда не уйдут. Можно рассуждать о преображении времени, о котором прекрасно писал Оливье Клеман⁴, но всякое преображение, какими бы цитатами оно ни было подкреплено, становится переводом живого, экзистенциального времени в сакральное и всеобщее. Может быть, этот перевод становится более личным в поэзии или музыке, но они не входят в церковное пространство, заключенное в богослужебных кругах.

Эти круги или циклы служат залогом вечности и в то же время щитом от потока истории. Соприкасаемся

³ См. Православие, с. 510.

⁴ *Olivier Clément. Transfigurer le temps. P., 1959.*

ли мы в Церкви с опытом «линейного времени», находим ли смысл в его движении? Нет, не находим. Ибо опыт начинается, прежде всего, с живого языка, а он-то и находится под запретом. Но вот когда мы прибегаем к церковному языку для прославления новых святых, этот издревле закаленный язык литургических похвал вдруг дает невыносимо фальшивую ноту. Мы стараемся ее не замечать. Может быть, для того стараемся, чтобы не задумываться о роли языка, пронизывающего ткань нашей веры. Не ввязываться в спор, который едва ли будет доспореен, но попытаться войти в антропологическое и богословское измерение исповедания и слова, веры и разума. Того разума, который отправляется нами в почетную, праздничную ссылку, где даже и вопрос возникнуть не может, в какой мере то, что мы слышим и произносим, выражает самую суть веруемого, присутствующего в глубинной нашей связи с Богом? И как сама эта связь запечатлевает себя в словах? Или существенней: вера, какой она сложилась в православной России, лишь «пребывает» в церковном языке и календаре или она и есть именно этот язык и календарь?

Большинство прихожан и священников встанут на сторону глагола «есть». И анафемами угрожая, будут этот глагол отстаивать. Ну, а дон-кихоты понимания каждого слова будут атаковать их непобедимые мельничные колеса. И не всегда только ради понимания самого по себе, но ради верности союзу звучания слова и его содержания, того слова, какое мы приняли от родителей и среды. Согрешил ли я всеми теми грехами, которыми уязвлен был прп. Андрей Критский? Православянски, да, согрешил, ибо в церковных стенах слова скользят, лишь касаясь нашего восприятия, тотчас уносясь в нездешнюю область. Им почти не за что за-

цепиться. Они не приземляются в опыте, стоящем за произносимыми словами, и не наполняются теми неправдами, которыми полна моя жизнь. И вот душа, побыв на церковном пиршестве, пусть в данном случае и печальном, уходит с него и возвращается к тому, что есть. К тому, что вокруг нас.

Надо сказать, «аргумент от красоты» простирается гораздо дальше языка. Он охватывает весь церковный дом, и *хорошо нам здесь быть*. Цитирую современного священника: «Какая другая вера может мне предоставить такие свои свидетельства, как сонм мучеников и преподобных? как «Троица» Рублева и византийская «Владимирская» и пр.? как пение знаменным распевом (о котором эстет А. Лосев писал, что он все баховские фуги не променяет на один Догматик 1 гласа)? Как удивительную богослужебную поэзию Октоиха или погребения, составленные самым гениальным творческим человеком всех времен и народов прп. Иоанном Дамаскиным (богослов, поэт, композитор и художник)? Вы обладаете каким-то вкусом? Ведь сказано “гортань брашно различает”».

Всё просто: быть неправославным – признак дурного вкуса.

Вывод: истина там, где красота. Бесспорно. Но только та красота, которая в храме во мне радуется, только под нашей кущей живет, а та, что вне храма и меня – второго-третьего сорта. Понятие красоты всегда включает ее переживание субъектом (не только я личным, но и я соборным), и переживание определяет наше исповедание. Она соединена только с нашим праздником, и больше никаких праздников нигде нет. Согласно матери Марии (Скобцовой), это «эстетический тип» православного (*Типы религиозной жизни*), который часто

бывает особо непримирим. Конечно же, типы не существуют отдельно друг от друга, они всегда смешаны. Эстетический тип обычно смыкается с ритуалистским. Иконограф и иконолог Леонид Успенский полагал ложью всё западное религиозное искусство, так что о каком христианском единстве может идти речь (*На путях к единству?*). Какое единство у Христа с Велиаром? Христос никогда не войдет под сень иного календаря, иного языка, иного канона красоты и строя богослужения.

Как всегда, в таких случаях красота-в-себе не отделяется от красоты-во-мне. «Я» же как индивидуальные, так и коллективные, бывают разными. Если на «разномыслие» мы еще теоретически готовы пойти, то на «разночувствие» уже никак. «Когда мы пробуем проникнуть в красоту Византии, нас поражает ее крайняя сложность. В ней нет ничего простого и свободного, ничего, что далось бы человеку легко, вместе с воздухом полей, светом солнца и шумом горных рек. Это самое комнатное, самое “искусственное” из всех искусств. Оно представляет полную противоположность итальянскому искусству, освобожденному Джотто, гениальным сыном итальянской деревни. Под тяжким давлением византийской государственности человеческие способности бесконечно изошрялись и раздроблялись...»⁵. Это сказано о пластическом искусстве, но с оговорками может быть отнесено и к искусству словесному. Признаться, мне трудно поверить, что «свобода во Христе» должна быть заключена в какой-то единый канон красоты, греческий, древнерусский или итальянский. Церковь, разумеется, не музей, где представлены все школы живописи, но та школа, в которой мы постигали образы нашей веры, не

⁵ Муратов П. П. Образы Италии. М.: Арт-Родник, 2008.

обязывает нас к ожесточению по отношению к иным путям красоты.

Ожесточение становится законом, тяжелым и нависающим. Закон – это значит «так положено». «Положено» по уставу служить долго и малопонятно, с ощущением тяжести и благодати. Не все в этом ощущении признаются, но у священников нередко (конечно, не только у них) возникает так называемое «выгорание». «Выгорание» – это опустошение души, перегруженной духовными образами и смыслами, на которые больше ничего не откликается изнутри. Здесь тоже речь идет еще об одном углубляющемся рве между правдой личного опыта и отношений с Богом и традицией и уставом. «Отцы-пустынники и жены непорочны, чтоб сердцем залетать во области заочны... сложили множество прекраснейших молитв...». Однако они сложили их для себя, причем на том языке, на котором говорили, мыслили и молились. Прекраснейшее в этих молитвах было отражением их опытного познания Бога. Но богопознание располагается на многих уровнях. Да, повторяемость, длинноты, средневековая образность – всё это орудия искусства святости и достигали ее единицы. Но не достигали другие. Они могли бы идти за Христом лишь прямым, простым путем исполнения заповедей, важнейшая из которых – не верность текстам, но призвание на служение действенной любви.

Утомленные бременами вычитываний, часто опустошенные выгоранием, священники жалуются, что огромное число прихожан интересуются только благодатью, вложенной в материю: крещенской водой, освященной едой, прикосновением к мощам. Мы всё время сталкиваемся с этим контрастом между религиозностью, касающейся каких-то непросвещенных, почти

инстинктивных слоев души, и высочайшей жизнью духа, отраженной именно в этих утомительно вычитываемых текстах, заряженных, наполненных когда-то пережитой святостью, но не сообщающей ее почти никому. Человек слышит 40 раз «Господи, помилуй» словно для того, чтобы, не задумываясь, грешить, если и не «бесстыдно, непробудно», то повседневно – унынием, осуждением, завистью. Но разве не заповедано: узнавать дерево по плодам? Так что же происходит там, где праздник святости заканчивается?

И вот с небес мы вдруг падаем на землю и ударяемся больно, если вообще не разбиваемся насмерть. Там открывается уже не ложбинка, не канавка, а настоящий ров между недостижимой литургической высотой и тем, что за ней, – личностью и повседневностью. О чем денно и ночью шумит интернет, этот всемирный самоизбравшийся парламент, если взять лишь церковную его скамью? Шумит же он и сильно негодует не безгрешными, конечно, устами, о том, как мало в Церкви наличествующей повседневной правды. О том, что словно какая-то пропасть установлена между праздником и жизнью, и оттуда сюда не переходят. Пропать эта тем глубже, чем сакральней церковность, и чем сакральней церковность, тем проще в быту без нее обходиться. Можно жить по одну ее сторону, отстраняясь, веруя, что живешь по другую. Речи о посте и молитве, о покаянии, братолюбии, нестяжании, целомудрии парят над роскошью, ничуть себя не стыдящейся, над монашескими обетами, закатанными под ковер, над казенщиной в семинариях, над вопиющим к небу крепостничеством тех, кто обещал Господу послушание, но истолковал это как послушание лично ему. *К свободе призваны вы, братья*, а на другой стороне, проще

салтыков-щедринскими словами сказать: «либо в рыло, либо ручку пожалуйста». Зато искренне заученных оборотов о свободе внутренней, смиренной, победившей страсти – на десять «Добролюбий» хватит. И все та же сцена перед глазами: «Возлюбленные братья и сестры...», а затем: «расступись, православные, охрана, освободи проход!» *И блаженны кротцыи*. И реки слов о любви. Они, конечно, всегда полноводно текли, только сегодня глаз наш стал придирчивее и острее. Он научился сравнивать, отмечая порой, что даже в советском офисе дружества и взаимопомощи могло быть больше, чем в благолепном храме или духовной академии, ежедневно поминающих о евангельских блаженствах. Словно в Церкви мы обречены жить на две реальности, две семьи, две души и даже апологетически о том богословствуем. Но та другая душа, если хотите, ментальность, совесть, критика, вытесненная на задворки история всё чаще врывается в храм и бросает ему вызов. Мы ее в дверь, она в окно.

Мы привыкли думать, что у истории и церковности разные пути; здесь, у нас – собрание верных, единство в молитве и таинствах, пшеница, рассеянная по холмам, собранная в евхаристическом хлебе... там – мир во зле лежит. Но Церковь – это «Тело Христово смешанное», состоящее из пшеницы и плевел, и оно смешано в нас. И *сокровенный сердца человек*, рождающийся от внутреннего подвига, не отделен от внешнего подвига братолюбия, о чем когда-то с болью писала мать Мария (Скобцова) (*Вторая евангельская заповедь*). Но сегодня у слов, «отпущенных на свободу», появилось эхо, доносящееся до каждого. Апостол Павел говорит о важности *свидетельства от внешних*, и вот именно эти «внешние», ни о какой особой духовности слыхом

не слыхавшие и *Лествицу* не читавшие, придут и будут судить Церковь, какой они ее видят. И проверять каждое наше слово не на праздничность его, не на духовность, а на жизненный вес, на соответствие слов и дел.

Придут? Они давно уже здесь. Пропасть между правдой бытия-быта и праздником церковности растет на глазах. Объяснения, что все люди – грешники, и всех нужно простить, давно не выполняют защитной функции. Существует, правда, испытанное средство: для отражения таковых искушений, которые ежедневно представляют нам глаза и уши. Чтобы оградить себя от пропасти, церковная общественность обносит себя частоклом жестких противостояний (антидемократизм, антимодернизм, антиэкуменизм, с особым упором на антикатолицизм, антиглобализм с акцентом на антиамериканизм, собранный в совокупный анти-Запад, воинствующий против «прав человека»). А в хвосте его всегда где-то и антисемитизм, пусть и латентный, но вылезающий всякий раз, когда протрубит рожок... Этот частоклол с гвоздями усиливает чувство пребывания на островке спасения среди погибельного океана «мира сего». Океан действительно то и дело выбрасывает на островок ищущие Бога души. Но он же и поглощает – теперь уже в немалом количестве – души «переобращенные», отряхающие с себя груз церковности.

Уже стало правилом: чем выше духовность и круче сакральность, тем глубже ямы под ними. Чем умильней, сладкоречивей, консервативней звучит наш церковный дискурс, тем кряжистей, беспардонней, грубее под золотым шатром быт. И эти выставленные напоказ дреколья – только шифры, плохо скрытые псевдонимы самообороны. За ними всегда стоит какой-то скрученный комплекс неполноценности по отношению

к реальности, которая предъявляет свои права. Здесь как не вспомнить казус иерарха, публично сжигавшего книги священников Мейендорфа, Шмемана, Меня и даже, кажется, митр. Антония (Блума), но при этом до такой степени разнесшего все перегородки элементарной пристойности, так что даже привычному православному народу стало поперек горла. По одну сторону – борьба за небесную чистоту Православия против всякой западной заразы, по другую – жизнь феодала в неприступном замке ордотоксии, куда не вхож Мейендорф, но где всегда желанен губернатор, принят и обласкан ворюга-спонсор, благословен пыталыщик из государственной тайной полиции.

Можно сколько угодно провозглашать, что настоящая свобода – это брань с бесами и незримая в ней победа, протаптывая при этом давно знакомые пути бегства от свободы внешней. Сегодня оно часто принимает форму истового или, скорее, эстетического монархизма. Это отнюдь не чистая романтика декоративного королевства в рамках национальной традиции, но предвкушение монархии жесткой, освященной, скорой на пролитие крови. Разве не ясно, что это еще один образ вымышленного сопротивления глобализации? Или неутрачивающая ностальгия по церковно-государственному празднику, который сто лет назад как иссяк, но вероучительно должен был длиться вечно? А без него мир сей должен погибнуть, и если от наших рук, то так тому и быть. И вправду: мир «демократии», всегда так называемой, разделения властей, либерализма в экономике, безудержной критики, непричесанной информации, постмодерна в мышлении, в отношениях людей, в политике, в искусстве, древним нашим Православием не предусмотрен – и потому отвергаем. Уж тем более тот

мир роботов и гендеров, который грядет ему на смену. И коль скоро у нас нет инструментов для его осмысления и освоения, то да пусть его не будет. Апокалиптика становится главным разделом православности и скорый конец – продолжением праздника. Но поскольку конец тот временно запаздывает, мы вновь и вновь прорубаем уже почти заросшую тропу в тот «Эдем, в котором нас не было» (М. Цветаева). Это как проект притвора Царства Небесного в отдельно взятой стране, огражденной высоким забором с ракетами от всех прочих таких, как этот мытарь. Мечта о православной империи так глобально овладевает нами, что все настойчивей стучится даже в наш Символ веры, словно намереваясь внести туда еще один важный монархически имперский параграф.

В каждом сердце есть свой уголок для Бога, но его застилают плотные покровы. И то и другое сплетается в нечто единое – религию с ее освобождающей Христовой легкостью в тяжелых облачениях, без которых мы не можем обойтись. Сбросить их совсем? Разумеется, это утопия, ибо мы останемся ни с чем, кроме тех же благочестивых слов, только плохо переведенных. Вера живет в теле, тело покрыто кожей и нуждается в одежде. Мы не знаем Христа по плоти, с нами – только тот Христос, который жив в Предании, облечен им, им явлен... но и по-своему отстранен. Где дальше, где ближе. Евангельски мыслящие наши богословы и публицисты (священники Георгий Митрофанов, Петр Мещеринов, Владимир Лапшин, Савва Мажуко...) часто говорят о православии без Христа, о былой красной лжи, ставшей ложью златой, византийской. В их протесте прочитывается всё та же борьба с огрузневшей религией, которая облекает собой *легкое иго Христово*. Но как

не вспомнить здесь, что *в доме Отца моего обителей много*, а Христом – Словом Божиим осеменен весь род человеческий? Я не стал бы говорить о «христианстве без Христа», ибо Христос по-своему «пребывает» всюду, где произносится Его имя. В том числе и на сакральном острове красиво-отчужденного языка, за забором идеологии, никакого отношения к Нему не имеющей. Он просвечивает через плотность всех вековых покровов, потому что обладает энергией, способной проникать и через них.

Будь это не так, Он бы давно задохнулся в ярости богословских споров первых веков, погиб бы в крестовых походах, стал бы привратником василевса в византийском дворце. Он часто оказывается в плену, но этот Пленник всегда способен освободить себя сам от ритуальных одежд, уйти из-под слишком тесного наблюдения и оберегания со стороны Своих служителей, вернуться в Евангелие из-под штандарта славы какой угодно иной идеологической верности. Но вернуться в Евангелие – значит вернуться в Церковь, ибо «Христианства нет вне Церкви». Но означает ли это полное, безоговорочное, необсуждаемое тождество между Христом и той Церковью, которую видим? Собственно, вот в этом весь наш вопрос.

В этом суть всех критик, протестов и реформаций: человеческий опыт, который постоянно ощущает какой-то зазор, а в иных случаях открытый раскол, между Императором небес, заключенным в опыте когда-то пережитой святости, и тем Собеседником, Странником, Другом, любящим Отцом и Судьей, с которым мы встречаемся с глазу на глаз. Если собрать все нагромодившиеся друг на друга «анти-» и свести к одному, это будет воинствующая античеловечность.

Повсюду ныне в Православной Церкви, прежде всего русской, явно или скрыто разворачивается конфликт между сакральным и реальным, где на стороне сакрального не только обряд, язык, словарь и календарь, но и мечтательно-тоталитарный диктат древней красоты вместе с мечтой о восстановлении империи. А на стороне реального – все ищущие, может быть, и вслепую, соединения Христа с текущей в нас жизнью, опытом и историей, готовые говорить с иными исповеданиями, искать в них иной лик Христов, не огрызаясь и не обижаясь на тех, кто будет ругать их как еретиков, модернистов, экуменистов, протестантов восточного обряда. Этот нарастающий конфликт подобен бунту Лютера, который не мог найти своего Христа в «римском мире», в индульгенциях, папах, заказных латинских мессах и заслугах святых. По сути, «своим», личным Христом Писания он взорвал этот мир, отколов от него целый материк невиданной прежде религии. Это был конфликт истории и институции, личной правды и безличной власти.

Да, Восточная Церковь – уж, видимо, такова традиция – благословляет всякую власть, и в то же время не пускает историю на свой порог. Там, в лоне ее длится наш древний литургический праздник, где каждый день отмечается память святых, особенно мучеников, где благоговейно прикладываются к чудотворным иконам, поются стихиры, читаются молитвенные правила... «Страстей мя смущают прилози, многого уныния исполнити мою душу: умири, Отроковице, тишиною Сына и Бога Твоего, Всенепорочная...». Небо, бросающее бомбы, и небо, источающее и принимающее молитвы, в нашем сознании не соприкасаются друг с другом даже мысленно. Возможно, сын какой-нибудь прихо-

жанки сидит в одном из этих самолетов, отстаивающих интересы «русского мира», и она молится Богородице, чтобы Она вернула его живым, но придет ли ей в голову молиться о том, чтобы та человеческая воля, которая посадила его за штурвал, стала бы милосердней? Это совершенно иная реальность, никакого отношения к молитвам и спасению не имеющая; отсюда туда не переходят. Те, кто переходят, уходят из Церкви.

В этом и состоит наша главная экклезиологическая боль и загадка: следует ли жить на благоуханном острове «неба на земле», куда никакие события не вторгаются, или попытаться перебросить какие-то мосты между ними. Литургический круг рассчитан на века, через сто или десять тысяч лет «на пыльных дорожках далеких планет» мы будем петь стихиры, отмеченные образным мышлением поэтов-подвижников VI–VII веков? Может, и человечество станет иным, и искусственный интеллект окажется куда эффективнее и даже милосерднее настоящего, а наш литургический круг всё так же будет неспешно вращаться? Или же это якорь спасения, за который из всех сил надо держаться, чтобы не утонуть и не раствориться в океане чуждой нам реальности? Или вектор движения истории в том, чтобы соединить земную правду с неиссякающим праздником, человечность Бога с вечностью Церкви?

Откликнитесь, кто знает ответ.

Брешия, май 2018

**РЭП-ПОЭМА,
ИЛИ
ЗАПИСКИ ПАЛОМНИЦЫ**

Татьяна Дубровская

Родилась в 1947 году в Псковской области в учительской семье. С детства занималась музыкой, закончила музыкальное училище и консерваторию по классу фортепьяно (Петрозаводск); сейчас работаю концертмейстером в музыкальной школе в Пскове.

Автор трёх книг прозы. Член Союза писателей России.

В 1988 году вместе с мужем Валерием Ивановичем Лединым (с 1994 года – монахом Иоанном) стали членами духовной семьи архимандрита Зинова (Теодора).

Эта семья-община занималась в Пскове восстановлением храма Рождества Иоанна Предтечи (XII век), затем – воссозданием монашеской жизни в Спасо-Преображенском Мирожском монастыре; строительством скита в деревне Гверстонь в 30 км от Пскова.

ПАМЯТНИК АВЕССАЛОМУ

1

В долине Иосафатовой, слепящим октябрьским полднем, с сестрою своею Ириной, мы шли по руслу Кедрона.

А было, в дождливые зимы, сбегая с вершин иудейских, он пенился, клокотал...

А ныне – иссохшее русло, извилистая морщина на лице долины Царской, маршрут пешеходный туристский, под стенами Ершалаима, взведенными Сулейманом, по прозвищу Великолепный.

Итак, ослепительным полднем, (плюс тридцать, если не боле), с сестрою своей Ириной, пия и лия минералку на темя, за шиворот даже (у каждой по литру бутылка) – на правый берег Кедрона к подножью горы Елеонской, точнее – в Гефсиманию, брели мы безлюдной долиной, что прежде звалась Царской, Иосафатовой также.

И я, отстав от Ирины, ворчала ей в мокрую спину с немалым горбом рюкзака: «Опять потащила все книги! Евангелие, я понимаю. Но Следованную Псалтырь?!. Ай, бесполезно спорить, эта ослица упорна. К тому же меня моложе на целых четыре года».

Слепили нас белые камни, лепящиеся друг ко другу клавиатурой органа, на плавных горы террасах.

То были надгробья кладбища, нет знаменитей в мире! Здесь все мертвецы в ожидании: три тысячи лет взыскуют пришествия Машиаха, который войдет – но когда же? – клинком в затвердевшее масло – вон в те Золотые ворота, заложенные Сулейманом по прозвищу Великолепный... Чтоб на закате мира, как баховскую токкату над огненным этим потоком, свершить Свой последний, Свой Страшный – Непредсказуемый – Суд...

– Ир, хочешь, чтоб здесь положили? В рай попадем – автоматом!

– Здесь не кладут, а сódят, – откликнулась тотчас Ирина, знающая все на свете про все мировые погосты. – И два миллиона за место.

– Шекелей, евро?

– Не важно. Помнишь, Дима сказал, и бесплатно могут, ежели есть заслуги перед народом Израиля.

Дима был нашим гидом, родом из мамы-Одессы, но все же вполне православным. И вот по его наводке, в свое свободное время отправились две пешеходки в

Гефсиманию. Чтоб снова в нее окунуться – в смолу той бездонной ночи...

– Скорей, – замахала Ирина и торкнула пальцем в табличку «The Tomb Abessalom», – гробница Авессалома, ты помнишь?.. Это же сын Давида, нельзя его пропустить!

С сестрой бесполезно спорить, кладбища ее стихия. Лавируя в лабиринте, как в клавишах До-мажора, она понеслася на встречу с библейским Авессаломом, которого я не знаю, хоть Ветхий Завет читаю Великим постом ежедневно.

– Вот он, – показала Ирина, – «Мир Библии», помнишь обложку? И памятник этот гробный как символ страны иудейской... Но кто-то уже там есть!

И правда, какие-то люди, и стук раздается какой-то, а мы тут совсем одни. Но раз уж сестренка решила, с ней бесполезно спорить, даже на псковском кладбище – а здесь така-ая могила – оживший Ветхий Завет! Смело спускаемся ниже, я за Ирины спиной. Спустились – и остолбенели.

Сам памятник, да, вспоминаю: на каменный гриб похожий, но шляпка в виде воронки... Но что это, кто это рядом?

Израильские ортодоксы!

Один с бородой и в шляпе, и в черном таком лапсердаке, стоит и, сильно качаясь, читает вслух толстую книгу, само собой – на иврите.

Ну а второй, о, ужас! Длиннющий худой пацаненок, в кипе, жилетке и в пейсах, чуть отбежав и прицелясь, – швыряет камнями в памятник Авессалому, в этот грибок беззащитный, символ страны Иудейской.

Кладбищенские вандалы! Все, как у нас в России. С сестрой мы переглянулись, друг друга поняв без слов.

Я вытащила свой мобильник. Взрослый еврей ни слова, не перестает качаться, читая себе и читая, само собой, на иврите.

– What is the matter? – Ирина моя вскричала. Английского ее хватит, чтоб вызвать мобильником «Police» и сдать этих двух вандалов, двух сумасшедших «доксов».

– What is the matter? (В чем дело?) – грозно кричала сестрица в долине Иосафата. А я трусовато поодаль, ярко себе представляя, что может случиться дале. Коль не убьют – покалечат, но хватит ли нам страховки, одна у нас на двоих?..

– Shame on you! (Как вам не стыдно!)

– Да говорите ж по-русски!

2

То гром среди ясного неба: «Да говорите по-русски!». Гром русский, сочно-глубокий, из чащи бороды иудейской – двум обалдевшим туристкам, в панاماх и босоножках.

– Таки говорите ж по-русски, да? – и тоном вполне добродушным, как ортодокс – ортодоксам.

Папаша, иль кто там, не знаю, поцеловал свою книгу, глубже надвинул шляпу и что-то сказал на иврите веснущатому вандалу. Кончай, мол, а то схлопочем! Но тот, прищурясь азартно, оскалясь одновременно, пальнул опять каменюкой и ловко попал, гадёныш, в отверстие под самой крышей.

– Зачем вы? – растерянно я спросила из-за спины Ирины. – Ведь это же ваша святыня... – и убрала с глаз мобильник. Пусть разбираются сами.

– Вы будете-то откудова? – спросил ортодокс с интересом и местечковым акцентом. Если б не черная

шляпа, почти с колесо телеги, вид вполне православный. Этакий служка церковный в начале прошлого века. Ктитор или псаломщик с картины, допустим, Перова: приземистый, невысокий, богатое брюшко – наружу, в белой мятой рубаше, короткие толстые пальцы, спутанная сивая борода.

– Из Пско-ова-а? – он даже воздел руки к небу, как батюшка в алтаре. – Не может быть: из Пско-ва! Да неужели – из Пскова?! – и так хлопнул себя по ляжкам, что выдал все-таки ортодокса ветхой веры. – За двадцать пять лет вижу из Пскова впервые. Вы правда, из самого Пскова? А я из Великих Лук, да? Это с вами рядом, как у нас до Сирии. Элькин моя фамилия – не слышали? Я у вас в Пскове много раз себя печатал, Элькин моя фамилия, Борух Натанович Элькин, можно просто Боря, да? И стихи, и прозу, даже басни – не читали?

Мы обе головой помотали, а вслух я сказала сердито:

– Что же вы, земляк, такой памятник губите, наверняка, он объект ЮНЕСКО.

Борух Натанович Элькин расхохотался, обнажив в неяршливо заросшем рту крепкие белые зубы.

– Нашли, чем пугать, юнеской! Да юнеска нам не указка, и мы, кстати, оттудова вышли. Так что мы сами знаем, да, что нам с этим памятником делать. Но то правда, что он объект отличный еврейского воспитания. Таки я говорю, да, Мордехай? – он повернулся к противному пацаненку, но тот, видно, по-русски ни бэ ни мэ, выковыривал носком кроссовки мелкие камушки и складывал в кучку. – Так что, девчата из Пскова, вы что думаете, зачем мы с сыном здесь, да?.. И не придумаете, да... Видите эти щербины, выбоины? А сверху еще рука торчала! За триста-четырееста лет все отбили...

– Три тысячи лет могиле, – хмуро вмешалась Ирина.
– Какой такой могиле? Здесь нет никакой могилы, да.
– Но как же! – не сдавалась моя Ирина. – Еще на обложке журнала «Мир Библии», помнишь, Татьяна, за 2003 год?.. И на указателе я прочитала: «The Tomb of Abessalom».

– Да мало ли что они пишут, тем более, по-английски, да? Я вон сам пишу и клею. Так вы точно меня не знаете по Пскову, да? Я даже в этом... как его... в «Юном ленинце» два раза печатался, да?

– В «Молодом ленинце», – не без сарказма уточнила я. – Между прочим, приказал долго жить.

– Как-как? – не понял Элькин.

– Да так. Образное выражение. Вы же, говорите, поэт?

– Ну... типа, – Элькин смутился, но был явно польщен. – Я теперь-таки пашквили работаю, да? Я первый пашквилист в Хабаде. Конечно, на пустом месте это бы не выросло, да... Псков, Пушкин... все такое, да?

– Так все-таки! – учительским тоном воскликнула Ирина. – Почему вы считаете, что это не могила? Откуда у вас такое мнение?

– Таки это не мое мнение, – вполне добродушно ответил Элькин. – Вы Библию плохо читаете, да?

Он даже развел руками перед носом Ирины. – Там все это есть, читайте – Вторая книга Царств, глава восемнадцать: «Авессалом при жизни своей поставил себе памятник». И этот уже, наверное, третий по счету, да.

– Вот те раз, – я немного растерялась. – Простите... Вы кем-то себя назвали?

– Пашквилист, да. Сочиняю пашквили.

– Это пасквили, что ли? На кого?

– Ну, как вам сказать. Уличная литература, да? Типа еврейские дацзыбао. И я первый пашквилист нашей

общины. Я из Хабада. На всех тумбах меня прочтете. На иврите, да... А на свадьбах я бадхен. Рифмач, короче. А во Пскове, говорите, Элькина не помнят? И стихи, и прозу в газетах печатал. Я ведь чуть-чуть не вступил в Союз писателей. Одного голоса не хватило, да... Я разозлился и в восемьдесят шестом уехал...

Еще поговорили, нашли кого-то общих знакомых из культурного псковского пространства, но фотографироваться Элькин отказался: Хабад запрещает. Тогда мы распрощались и потопали с сестрой дальше: выше и глубже – в Гефсиманию.

3

– Слушай, вот это да! – зашептала я Ирине, когда мы отошли немного. – Ведь я его вспомнила! Точно, это он, и правда, тогда во всех жанрах писал. Тощий был, в очечках темных... По-моему, даже басни... Я его по этому «даканью» вспомнила... А ему говорят: «Хватит на Псковскую область одного баснописца Афанасьева...». Кажется, он был учителем, так рвался в этот Союз...

– Эй, эй, погодите! – услышали мы за спиной отчаянный глас. Борух Натанович Элькин, тяжелый и черный, как какой-нибудь страшный бык в Испании, несся на нас с Ириной. Сейчас как подцепит нас на рога своей шляпы! – Девчата, вы, правда, из Пскова, да?.. И догнав и задохнувшись, стащил свою шляпу – и сразу наш страх пропал. Просто пожилой лысый еврей. Вытащил из кармана лапсердака огромный, чуть ли не женский головной, платок и весь утерся от пота.

– Значит, это мой шанс. Если хотите, да? У меня как раз есть что вам надо. Погодите... «Памятник Авессалома» хотите, да?..

Пригодилось-таки, я ведь десять лет, еще до Хабада, по вашим объектам водил. Гефсимания, Храм Гроба, и все такое... Заготовочки вот в портфеле до сих пор ношу. А вот это не использовал ни разу. Я ведь, как это, да?.. Вижу, слышу – и пишу. То есть говорю, да... как эти... акыны, да? Сразу... Это недолго, на полчаса, хотите выслушать? Слушайте, впервые, как теперь говорят: мировая премьера, да? Тут ведь ваши не ходят. Вы – впервые. Это ж надо – из Пскова! Дайте мне шанс... земляку, поэту. Ради Александра Сергееча, да? А Мордехая отпустил-таки в интернет-кафе, хоть это Хабад запрещает... Только сядем в тенечек, да? Сегодня хоть и не жарко, плюс тридцать два, а так будет спокойней. Никто здесь нас не увидит, да... Это ж надо, какой шанс! Из Пскова!.. А эти камушки – заготовки для могил. Самое дорогое кладбище...

– Знаем, знаем, два миллиона за место.

– Ну, это вы хватанули, но, да, стоит прилично. Ваши артисты уже приценивались: Кобзон, Пугачева...

– А нам сколько это будет стоить?

– Что, могилка?

– Да ну, экскурсия ваша.

– Это как ваш кошелек располагает, да? Мне ведь что захотелось – русского внимания! Я стихами во сне говорю, чтоб рифму русскую не забыть... Только одно затруднение, да... По ходу нужна будет эта книжка. – он вытащил из трепаного портфеля книгу в тисненном кожаном переплете, листнул слева направо – На иврите она называется «Тегилим», а по-русски... вот и запоматывал, хоть диплом филолога имею, да... Между прочим, ваш, псковский. Имени Кирова, да?

– А у нас она называется – Псалтырь! – сестренка моя Ирина, победно сверкнув глазами, вытащила из рюкзакашки Следованную Псалтырь.

– Ни фи́га себе, да!?! – Элькин аж свистнул. – Везли из самого Пско́ва?.. Тут два килогра́мма, не меньше. – Ли-стал те́перь справа налево. – Будете мне помогать. Я вам но́мер – а вы пса́лом...

4

Он сел на самый большой камень, широко расставив ноги в мятых брюках и стоптанных черных ботинках, закрыл глаза и молча стал зачем-то качаться вперед-назад. Качался минуты две. Я так вежливо покашляла. И вдруг заговорил изнутри себя почти что утробным басом:

– И́так, как она называется?.. – Следованная Псалтырь!.. Да-да, над покойником чте́те, и в це́ркви вашей в поче́те, я ви́жу: зате́рта до дыр. Слеза́ми за́капана, воско́м... Бы́в ги́дом, хо́дил к вам не раз. Ка́кой на подво́рье мо́сковском бы́л пре́жде ши́карный ба́с!.. Но что за картинка Дави́да! В коро́не, ба́сме, в пе́рстнях... Да здесь он славя́нского ви́да: Са́дко, прости́те меня. Не́т, в э́том обли́чье рисо́ванном, в ри́зах зо́лото-ко́ванных, к о́вцам ему не скло́ниться. Ви́за́нтия, как го́ворится!

Что это он? Стихи свои, что ли? – я насторожилась и тоже прикрыв глаза, пыталась понять, о чем эта рифмованная речь в этом полуфантастическом совершенно пустом пространстве. Безоблачное небо, нестерпимое солнце, тысячи и тысячи белых могильных камней...

– Ой, вы это напрасно! – встряла, разобравшись и обидевшись за Дави́да, се́стра моя Ири́на. – Во́т, в на́шей Псалты́ри е́сть 151 пса́лом, а у вас его не́т. Мо́жно, его проче́ту?

Элькин кивнул, не раскрывая глаз (читал свое, и правда, как акын, с закрытыми глазами), но был, по-моему, недоволен.

А Ирина заговорила-запела на хорошем церковно-славянском:

Мал бех в братии моей, и юниший в дому отца моего, пасох овцы отца моего.

Руце мои сотвористе орган, и персты мои составиша псалтырь.

И кто возвестит Господу моему; Сам Господь, Сам услышит.

Сам послал Ангела Своего, и взят мя от овец отца моего, и помаза мя елеем помазания Своего.

Братия моя добри и велицы: и не благоволи в них Господь.

Изыдох в сретение иноплеменнику, и проклят мя идолами своими.

Аз же, исторгнув мечь от него, обезглавив его, и отях поношение от сынов Израилевых.

– Ну, видите, здесь же кратко все житие царя Давида, а вы такое говорите... – тут я толкнула Ирину в бок, – ой, простите, Борис... можно без отчества? Продолжайте, пожалуйста.

– Саул! Высился монументом, как Первый ваш Николай. По росту Саул – царь стопроцентный, а Богу стал – никакой. Давид!.. Рыжий колхозник этот – теперь помазанник он. Ладонями с въевшейся сажеей стронул саулов трон. Но видели вы Пушкина, гордо воссевшим на троне?.. – Так и Давиду душно под вашим окладом в иконе.

– Вот это да... Вот это да так да! – повторялось во мне одно и то же, как припев. Ну да, припев мой – а рэп, или, как он сказал, пашквиль, что ли – его. Он рэпер, этот Борис Элькин, не акын, а самый настоящий

рэпер, только притворяется каким-то «пашквилистом». Вот это да!..

– *Другая его природа. Пустыннического он рода, рыжеволосый поэт. Пасет ли овечью отару, бросается львенком в атаку, целует ли Авиталу – Давид и во сне поет. Из страннической природы златословесный поток – жизни, звенящей к Богу – и встречной любви потом!*

Тут вдруг Элькин перестал качаться в такт, раскрыл глаза и кивнул Ирине: «Читайте псалом сорок первый».

А та только этого и ждала:

«Имже образом к Тебе желает елень на источники водныя,

Сице желает душа моя к Тебе Боже.

Возжада душа моя к Богу крепкому живому:

Когда прииду и явлюся лицу Божию?..»

Тут я не выдержала. Не перечитывать же теперь всю Псалтырь!

– Борис, простите! Все ясно: Давид – это «ваше все», но мы-то идем в Гефсиманию, времени у нас мало. Можете вы нам конкретно только об Авессаломе? Псалмы Давида мы читаем в церкви и дома каждый день, а вот про Авессалома почти ничего не знаем.

– Не знаете Авессалома, третьего сына Давида? – и впрямь удивился Борис Элькин, и даже глаза приоткрыл, такие устало-восторженные коричневые иудейские глаза, (ему, наверно лет 60–65), но тут же и снова их прикрыл, и ветхозаветный рэп потек снова, уже не басом, а гораздо выше, почти баритональным тенором.

– *Волос – аж голову ломит, у женщин таких не видано. Стриг себя ежегодно, кудри сдавая весом цирюль-*

никам из Аишдода, Хеврона и даже Кадеса. Из черных волос шиньоны, косы и парики хватали лысые жены как теплые пирожки.

От этих волос и погибель... но это еще не скоро. Покуда же сын Давидов чертит в тетради узоры... У рыжего Давида чернявым сынок уродился, весь смуглый от пяток до темени, внуком царьку приходился, язычного темного племени.

Все детство провел у деда, сирийского князя-царька, там чащу тщеславья изведаль и славы царской взалкал. «А бровки у внука, а ушки! Красавец до самой макушки! Ни в чем не найдешь недостаток, от черненьких глазок до розовых пяток». Дед целовал в подгузник: внук царский Авессалом! Чуть пукнет – целует в пук, чуть пискнет – певец и он! Едва забряцал на гусях – «Талантлив Авессалом!» – но гоготали гуси, поддерживаемые ослом. Но грезил себя в короне, на троне слоновой кости, чтоб кланялись как иконе, а он, со скиптром и тростью, пред хором многоголосым, сидел бы царем-солистом, роскошно-смольно-волосым, гордо-презренно-игристым.

И вот однажды на пирушестве, где возлежал отец, спел сын ему несколько виршей – и ждал от отца: «Молодец!..».

Давид отозвался сурово: «Музыка – стезя не твоя! Попробуй на овцах, коровах, чтоб слушали затаясь. Знаешь, скотина правдива, не смотрит она на лицо. Ужели тебе не противны речи придворных льстецов? И что ты поешь? – Ваала! – Того, которого нет! Да нянька тебе нагала, что ты музыкант и поэт... Нет, дело тебе другое (не знаю покуда, какое), назначил Всевидец-Господь... С такою негибкой рукою о цитре, сынок, забудь».

5

«Вот дает, а?! Вот это да, – бормотала я в себе свой припев. – Точно, рэпер. И все наизусть... Иногда только в свои бумажки заглядывает. А, может, и вправду, поэт? А мы его во Пскове не приняли... То есть, что значит – «мы»? Я ведь воздержалась, хорошо помню. Это были мои первые выборы. В сумке лежал и грел душу новенький билет члена СП. А тут этот Элькин... Я еще подумала: с такой фамилией – в писатели?.. А ведь он очень рвался, всем давал себя читать, какой-то сборник в Луках издал. Я глазами только в перерыве посмотрела... не помню, что. Было бы хорошо – я бы проголосовала. И сейчас считаю, что была права: ни «да», ни «нет». Короче, воздержалась. А у него, оказывается, одного-то голоса и не хватило. Моего, что ли?.. Получается, моего. А он так рвался в этот Союз писателей, который теперь почти развалился. Ну и что?.. А то, что батюшка мне говорил перед отъездом, отец Владимир: «Татьяна, а вы не боитесь ехать?» – «Это в каком смысле, батюшка?» – «Как бы вам объяснить... Вот я боюсь ехать в Иерусалим» – «Из-за террористов?» – «Не только. Это ведь такое место – единственное – там все может случиться. Вспомните что-нибудь... встретите кого-то... Там все как на ладони, вся жизнь...».

6

Сказал – и снова в походы... В год виделись раз-другой. К себе сам отбил охоту, гарью пропах, войной... Уже поредели немало кудри его золотые – а впрочем, не стало кудрей. Годы прошли молодые, стригся под ноль, без затей.

Так, значит, отцовы таланты Авессалому – втуне?! Повисли на цитре банты, порваны в злости струны. И быть ему, значит, водою, пролитую на землю? – Такой не доволен судьбою, судьбу свою не приемлю!.. Но глянулся в зеркало медное, узрел лица красоту, лунную и надменную, и спелый жемчуг во рту. В гламуре его планида! Нет краше в Израиле сына Давида! Нет пальмы стройнее, и кос длиннее, нет царственной взора от Юты до Асора!..

Авессалом, облитый духами, руно смоляное по пояс, не баловал больше стихами, к цирюльне удачно пристроясь.

Давид сорвал себе голос, воюя Иерусалим. – Авессалом завил себе волосы, и слава кружилась над ним. К окнам цирюльни приникли: красавчик! Совсем не в отца, волосьев – на двести сиклей! Вот царственная овца!..

От этих волос и погибель – но это еще не скоро. Чертит третий сын Давидов в тетради своей узоры для царских каменотесов (держа, впрочем, дело втайне). Пилили утес за утесом, как бы на постройку зданья. «Нет у меня сына, – раскрылся послам дворцовым. – Пусть будит эта храмина чувства во мне отцовы. Давид меня не прославит, боится Давид отлома. Я сам себе должен поставить памятник – Авессалому!».

– Борис, так, значит, это все правда? – поспешила я спросить, покуда наш рэпер смачивал горло водой из бутылки и промокал вспотевшее лицо мятым синим платком. – То есть, неправда. Это, получается, не могила, а памятник его... его тщеславию?

Элькин, по-моему, меня не слышал.

– Давид, наконец, на троне. С лысиной под короной, пух золотой вокруг. И говорит одна из подруг: «Царская

риза тебе длинна. Я подошью, мой друг? – Не надо. Амнону будет годна...».

Амнону?! – Авессалом рыдает. – Этому первенцу, дылде? Что за столом рыгает, и невдомек, что стыдде... А он, красавец-сын у Давида? (Детей у царя без счета.) Зачем он родился третьим? Такая взялась обида! Казнил своего звездочета. Сдружился с надменной Мелхолой, смеющейся над царем, пляшущим полуголым: Ковчег проплывает по долам! В Иерусалим, в свой Дом!..

Элькин снова открыл глаза:

– Вас звать Ирина, да? Читайте псалом 99... – и вдруг вылил на себя, прямо на шляпу, всю бутылку воды.

*Воскликните Богови вся земля:
Работайте Господеви в веселии,
Внидите пред ним в радости.
Уведите, яко Господь той есть Бог наш.
Той сотвори нас, а не мы:
Мы же людие Его, и овцы пажити Его...*

– ...с мачехой ржали вдвоем. И оба остались бесплодны, Мелхола и Авессалом. А пляска Давида – угодна Господу, и крепнет Давидов дом. По-райски звучат подруги-струны старой псалтири. Без зримых трудов, без натуги... Но... Моцарт – и без Сальери?!

Почувствуйте эту муку красавца от пяток до тмени: смотря на отцовскую руку, в мозолях от пращи и лука, стenal он от зависти бремени. Так этот артист самородный (из пастухов – в цари!), Давид, отец его родный, своим баритоном дарил такое блаженство для уха, бархатную благодать, – что зависть, зачавшись глухо, толклась на поэта восстать.

Пронзенный струной печальной, сбегал от отцовского голоса: «А я что?.. Одни только волосы...». И зависть, бесплодно-отчаянная. Так шли не месяцы – годы. Беременела душа завистливою несвободой, шкурой змеиной шурша.

7

Тут я впала в прострацию... Ничего не понимаю... Что я? Где я?.. Час назад всего мы еще были в отеле «Империял», вылезли из-под холодного душа – а теперь на меня обрушился другой душ, из вроде бы русских слов, но каких-то хриплых, гортанно-горячих... по-моему, у меня температура поднялась... Да откуда он свалился нам... нет, не нам – мне – на голову? Откуда он вообще взялся, этот... как его...ну допустим, Элькин? Да был ли он вообще во Пскове? Или это треп... Или рэп – это и есть треп? Или я уже того... брежу от этой жары... Господи, скорей бы он замолчал! Вот это и есть – приехать в Иерусалим – и шататься тут в одиночестве. Меня ведь предупреждали... Да еще в долине Иосафатовой!.. Тут ведь Страшный Суд начнется... А может, он уже и начался? – Для меня... А что я? При чем здесь я? Что, я не имела тогда право воздержаться?.. Я же его в первый раз видела. И в последний... Оказывается, не в последний – вот, встретились. Постарел, однако, расплылся. Как и я... А ведь мы с ним ровесники. Только что он меня не помнит. И слава Богу! А то еще претензии начнутся: почему воздержалась?.. Да потому... Потому что не Пушкин. Даже не Бродский... Да-а, вот влипли... Это все Ирина... Мало того, что заставила меня этот памятник смотреть – так теперь, вон, слушает эту рэп-поэму во все глаза и уши... даже

участвует со своей Псалтирью. Прямо ансамбль получился, в четыре руки...

8

– Тут похоть змеиной повадкой в царственный дом вползла. Про случай – знаете? – гадкий – с Урией – но это ползла. Влюбился Давид до жути. Седой уж... не ел, не спал... Придумал. Убил, по сути, Урию. На верную смерть послал... И овладел женою Урии – Вирсавией... И зачала она. Но совестью сторожевою был царь истерзан сполна...

– Это пятидесятый псалом! – вскрикнула Ирина, и я вдруг очнулась.

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей... – он у нас перед Литургией на третьем часе каждый день читается.

– Ну так читайте, пока я передохну, да? У вас вода осталась? Одолжите, псковчанки...

– Пожалуйста, но правильно – псковитянки, а если из Великих Лук, то, да – великолучанки...

*Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей,
И по множеству щедрот Твоих очисти
беззаконие мое.
Наипаче омой мя от беззакония моего,
И от греха моего очисти мя...*

Тут наш рэпер поднял ладонь, приостанавливая нас, – и дальше мы выступали дуэтом, вернее, трио, потому как – и я пятидесятый псалом знаю наизусть.

– На речь-то об Авессаломе: что это событие – ему? А он весь – презренье холопье, к тому, кто в пыли, на соломе – к Царю, к отцу своему...

*Тебе, Единому согреших,
И лукавое пред Тобою сотворих:
Яко да оправдишия во словесех Твоих,
И победиши, внегда судити Ти...*

– Опять, мол, папаша нашелся, и сочинил псалом. И грех, как в воде разошелся. И сын был рожден – Соломон!.. И вдруг, как с цепи сорвался: папаше все можно, мне – нет? Грех смертный папаше списался за сей покаянный сонет?!

*Се бо в беззакониих зачат есмь,
И во гресех роди мя мати моя...*

– Так отличать стихотворцев!.. Другим и прощения нет? Иль Бог иудейский потворствует – поэтам – зане Он и Сам – Поэт?!

*Се бо истину возлюбил еси,
Безвестная и тайная премудрости
Твоя явил ми еси...*

– Но есть еще боги литые: железные, золотые! Посмотрим еще: кто – кого? Да хоть и отца своего!..

9

Пятидесятый псалом сделал свое дело. Я очнулась, голова просветлела, и меня, как в эту воронку на памятнике Авессалома (и точно: руки сверху не хватает) втянуло в рэп-процесс. Следила за дирижерской ладонью Бориса Элькина, держала пальцем строки псалма, чтобы не сбиться и вовремя вступить...

*Окропиши мя иссопом, и очищуся:
Омыеши мя, и паче снега убелюся.
Слуху моему даси радость и веселие:
Возрадуются кости смиренные.*

– Но похоть из царского дома, змеиная, не извелась. С насильником, братом Амноном, как справится царская власть?.. Молчит царь... Вам что, непонятно? Первенец этот Амнон. До смертной изжоги отвратно: сестру изнасиловал он. Фамарь в заточение вольное к Авессалому пришла. Смотреть на сестру так больно. С ума бы сестра не сошла...

*Отврати лице твое от грех моих,
И вся беззакония моя очисти.
Сердце чисто созижди во мне, Боже,
И дух прав обнови во утробе моей.*

– И, задыхаясь от мести, вынашивал самосуд: овец буду стричь в поместьи... братьев приглашу за шерстью... и там пусть Амнона проткнут!.. Поскольку добрый папаша не хочет руки марать – Амнона, эту собаку, парашу, эту овцу – заковать!..

*Не отвержи мене от лица Твоего,
И духа Твоего Святого не отыми от мене.
Воздаждь ми радость спасения Твоего,
И духом Владычним утверди мя.*

– Скажите, как царь возмутился: Амнона – увы и ах!.. Месяц, наверно, не брился... Авессалом в бегах...

*Научу беззаконныя путем Твоим,
И нечестивии к Тебе обратятся.
Избави мя от кровей Божие, Божие
спасения моего:
Возрадуется язык мой правде Твоей.*

— Охо-хо!.. Вот это да!.. — бились во мне и царапались друг о дружку две невысказанные мысли. — Завет называется Ветхим — а столько крови, гнева, страсти. Грех на грех... А где умножается грех... Но знает ли о нашей Благодати этот поэт-репер? То говорит, то вскочет, то сядет... Весь в черном, весь уже мокрый... А мы, тоже, две городских сумасшедших в белых панамах... сидим слушаем, открывши рот. Нет чтоб встать и сказать: хватит нам уже Ветхого Завета! Нам надо вон туда... в Новый... в Гефсиманию. А там что? Не зависть ли? Каиафа... Иуда... А этот наш поэт из Хабада? Спросить бы: вы кто по отношению к нашему, к Новому Завету? Хабад, по-моему, в России родился, где-то недалеко от Пскова, в Белоруссии, что ли...

— ...Авессалом в бегах... Тоже зарос, развился, завишел, оцепенел... Царем прощенный, явился... Стал дерзок, увертлив и смел... Стал, наконец он семейным — в семье не найдя благодать... И права в дворце не имел он — лицо царя увидеть... Ах так?! — Завел своих скороходов, стал лично судить да рядить. Чужие сжигал огороды, свои не хотел засадить... Теперь он второй по счету. А первый не в счет — Далуия, кто царского вряд ли почета дождется (короче: да-и-его-я)... Останется преткновеньем последний сынок — Соломон, давидово стихотворенье, пятидесятый псалом...

Счастлива судьба стихотворцев! Им Бог иудейский потворствует... Но есть еще боги иные: молодые,

жестоко-литые! Их месть в моей царской крови. Как в нефту, сую головню. Поэту в царях – доколе?! Отцу объявляю войну!

10

...Встать, что ли, сказать спасибо, и хватит... Неудобно... Поэт все-таки, ишь как старается для русских дур. А сколько надо заплатить? Шекелей-то у нас кот наплакал, есть, правда, русская тысяча, но возьмет ли... Нет, сейчас встану, извинюсь и скажу: Боря, вы молодец, русский язык совсем не забыли, и рифмы бывают удачные – но нам надо в Гефсиманию... И еще. Но как бы это объяснить... Короче, наш гид Дима предупреждал быть осторожнее с тутошними ортодоксами. И камнем могут, и обозвать неприлично... мы ведь православные, понимаете?..

И тут вдруг случилось маленькое чудо: поэт Борис Элькин услышал мои мысли!

– Зовется Гефсиманией горы Елеонской подножье. Оливки здесь искони давили. И было положено жмыхом удобрять долину, что вдоль потока Кедрон. Принадлежала Давиду, покуда царем был он. Был царь – но теперь он изгнан, со всем своим царственным домом. Смотрите: босой и замызган – сыном Авессаломом. На этой самой дороге, что было потоком Кедрон, не стал обмывать он ноги, слезами умывается он...

– Борис, минуточку! Значит, мы с сестрой идем в Гефсиманию путем царя Давида?

Но Элькин только махнул Ирине: – Давай третий псалом.

*Господи, что ся умножиши стужающим ми;
Мнози встают на мя,
Мнози глаголят души моей:
Несть спасения ему в Бозе его.*

– Тань, ты представляешь?! – горячо зашептала мне прямо в ухо сестра. – Я теперь только и поняла, с чего начинается Шестопсалмие на Утрени. Вот здесь это все было: Давид шел и плакал, и на него бросали камни и грязь бывшие его слуги, и он им не противился... А мы барабаним без понятия, главное, чтоб в десять минут все шесть псалмов уложить... Борис, простите, я продолжаю!

*Ты же Господи, заступник мой еси, слава моя,
И возносяй главу мою.
Гласом моим ко Господу воззвах,
И услыша мя от горы святыя Своя.
Аз уснух и спях:
Востах, яко Господь заступит мя.
Не убоюся от тем людей, окрест нападающих на мя.*

– Представляешь, Тань, и с Креста на Голгофе будет звучать этот же псалом... разбитыми, распухшими губами... И тоже – не противясь...

*Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой,
Яко Ты поразил еси вся враждующия ми всуе,
Зубы грешников сокрушил еси.
Господне есть спасение,
И на людех Твоих благословение Твое.*

– Авессалом на отцовом троне. «Наш царь, во веки живи!..» Лъстецы все, ворье в законе, какие евреи – жиды!.. Я царь ваш! А что мне делать? Ну там... решать, управлять? – С твоим-то роскошным телом?! В твоих волосах благодать... И дали совет на ухо: Что царь – покажи это нам. Войди... К молодым и старухам, к наложницам и женам – к Давида, сиречь, гарему, к тому, что на крыше дворца. Войдешь – и решишь теорему – царскую. И тем победишь отца!

Послушался. Жен и наложниц – отцовых – по очереди осквернял. Для смеху, с помощью ножниц им темечки оголял... Стонал от сего бесстыдства град царский Иерусалим: за то, что отца унизил – не будешь прощень ты им!..

Скоро конец, – вздохнула я с облегчением. – А ты сячу все-таки предложу, у нас во Пскове это неплохой заработок за час. Ирина читала четвертый псалом, но я уже не слушала. И опять, как в тот раз, Борис обратился лично ко мне:

– Узнала Авессалома? Какой-никакой полководец. Сквозь чащи и буреломы ведет свой продажный народец. Дерзает сразиться с Давидом (отцом уже не называет): Отмицу за рожденья обиду (о Боге совсем забывает!). ...Ведут его медные боги, из Сирии, из Гессура, грохочут железные ноги, сверкают их острые роги... Сказать не успеет Давид: Ах вы... –

Но Полководец Давида –

Яхве!

И Он управляет сраженьем как шахматною доскою. Дланью фигуры сметает. Бесславное поражение. Мат. Со злою тоскою Авессалом убегает на быстром муле. О чем его скрежет зубовный? Уже не о

царстве – о шкуре. Спасайся! Гони в этот лес дубовый!.. Не надо ни славы, ни трона... О, жизнь! Вожа-деленнее нету. И нет никакого схрона. Одни лишь суки и ветки... Как иглами исполосован красавец, с кровавой соплею – и вдруг, зацепившись власами – повис на суке над землею. Грива держала так крепко, что взвыл от тоски и от боли, и мул убежал оттоле, и плача, суча ногами и извиваясь червем – проклятые волосы-верви! – стал он живой мишенью и легкой, как смех, добычей – стрелою в сердце сраженный и на земле добытый.

12

Мы с Ириной, не сговариваясь, перекрестились.

– Семейная кончилась драма? – спросила я Бориса, и он снова, как было вначале, закачался взад-вперед.

– *Нет, в сердце отцовом Давида разверзлась новая рана: Где сын мой?.. Среди пленных не видно... И возрыдал неподдельно, что уберечь не смог, и траур держит неделями... Авессалом, сынок!.. И лопнула верхняя дека, и голос совсем пропал. И близкого нет человека, а Соломон еще мал... И к памятнику, что заране Авессалом поставил себе – ходит пешком, рыдая, об Авессалома судьбе...*

13

...Где-то часа через три мы снова были в своем отеле «Империял» и, охладившись под душем, лежали, вымазавши обгоревшие лица детским кремом и задравши гудящие ноги на спинки кроватей.

– А зачем ты ему тысячу сунула? Что он будет с нею делать?

– Ты что, забыла? Как раз тысячи-то русские они меняют. Ну, а нет – на память оставит.

– А почему ты такой адрес дала? Что это такое: Ленинина, дом 3?

– Ир, это же адрес писательской организации. Раз у него нет интернета, Хабад запрещает, а мальчишка его русский не знает – ну что, скажи, остается? Только почтой. Перепишет, сказал, от руки, он все от руки пишет и на тумбах клеит – ну вот, придет во Псков бандероль, что-нибудь там придумаем. Хоть отрывки, но надо напечатать. Я ему морально должна, понимаешь...

– Допустим. А ты поняла, зачем они в памятник камнями кидали? Беса, что ли, изгоняли, как мусульмане в Мекке?

– Вот тут, Ира, я и сама не разобралась, тут как раз мальчишка подошел, и он быстро заговорил. Будто бы существует такая традиция, когда в семье есть проблемы с детьми – а у него шестеро – и ничего не помогает: ни психолог, ни ремень – тогда идут к этому памятнику. Парень этот, оказалось, пилит на скрипке, Хабад скрипку не запрещает – а проблема в том, что у него не получается вибрация. А у брата троюродного – скрипка как соловей... Кто их знает, может таким вот средневековым образом изгоняли зависть?..

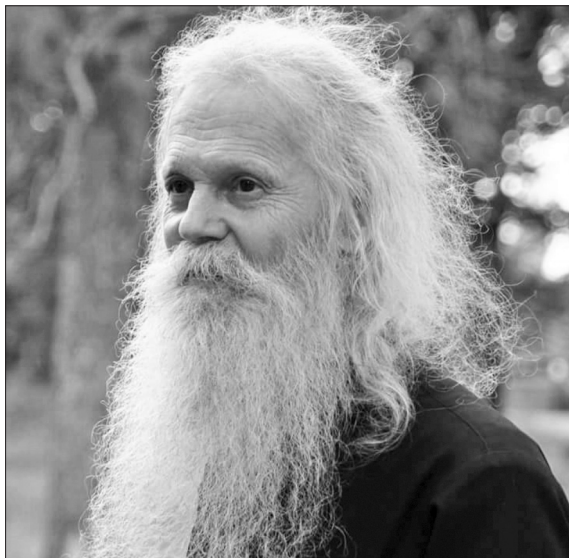
– А ты бы сказала, что у нас на это исповедь есть...

– А ты что ж промолчала?.. Да, он еще предупредил, что если получится напечатать, то только под другим именем, а то Хабад запрещает... Ладно, давай помолчим, может, уснуть удастся...

Назавтра, в шесть утра, по местному, мы должны были отправиться в Галилею: Назарет... Фавор... Иордан. Не забыть бы только в отеле, как в 2010-м, крещальные рубахи...

Псков – Иерусалим – Псков, 2017

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)
(1938–2016)

К 80-летию со дня рождения

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПРОПОВЕДИ

Из гомилетического наследия

24.01.1998. Литургия

Мф 4:1-11

После крещения на Иордане Иисус Духом Святым был возведен в пустыню для искушения от диавола.

Он лицом к лицу встречается с тем, кого нужно победить в этом мире и от власти которого нужно освободить всё человечество. Диавол искушает Иисуса Христа материальными благами, чудотворением и властью. И из всех этих искушений, испытаний Иисус Христос выходит победителем; потому что Он не земной мессия, не тот, который должен установить на земле тираническую власть, которая подчиняет себе всех; а Он пришел для того, чтобы усыновить падших людей, соединить их с Богом.

Принять всё, что предлагает сатана, значит остаться в границах этого мира и жить его законом. Когда Иисус Христос сотворил чудо умножения пяти хлебов и двух рыбок – и люди, видевшие чудо, сотворенное Им, хотели сделать Его царем – Он удалился на гору один. Т.е., Он дал этим понять: вы ищете не то, что вам нужно; вы ищете рабства, а Я пришел дать вам свободу; Я хочу вас сделать не рабами, а сынами Божиими.

Рабом мира сего человек становится тогда, когда он любит богатства мира сего. И диавол, зная эту слабость человека, искушает Иисуса Христа, потому что Он –

тоже Человек, он Богочеловек; и искушения Иисуса Христа не мнимые. Мы не знаем, в каком образе это было: или видение, или это происходило внутри Иисуса Христа, – но об этих искушениях в пустыне Он Сам поведал Своим ученикам.

Достоевский говорил: человек наелся, а дальше что? Т.е., если погрузиться только в материальное, можно стать его рабом и оторваться от Бога; возлюбить больше, как мы уже говорили, творение, чем Самого Творца. Искушение чудом Иисус Христос тоже отвергает, ибо эти чудеса творятся для самоутверждения, для того, чтобы ещё больше поработить тех, кого своей властью покоряет творец чудес.

Иисус Христос творил знамения... Верное замечание сделал один священник: слово «чудеса» не употребляется в Евангелии на славянском языке; там то, что в синодальном переводе названо *чудом*, именуется *знамением* (а в синодальных переводах вы постоянно встречаете слово «чудо»). Зна́мение – знак присутствия Божия в мире. И Христос творит чудеса не для того, чтобы показывать Свою власть и чтобы этой власти боялись, этой власти подчинялись, – Он творит знамения из милосердия. Он исцеляет и кормит голодных, потому что сердце Его сострадает и сочувствует тем, кто нуждается в Его помощи. Поэтому Он показывает искусителю, *что* для Него есть сотворение знамения.

Он пришел обновить этот мир, и знамения, которые Он творит, они есть жизнь, обновление жизни. Знамения настолько привычны стали уже для апостолов, что они даже и не замечали их, им казалось естественным, что мир обновляется благодаря милости Божией, любви Его – и что знамения творятся только ради этого.

И искушение властью отвергнуто, потому что и жизнь лучше на земле устраивается, и обновляется этот мир – не силой, а правдою Божией и любовью. Правда не в силе, сила в правде, – гласит народная поговорка. И Христос являет миру любовь, которая обновляет мир, преображает его.

Но эти искушения, о которых говорится в сегодняшнем Евангелии, они не исчезают из нашей жизни. Иисус Христос вступает в единоборство с сатаною для того, чтобы нас научить бороться с этими искушениями.

В частности, ныне искушение властью является в жизни человека очень сильным препятствием на пути к Богу: не только в личной жизни христианина, когда мы бываем искушаемы стремлением командовать, люблением почестей, власти, но и перед всей Церковью стоит это искушение. Государство хоть и боролось с Церковью, но не отказалось от стремления использовать Церковь также в интересах государственной власти, сделать её религиозным учреждением, в котором был бы на первом месте не Дух Святой, не любовь, а авторитарность, внешняя сила, командование. И тот, кто хочет жить любовью, в Духе Святом, естественно, не приемлет этого искушения, не соглашается с ним и старается жить в Духе и любви.

И Господь нас призывает идти только таким путём: путём любви, смирения, а не власти. Он и Сам явился к нам не в виде сильного Мессии-завоевателя, а в образе кроткого Младенца в вифлеемских яслях, беззащитного существа: и этим Он показал нам, Кто Он есть и что Он принес на землю. Младенца любят, младенца не боятся, и Младенец Иисус Христос должен быть для каждого из нас образом жизни христианской, т.е. мы должны быть кроткими, простыми, милосердными и

незлобивыми. Если мы незлобивы, значит мы живем любовью.

И дай, Господи, нам всем быть похожими на этого Мессию, не мессию-завоевателя, которого ждали, а на Мессию любящего, врачующего, исцеляющего этот больной мир и душу каждого человека Своей любовью. Аминь.

24.01.1998. Вечерня

...Читая 43-ую главу пророка Исаяи, мы слышим о свидетелях Бога, Бога Живого. Т.е. о тех, кто познал Бога и полюбил Его, живет Им, и другой жизни у него нет, только эта – жизнь с Богом, жизнь в Боге. И другую жизнь, когда поклоняются богам, т.е. идолам – такой человек, познавший Бога как любовь, принять не может, он её отвергает, считает её ложной. И если даже случится, что его будут принуждать жить такой жизнью, отказываться от жизни в Боге и принуждать к поклонению идолам, – он проявит мужество, он будет верным Богу, ибо для него это высшая ценность, то, чем он живет и без чего нет жизни (ибо разрыв с Богом – это смерть). И те, кто могут до конца быть верными Богу, и кто такую жизнь считает *жизнью*, того Писание называет, вслед за Господом, свидетелями.

Они, свидетели, говорят о том, что видели. Но Бога мы не видим телесными глазами, нет внешнего образа Бога Отца, мы Бога познаём сердцем. Если это есть, то и мы становимся свидетелями.

И сегодня Православная Церковь отмечает память мученицы Татианы и с нею в Риме пострадавших за Христа, в первой половине III-го века. Сегодня уже вы

слышали из чтения на трапезе, из слова митрополита Антония о браке, кто такие мученики.

Когда венчают брачующихся, на их главы надевают венцы, и эти венцы – они и мученические. Почему? Потому что те, кто соединяется во имя Божие, должны свидетельствовать о любви Божией. Та любовь, которая в них есть, она дана им Богом. Они познали её: что это любовь безусловная. И настоящий брак тот, где супруги открыты друг другу, прозрачны друг для друга, когда двое становятся одним. И выше этого единения – когда твоя жизнь отдается другому, а совместно эта жизнь отдается Богу, – нет. И за такую любовь, за такую жизнь приходится расплачиваться, потому что мир отвергает такую любовь, и, чтобы её защитить, нужно порой отдать свою жизнь.

Вот, мученики – они не только страдальцы, а они, в первую очередь, свидетели: свидетели любви, свидетели правды, свидетели истины. И в переводе с греческого слово мученик, т.е. «маририон», означает свидетель.

Вот, о чем свидетельствовала мученица Татиана, вы узнаете из её жития, которое я сейчас вам напомним.

Чтение жития мученицы Татианы.

Память блаженной Ксении Петербургской
05.02.1998. Вечерня

Жизнь святых, праведников нас вдохновляет. И действительно, мы можем подражать подвигу святых, ибо подвиги бывают очень разные.

И, в частности, подвиг юродства, который взяла на себя блаженная Ксения, он очень труден. Это особая

форма христианской жизни, это особый подвиг, на который может решиться только тот, кто призван Самим Господом; потому что бывает такое самочиние: желание юродствовать, смешить людей или ещё делать какие-то странные поступки, – это только карикатура на юродство, потому что юродство, глубина его – в другом. И прежде всего, это скрытый подвиг. Скрытый настолько, что его могут увидеть только те, кто видят сердцем, у кого есть духовное зрение. Именно они могут оценить этот подвиг, а мир примет его за сумасшествие, за какой-то балаган и за глупость.

И вот, блаженная Ксения как раз вошла в такие глубины Божественной жизни, которыми ей хотелось поделиться с людьми и показать людям, как прекрасна жизнь с Богом, как прекрасно жить вечным, находясь в этой временной жизни. Своими странными одеждами, и своим странным поведением, и безумными внешне поступками она, как и другие юродивые, посрамляла заземленность людей, желание укорениться в этой жизни и ценить её настолько, как будто бы не существует другой жизни. И она показывала людям их грех. Но показывала, не обличая их словами, а скорее всего – поступками своими, которые нужно было разгадывать: они как загадка, как притча. Поведение юродивых, оно как притча.

Юродивые также и пророчествовали, они говорили такие слова, которые тоже заставляли задумываться и отрывали людей от этого мира.

Блаженная Ксения своей жизнью хотела научить людей, чтобы они не видели во временном никакого совершенства, чтобы они не любили этот мир больше Творца – чтобы любовь к творению не была больше любви к Творцу. И люди видели её любовь к тому, чего они не видят, но что видит она, знает своим сердцем.

И когда они соприкасались с этой тайной, то они преобразались и обретали плод этого подвига – юродства блаженной Ксении – что имеет смысл, имеет огромное духовное значение; он пробуждал парадоксальным, странным образом души людей, встряхивал их.

Потому что можно людей чудом каким-то пробудить, а можно пробудить их вот таким необычным, странным поведением, странным словом, которое кажется безумным, но в котором заключена бездна премудрости Божией.

Очень хорошо писал о подвиге юродства Федотов, – вы, наверное, читали его книгу «Святые Древней Руси». Он говорил о глубоком почитании юродивых на Руси. Народ обычно сам канонизировал их, не дожидаясь никакой церковной канонизации. Так случилось и с блаженной Ксенией. Её народ давно почитал за святую, потому что видно было, насколько она многим помогла духовно, и люди ценили эту помощь. И видели, что её пророчества сбываются, и как через неё действует Господь.

Мы не знаем точно даты рождения блаженной Ксении, не знаем точно и года её смерти. Знаем, что она жила в XVIII веке, отошла ко Господу где-то, может быть, до начала Отечественной войны 1812-го года; то есть жила и в начале XIX века.

Место её погребения всем известно. Это Санкт-Петербург, Смоленское кладбище, часовня блаженной Ксении, мощи под спудом. Храм Смоленского кладбища строился и ею. Ибо ночью, тайно – как вы знаете из жития – она носила, пребывая в молитве, в всенощном бдении, кирпичи на строительные леса, чтобы утром каменщики могли возводить дом молитвы, божественный храм.

И народ верил в её предстательство, верил, что сила её молитвы велика, и что через неё Господь нам может помочь. И когда её канонизировали, никого это не удивило: просто было подтверждено то, что уже знало сердце каждого верующего православного христианина. Канонизацию, как мы понимаем, уже давно совершил народ своим почитанием, своей верой в её заступничество и её предстательство.

Господь посылает нам таких людей в пустыню нашей жизни, чтобы она не была духовной пустыней, чтобы она была *жизнью*, а вовсе не каким-то призраком. А наша жизнь только тогда подлинная жизнь, когда Царство Божие внутри нас есть. И блаженная Ксения пребывала в таком состоянии. Её странная внешняя оболочка, её красная кофта и зеленая юбка, или зеленая кофта, красная юбка, или костюм мужа, Андрея, который она надела после его смерти, — не могли скрыть того сокровища духовного, которое было в ней и которое пребывает с нами, потому что у Бога мертвых нет. И мы обращаемся за помощью к ней, ибо она имеет это дерзновение, о котором уже сказано.

Церковь сегодня прославляет её подвиг, её любовь к Богу и ближнему, которая помогает и нам больше любить Господа и ближнего, ибо всё возможно нам в укрепляющем нас Господе, и всё возможно, когда нас вдохновляют на жизнь во Христе те, кто жил Христом и не хотел другой жизни. Аминь.

06.02.1998. Литургия
Лк 6:17-23; Гал 5:22-6:2

Жизнь человека зависит только от Бога

Иисус Христос, беседуя со Своими учениками, показывает им путь жизни христиан до Второго Пришествия. Это путь скорби и радости. Радости – потому что Иисус Христос придет, обетование Его неложно; а скорби – потому что в этом мире, где добро и зло борются, много страданий, гонений, притеснений, убийств. И всё, что идет от зла, предстоит испытать апостолам: они будут гонимы; не только апостолы, но и всякий принявший Христа, желающий жить Христом.

За любовь, за правду будут убивать. Но Христос, благословляя на скорби, говорил: «В этом мире вы будете скорбны, но мужайтесь: Я победил мир». Т.е. Он призвал к мужеству и долготерпению. Он сказал: «претерпевший же до конца спасется»; претерпевший – т.е. долготерпеливый человек.

Терпение – это плод духа, как мы слышали сегодня. В послании к Галатам сказано: «плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание», и так далее. И Господь хочет, чтобы это долготерпение имел каждый, и чтобы жил этим долготерпением.

Что значит «претерпеть до конца»? Т.е. принести плод своей жизни; он в том, чтобы не изменить в любви, в вере Господу, чтобы всегда в сердце была любовь к Нему и доверие. Мы можем начать свято нашу жизнь, мы можем принять Христа восторженно, радостно, а потом охладеть к Нему, – и наша жизнь закончится не с Ним или в равнодушии к Нему. Можно, наоборот,

начать жизнь свою грешно и затем, полюбив Христа, познав, что кроме Него нет иной ценности в жизни, с которой можно было бы связать свою жизнь и отдать всего себя ради этой ценности... если человек так обратится ко Христу и так возлюбит Его, вторая половина его жизни будет святой и чистой.

Иисус Христос призывает нас терпеть, потому что терпение спасительно. Нетерпение не спасительно, оно разрушает нас, оно рождается на почве маловерия, малого доверия к Богу. Когда мы доверяем Богу всецело, то мы не мятемся, мир душевный присутствует постоянно в нас, ибо человек знает, что его жизнь зависит только от Бога. Когда мы начинаем ужасаться тому, что происходит в мире – об этих ужасах сегодня говорится в Евангелии: будут землетрясения по местам, будут глады, смятения, все вот эти начала болезней, которые присутствуют в мире – Христос говорит: *смотрите за собою*.

«Но вы смотрите за собою», – Он говорит, – не смотрите на эти события, не ужасайтесь, ибо ваша жизнь не зависит от внешних обстоятельств, только от Бога. *Чем темнее ночь, тем ярче звезды*, – говорят. Нет фатальной зависимости человека от обстоятельств. И на всякое понижение духовной жизни, на всякое понижение нравственной жизни, христианин, если он живет Христом, всегда ответит только повышением и выйдет из борьбы с мраком, со злом, – победителем.

В Книге Премудрости мы читаем, что *долготерпеливый лучше храброго человека*. Т.е. тот, кто умеет хранить мир и пребывает в постоянной любви к Богу, – он спасется; т.е. он не теряет своей связи с Господом, и Господь питает его силою, которая даёт ему выжить в любых обстоятельствах жизни.

Во времена гонений мы встречали множество примеров, когда христиане проявляли это долготерпение, потому что у них была вера, доверие Богу Живому, доверие Христу. Архимандрит Серафим, старец из Ракитного, отсидев 10 лет в лагерях, когда ему сказали, что он уже отпускается на волю, и спросили при этом, что он хочет делать на свободе, ответил: «Как что делать? Буду служить». Ему сказали тогда: «Посиди ещё 10 лет». Т.е. он мог бы обмануть как-то начальство, сказать какую-то фразу неопределенную: *что-нибудь буду делать*. Но для него это бы означало отступление от Бога, он не мог говорить что-то неопределенное; исповедник склонен говорить по-евангельски: «да, да», «нет, нет». И тогда ему дали ещё 7 лет ссылки. Т.е. у него было долготерпение, а оно, как уже было сказано, являлось плодом духа, плодом любви к Богу.

И дай, Господи, и нам такое долготерпение. Дай нам не спешить там, где не нужно спешить, и довериться во всем Господу, не делать каких-то ненужных рывков; потому что в духовной жизни рывков нет, потому что Царство Божие это как семя, которое прорастает, которое развивается, растет и приносит плоды и т.д. И вот, этот рост должен быть в нас, и растит нас Господь; препятствует этому росту сила зла, – но Господь, если мы не уступаем злу, всегда нам даёт Свою силу.

Важно, чтобы мы не закрывали свою душу, своё сердце, куда приходит эта сила, чтобы мы не отдавали своё сердце тому, кому отдавать его не нужно. Когда мы находимся в страхе, это значит, что мы отдали себя во власть темной силы, что мы перестали доверять Господу, мы усомнились в Нем, – а это грешно, потому что Господь всё может. И порой, по недомыслию, мы так боимся тех трудностей, которые вокруг нас, тех

обстоятельств; и нам кажется, что выхода нет – всё потому, что мы смотрим на них своими глазами человеческими, но не глазами Христа.

Если мы посмотрим на всё глазами Христа, то никакого ужаса, никакого страха не будет, и мы тогда выйдем из любого тупика, из любой трудности как победители. И в этой победе мы, конечно, всегда благодарны бываем Господу, потому что не своей силой мы победили, а силой божественной, силой Иисуса Христа.

И вот, Иисус Христос просит нас в сегодняшнем Евангелии, которое было прочитано, – терпеть и надеяться только на Него. И это надеяние не обманет, оно спасительно. Аминь.

Слово после литургии

Мы, христиане, тоже кажемся юродивыми для тех, кто не хочет знать Христа. Они спрашивают: зачем это вам нужно? что вы себя умерщвляете, зачем вы себя лишаете радости? Мол, жизнь такая прекрасная, а вы поститесь, а вы творите молитвы, когда можно развлекаться и делать что-то, путешествовать, смотреть этот мир и т.д. Как один бес, когда его изгоняли, говорил священнику (он сидел в бесноватой, над которой читалась молитва): «Что у тебя в церкви? У тебя *Господи, помилуй; Господи, помилуй* – скучно, а у меня каждый день всё новое».

Так вот, в глазах мира сего верующие христиане кажутся безумными, юродивыми, и крест бывает соблазном для людей, и вообще вся жизнь во Христе кажется соблазном. Но христиане понимают, что Господь может и тем, кто соблазняется, открыть Себя; что Он присутствует в их жизни; что Ему ещё не открыты двери

сердца тех, кто соблазняется, – но Он, как сегодня говорилось, долготерпелив и многомилостив, Он ждет.

Почему Господь терпит, а не сразу уничтожает зло, не сразу наводит порядок в человечестве? Тайна этого долготерпения в том, что Бог – любовь, а любовь не может быть насильной. Как может Христос заставить любить Себя? Как Бог может заставить любить Себя? Это должен сделать [т.е. полюбить] человек; он сам должен сказать Господу «да», ответить на Его любовь.

И поэтому удивляются, думают: что же Бог этого человека не приведет к Себе; вот, он утопает в грехах, мучается, а неужели нельзя его было бы помиловать, неужели нельзя ему дать такую чистую жизнь? Спасение, как мы знаем, это богочеловеческое дело, в нём участвует не только Бог, но и человек. И на Божественную любовь сам человек должен ответить «да»; он может ответить и отрицательно, он свободен, он свободное существо. Но по зрелому размышлению, испытанию всего, что человек видит в мире, он приходит к мысли о том, что то, что есть, это ещё не жизнь; то, что окружает нас, это не та жизнь, к которой мы призваны.

Мы живем двойной жизнью: биологической и духовной. И самая главная жизнь для нас – это духовная. Потому что эта, биологическая жизнь, прекращается, а та – никогда не прекращается, это вечная жизнь, а вечное начала и конца не имеет. И та жизнь имеет такое свойство, которое позволяет нам всем блаженствовать. Т.е. в том мире уже нет борьбы добра и зла, которая существует в этом мире. В том мире, который называют Царством Небесным, – там блаженство и радость, мир, любовь. И это состояние душа человеческая испытывает уже здесь, в пределах этой временной жизни, потому что Царство Божие внутри нас есть.

Сейчас, когда мы причастились, соединились со Христом, – осуществилось то, что должно было осуществиться. Т.е. мы жаждали, чтобы пришел Христос, чтобы Он вселился в нас – если бы у нас не было такого желания, мы бы и не пришли в храм. И в этом действии открылась Вечность. Т.е., в этом мире пребывая, мы пребываем и в другом мире. И то, что вечно – совершенно; уже нет такой жажды от неполноты, а есть совершенно иное чувство, иное состояние.

Помоги нам, Господи, всем устраивать свою жизнь так, чтобы на первом месте у нас был Господь и чтобы мы искали Царства Божия, Христа, а всё остальное чтобы приходило само, как определил это Господь. Если мы поставим на первое место это, то остальное всё приложится, – говорит Господь. И по жизни своей мы видим, что это так.

Пусть Господь, по молитвам блаженной Ксении, поможет нам идти путем Христа, не соблазняясь тем, что предлагает этот мир. Живя в этом мире, мы не должны перегружаться миром, чтобы не утонуть; ибо нам не принесет пользы то, что мы будем приобретать как можно больше всё, принадлежащее миру сему, и если мы сосредоточимся только на этом.

Поблагодарим Господа за духовную трапезу. Затем мы совершим панихиду и после неё будет братская трапеза.

Неделя о мытаре и фарисее
08.02.1998. Литургия
Лк 18:10-14; 2 Тим 3:10-15

Открыть Господу свое сердце

Сегодня, в неделю пригласительную к Великому посту, мы слышали Евангелие от Луки, гл. 18, стихи с 9-го по 14-й, о мытаре и фарисее; ибо нынешняя неделя – это неделя о мытаре и фарисее.

Почему уходит из храма фарисей менее оправданным, в дом свой, нежели мытарь? Уходит менее оправданным праведник, тот, который, казалось бы, не грешит. Ведь он так говорит про себя: *не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, воздержник* (он постится два раза в неделю), он даёт десятину, десятую часть из всего, что приобретает; т.е. он всё исполняет, что записано в Законе иудейском. И исполняя всё это точно, последовательно, он, казалось бы, праведен, он чист перед Богом.

А мытарь, он человек нечестный, он хитрый, лукавый, он обманывает, он присваивает себе чужое, и он не исполняет то, что исполняет фарисей. Но почему же сказано об этом предпочтении здесь: о неоправдании полном праведника и большем оправдании грешника? Выходит, что можно грешить, и всё равно – Господь тебя оправдает?

В чем же тут дело? Некоторые говорят, что причина в том, что фарисей возгордился. Посмотрите, как он себя ведёт гордо; разве можно так молиться: «Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди: грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь»? Это гордость, превозношение. Уверенность о том, что

я праведен, и не только праведен, но я имею право уничижать других, т.е. этого мытаря; я его и за человека не считаю, я и общаться с ним не хочу. И фарисеи не общались с мытарями, считая это позором для себя, о чем мы в прошлый раз говорили, на прошедшей неделе о Закхее: когда всех удивило, что Иисус Христос вошел в дом грешного человека.

Фарисей, будучи, возможно, законоучителем, хорошо знал Закон, всё исполнял; и, казалось бы, кому как не ему войти в Царство Небесное и быть самым спасенным человеком в этом мире. Он не грешит, казалось бы. Но Господь смотрит не на внешние дела только, но и в сердце человека: а сердце этого человека нечисто, потому что там есть гордость, там есть упование на свои добрые дела и самодостаточность.

И здесь, опять же, ещё не всё. Причина того, что фарисей ушел менее оправданным, чем мытарь, заключается не только в этом, она глубже. Она в том, что фарисей считает себя уже спасенным, он считает себя таким, который уже не грешит, ему не в чем каяться. И он пришел в храм, как вы видите, не каяться и не прославлять Господа, а с совершенно другими целями, его молитва очень странна. Кто бы из нас согласился сейчас так помолиться в храме; пришли в храм и сказали: *Господи, благодарю Тебя, что я христианин, а не как эти язычники, которые сейчас не в храме, которые пьют, объедаются, воруют, смотрят нехорошие фильмы, музыку слушают бесовскую и всё что угодно делают; я не такой, я вот чистый, я хороший, я поставил свечку, я сейчас поисповедался, буду причащаться; Господи, как хорошо, что я такой.*

Конечно, мы должны радоваться дару Божьему; но, когда мы не только радуемся, но, когда мы начинаем

уничижать других и надеяться, что этот дар, который нам не принадлежит, он для нас является тем, что будет механически нас спасать... будем надеяться на этот дар и ничего не делать, чтобы изменять свое сердце.

Когда фарисей подумал так, что он самодостаточен, что вот эти внешние дела, которые он исполняет, дела Закона, уже делают его праведником, – он оказался в положении человека, которому Бог не нужен, Спаситель не нужен, Христос не нужен. Ведь Христос пришел как раз для того, чтобы люди покаяться и, покайся, приняли Его. А покаяния у фарисея нет, потому что он считает себя уже спасенным. Такое состояние бывает у некоторых сектантов, которые говорят: *мы уже спасены, мы уже не нуждаемся ни в чем*; мы спасены, потому мы рады.

Но разве можно сказать, что в этом присутствует жизнь, в остановке: это что-то мертвое, это страшно. Кто из нас захочет быть живым, и ничего не делать; и скажет: *я превращусь в мумию, я не буду больше развиваться, мне нечего делать, я уже достиг совершенства?*

Совершенства мы не достигаем. Наша жизнь христианская – это путь, а путь – это движение до конца жизни, до черты, когда душа наша будет разлучаться с телом. И какие могут быть остановки? И какое может быть упование на наши дела?

Сколько бы мы ни делали добрых дел, мы не спасемся этими делами, потому что Господь смотрит на сердце. По видимости эти дела будут прекрасны, а каково было намерение, когда мы совершали эти дела? Не раз мы уже говорили о том, что Бог смотрит на сердце. Человек может подать подаяние на улице просящему, но не от чистого сердца, не как последнее, что он имеет, а

от избытка; а может быть, с чувством брезгливости и с чувством, чтобы человек отстал от него, не докучал больше. Люди, видя только внешнее, наше даяние, будут хвалить нас, и скажут: какой милостивый человек. А в сердце заглянуть не могут, и увидеть все эти чувства, о которых я сказал.

Вот так и фарисеи. Они казались праведниками, спасенными уже людьми, но в сердце была и гордость, самонадеяние, и они считали себя людьми, которым не нужно каяться. И многие из них не хотели слышать призыв Иоанна Крестителя о покаянии. «В чем каяться, — недоумевали, — к чему ты нас призываешь?» А первое слово его проповеди было об этом: *покайтесь*.

И фарисеи упорно сопротивлялись, и в этом было их заблуждение. И они хотели спастись только Законом, но Закон не спасает, Закон бессилен, в нём нет благодатной силы, которая спасает. Закон только ограждает от греха, но не дает силу победить этот грех. А Христос, — Он имел эту силу — у врачевать душу грешника.

И у мытаря не было упования на свои добрые дела: у него их, казалось, не было. Он был — неисполнением Закона — казалось, далек от Бога. Но тем, что он не гордился, тем, что он не надеялся на себя, оказывается, он был ближе к Богу, чем фарисей. Грех гордости удаляет от Бога очень сильно, а отсутствие его приближает душу человека к Богу. И гордость считается одним из тяжких грехов, даже смертных грехов. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать», — сказано.

И вот, мытарь, не имея такого упования на свои добрые дела, на свою праведность, оказался ближе к Богу, потому что он почувствовал нужду покаяться, он почувствовал желание приблизиться к Богу. И он делает то, к чему призывал и Иоанн Креститель, и вслед за ним

Иисус Христос: покайтесь; и мы слышим этот покаянный вопль из его уст: *Боже, будь милостив ко мне, грешному*. Это единственное, что он вопил. А псалмопевец сказал: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*, а наоборот, возвысит. Потому и мытарь выходит из храма более оправданным.

Он приблизился к Богу, покаяние устранило все преграды, какие были у него в жизни; т.е. он себя считал грешником, он свои скверные поступки, о которых я говорил, омыл слезами – и давал Господу, видимо, обещание отстать от греха.

Итак, Господь хочет, чтобы мы отдали Ему свое сердце, чтобы мы не надеялись на себя, чтобы мы не считали себя самодостаточными, чтобы, живя в Церкви Христовой, мы не остановились на внешнем: на делах внешних, на обрядах, не закоснели в них и не поставили обряд выше любви. А у нас часто бывает так, что обряд у нас всё заслоняет, и мы хотим через обряд войти в Царство Небесное.

Не случайно один пастырь шутил и говорил: мы, православные, такие богатые, у нас такое богатство, что с нашим богатством мы вряд ли войдем в Царство Небесное. Он как раз имел в виду эту черту фарисейства, которая как ржавчина разъедает нашу церковную жизнь. И мы не должны впадать в это фарисейство, т.е. упование на себя, на свою праведность, на свои дела. Мы должны всё возложить на Господа, отдать Ему свое сердце, свою жизнь, и сказать: *Господи, твори со мной всё, что Ты хочешь*.

Неправильно думать, что Иисус Христос не любил фарисеев, что Он их заклеил, и что это те люди, которые должны восприниматься нами отрицательно. Иисус Христос очень любил фарисеев, и многие фарисеи

любили Иисуса Христа, они приглашали Его в свои дома, они слушали Его, беседовали с Ним. Но Христос их обличает, потому что *Господь кого любит, того и обличает*, обличает за то, что они впали вот в такой грех, о котором я сказал; и Он желает, чтобы они прозрели.

При жизни Иисуса Христа, как сообщают историки Церкви, было примерно 6 тысяч фарисеев в секте фарисейской. В неё входили и учителя Закона, и прочие люди, и они боролись с язычеством, и ревностно боролись: они не хотели, чтобы люди впали в грех идолопоклонства, которое разрушает жизнь человека, уничтожает духовную жизнь, истинную духовную жизнь. И их ревность о Боге была очень сильная; но беда в том, что они впали в этот грех обрядовости, грех самодостаточности и не захотели увидеть то, что увидели мытари и люди, которых они считали грешниками.

Господь хочет их прозрения, Господь хочет, чтобы и мы не болели этой болезнью, чтобы мы Ему принадлежали не внешне, а своим сердцем. Господь хочет, чтобы Он жил в нас, в нашем сердце, а не во внешних наших обрядах, – это самое главное. Господь говорит, что Он живет не в рукотворных храмах, а в храме нерукотворном, т.е. в нашем сердце. И пусть сердце каждого из нас всегда будет открыто к Господу. Чтобы ничто не мешало нам приветить Его, когда Он стучится в него. Аминь.

Неделя 5-я по Пасхе, о самаряныне
17.05.1998. Литургия
Ин 4:5-42; Деян 11:19-26; 29-30

Христос общается с самарянкой, женщиной, к которой, по закону иудейскому, Он не должен ни подходить, ни, тем более, разговаривать с нею. Но вопреки этому правилу, Христос с нею общается. И это происходит потому, что Христос пришел спасти всех людей; Он не различает, кто перед Ним, т.е. Он нелицеприятен, Он не отдает предпочтения одному человеку перед другим, в каждом Он видит образ Божий, верит, что этот искаженный образ Божий можно восстановить.

Восстановить – потому что Он имеет всё возможное для этого: т.е. Он отдает Свою жизнь для всех, и кто примет эту Жизнь – сам будет живым.

И вот, когда Он беседует с самарянкой, то Он говорит ей об этой Жизни, о том, что уже она живет в том времени, когда эта Жизнь явилась и нужно уверовать в Носителя этой Жизни, Подателя этой Жизни и отказаться от греха.

Чтобы принять эту Жизнь, нужно очистить своё сердце, и поэтому Иисус Христос вызывает – Своим видением жизни самарянки – в ней чувство раскаяния; Он обличает её в грехе. Когда Он спрашивает её о муже, то она, усомнившись, сразу же говорит, что мужа у неё нет. Иисус Христос оценил её покаяние и сказал: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа».

И после очищения её сердца, после этого раскаяния, разговор их переходит уже на тему о спасении, о том, что перед нею Сам Мессия, т.е. Христос. В Мессию верит самарянка; и недостаточно было только веры, но нужно было и покаяние, очищение. Покаяние совершилось,

и теперь, когда Христос предстал пред ней как Мессия живой, Его слово очищает самарянку, и проходит вглубь её сердца, и радует её. Её сердце принимает это слово, и она забывает всё земное; она бросает кувшин, забывает, зачем она пришла к колодезю, — а она пришла в полдень, в самое жаркое время, и пришла, видимо, чтобы избежать всяких пересудов о себе, и она бежит к своим соплеменникам, чтобы свидетельствовать им о Мессии. И те по её слову уверовали и пришли, чтобы увидеть Самого Христа.

Они не ограничились только свидетельством самарянки, им нужна была личная встреча с Иисусом Христом, какая уже была у самарянки. Ибо мы можем уверовать через свидетельство кого-то, но когда мы встретимся с Самим Христом, когда произойдет наша личная встреча с Ним, это гораздо выше той формы веры, образа веры, который был назван. И самарянка лично встретила со Христом, приняла Его слово о живой воде, т.е. о благодати Божией, которую человек принимает через Него, т.е. принимает Духа Святого. И эта личная встреча происходит и у её соплеменников, соплеменников самарянки.

И очень важно, чтобы мы встретились с Иисусом Христом в своем сердце, чтобы мы приняли Его, и только тогда мы можем быть живыми свидетелями Его.

Иисус Христос говорит самарянке, что «наступает время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Что это означает?

Это означает, что мы должны быть исполнены Духа Святого, что мы должны принять Христа всем своим

сердцем, потому что Он есть Путь, Истина и Жизнь; если мы не примем Христа, если мы не соединимся с Ним, нам не о чем свидетельствовать.

Если мы не живем Христом, мы и не свидетели, или свидетельство наше тогда – пустое свидетельство; благочестие наше пустое, если мы не живем Христом. А жить Христом это означает всегда поступать по совести, не быть лицепрятным. «Бог, – говорит апостол Петр в Книге Деяний, в проповеди своей Корнилию и его собратьям, – нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». И Иисус Христос, Сын Его, есть Господь всех, – он говорит.

И Иисус Христос был Господом всех. Он возлюбил и самарянку, презираемую иудеями, и Он возлюбил и мытарей, и блудниц, всех грешников, – потому что Он был непричастен злу, и Он смотрел глазами любви на человека.

Мы в ближнем часто не видим человека, потому что мы смотрим на него греховно. Мы не хотим видеть образ Божий. А когда мы видим грех в ближнем, конечно это противно, конечно это отталкивает; но нужно через грех увидеть образ Божий, поруганный, искаженный, этот образ не исчезает в человеке. И Иисус Христос Своим отношением к самарянке и к грешникам показывает нам, как мы должны относиться к ближнему. Мы должны ближнего любить, грех его не принимать, зло, которым он одержим, не принимать, противиться злу, а образ Божий, который имеется в каждом человеке, возлюбить. И как только мы начнем смотреть на ближнего глазами Христа, у нас совершенно не будет лицепрятия. Мы не будем делить ближних на своих и чужих: во Христе все – братья и сестры; но те, кто

ещё не во Христе, они тоже наши братья и сестры, заблудшие, но которых Христос хочет в Свое стадо тоже ввести, чтобы они были народом Божиим, чтобы они поклонялись Живому Богу, а не идолам.

И Своим отношением к самарянке Иисус Христос нас учит такой любви. И если мы жаждем такой любви, желаем быть такими, значит мы хотим поклоняться Живому Богу в Духе и Истине; потому что Дух Святой это любовь, и истина – тоже любовь, и пребывая в любви мы исполнены мира, Духа Святого и радости. И Господь нас призвал к такой жизни, и если мы живем такой жизнью, мы становимся истинными свидетелями веры христианской, мы тогда для мира свет, и мы можем ближнего нашего вывести из больших и малых трудностей в жизни и помочь ему соединиться со Христом.

Но когда мы с Божьей помощью что-то успеваем в этой жизни, что-то у нас получается, – если мы поможем ближнему подняться духовно, то не должны это приписывать себе и не должны, тем более, перед собою хвалиться, или перед другими, и говорить, что это благодаря тому, что я помог этому человеку, он изменил свою жизнь. Когда мы поступаем так в своих чувствах или так говорим, то мы всё теряем, и добро не умножается в мире, наоборот, умножается грех, потому что мы говорим из тщеславия и гордости.

А самаряне, когда пришли и познакомились с Иисусом Христом, сказали женщине: «Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира – Христос». И вот, дай, Господи, нам, проповедуя Христа, самим устранимся в этой проповеди, сделать это духовное служение таким, чтобы между мною и ближним, между мною и Богом и

ближним, был только Христос, – чтобы мы ничего не навязывали своего человеческого и устранились, потому что наши человеческие страсти могут затмить эту радость, этот образ, и нужно, чтобы каждый человек в свободе принял Христа и радовался этому обретению; а мы, если Господь нас сподобил приобщиться к этой радости, радовались ею как ничего не сделавшие, а как люди, через которых Господь действовал и явил Свою силу.

Господь хочет, чтобы мы возлюбили ближнего так, как Он возлюбил. Его встреча с самарянкой показывает нам эту нелицеприятную любовь, показывает, как эта любовь имеет силу очистить человека полностью так, что сердце его становится сосудом благодати Духа Святого, и тогда уста его открываются для того, чтобы живая вода, т.е. Дух Святой, уже Сам говорил, Сам действовал в мире. И мы молимся об этом, ибо без Духа Святого нет жизни, без Духа Святого нет свидетельства, есть только слова, – а словам мало кто верит, нужно свидетельство жизнью.

Свидетельство должно быть бытийным. Человек видит жизнь, и в эту жизнь входит, и она касается самых сокровенных глубин его души и сердца, и эта жизнь исполняет его радостью, и он оживает.

Помоги нам, Господи, всем быть жаждущими этой живой воды и стремиться к Источнику, из которого эта живая вода истекает – это Христос. Аминь.

07.05.1998. Вечерня

Послание апостола Иакова. Гл. 1,2.

Служение Богу и ближнему

Мы говорили о заповеди о любви, которую дал Господь нам, и которую явил нам исполненной Своей жизнью, Своим служением Иисус Христос; и о том, кто может считать себя последователем Христа и Его учеником.

Последователь Христа, как говорит апостол Иаков, это не тот, кто слышит слово Божие и слово Иисуса Христа: радуется ему, восхищается им, – но тот, кто, имея это восхищение, имея эту радость, исполняет и это слово. «Если нет исполнения, то благочестие такого человека пустое, – говорит апостол Иаков, – такой человек “обольщает свое сердце”».

Ведь важно не только верить во Христа, но и жить Христом; важно не только верить в Бога, но и жить Богом, доверять Богу. И исполнение есть деятельная любовь, т.е. она совершенная любовь: она рождается тогда, когда человек всецело отдает себя Господу, душу свою, и взамен получает Христа. И Христом и Духом Святым он познает в ближнем своем тоже Христа, образ Божий.

И если в сердце нашем есть Христос, мы можем любить себя. Если в нашем сердце Христа нет, мы можем любить тогда грехи свои, свои похоти, о которых много говорит апостол Иаков. И мы можем тогда, как он говорит, увлечься и обольщаться собственной похотью.

А [ведь] можно похотливо любить церковь, можно похотливо любить ближнего, можно похотливо любить Евангелие: всё можно похотливо любить. Что это значит? Я люблю в церкви то, что мне нравится; я люблю

не всех людей, а тех, которые о мне говорят хорошо; я люблю в христианской жизни всё прекрасное; я люблю в церковной жизни пение только, – и вот это похотливое отношение, оно уводит нас от Христа, уводит от Его любви, и мы не пребываем в ней, и мы не исполняем то, что заповедал Иисус Христос.

Если мы принимаем Христа, то мы принимаем ближнего таким, каков он есть. Что мы в нем пытаемся любить? Мы стараемся через коросту греха, через всю мерзость, которая человека окутала, взяла в плен, и из-за которой не видно образа Божия, искры Божьей, – найти эту искру; и только ее мы можем любить в ближнем. И это уже будет любовь не похотливая, а любовь совершенная.

Мы любим в ближнем образ Божий, в самих себе любим образ Божий, и любим Христа, – и эта любовь уже безгрешна. И именно такой любви учил Христос, и именно о такой любви говорит и апостол Иаков, и все апостолы, ученики Христа.

И апостол Иаков говорит о любви к нищим, имея в виду сердце истинного христианина, который человека оценивает не внешне: не по тому, что он имеет при себе, а то, что он имеет в себе. Нищий – любимое дитя Божие, как и все, и Господь его любит; и сердце человека, который увидел этого нищего, если оно – сердце, отданное Христу, любит нищего любовью Христа.

И смысл послания апостола Иакова в этом: чтобы мы не уклонились от заповеди о любви, и чтобы эта заповедь была нашей жизнью; чтобы мы не рассуждали о ней только, а чтобы мы жили ею. Если мы будем только рассуждать, нам будет нравиться все время слышать и слышать о ней, а исполнения не будет. Но апостол Иаков призывает к деятельной любви, а эта любовь

подразумевает действие, поступок, помощь ближнему всем, что мы имеем: и словом, и делом, – всей своей жизнью.

Всей своей жизнью каждый из нас должен служить Богу и ближнему, и тогда будет исполнена заповедь о любви, тогда мы спасаемся и через нас спасается ближний; потому что любя ближнего, мы дарим ему жизнь, не любя – мы отнимаем у него жизнь.

Вот, апостолы, слыша из уст Самого Иисуса Христа Благоую Весть (а Евангелие это, в переводе с греческого, – Благая Весть), отдали свое сердце ей. Они эту благоую весть записали не только в своем уме, но и в сердце, и своей жизнью исполнили ее. Апостол Иаков запечатлел свою любовь ко Христу мученической кончиной. Он проповедовал в Александрии, среди язычников, которые становились христианами благодаря благовестию, проповеди о воскресшем Иисусе Христе.

Апостол и евангелист Матфей проповедовал среди иудеев; и то, что он проповедовал своим, – тем, в чьей среде вырос Иисус Христос, сами апостолы, – наложило свой отпечаток на характер изображения и повествования его в Священном Писании.

Апостол Марк писал свое Евангелие в Риме и для язычников, которые должны были уверовать во Христа, – и он объясняет им то, что не нужно было объяснять иудеям, знавшим все реалии жизни Иисуса Христа. Нужно было пояснять названия географических мест, какие-то комментировать подробности обычаев, быта и т.д. Такие подробности имеются в Евангелии апостола Марка, и они ориентированы на слушателей и читателей, которые не жили в Палестине и не живут в Палестине.

Апостол Марк постепенно открывает в Евангелии, что Иисус Христос – Сын Божий; Тот, Который внача-

ле, творя чудеса, скрывает Свое мессианство: Он хочет явить силу, над которой бы задумались очевидцы чудес многочисленных, которые Он совершает.

Оно написано очень ясным языком, оно краткое и очень динамичное. И это Евангелие легко читать молодым людям, которые затрудняются при чтении, допустим, Евангелия от Иоанна, где явлено высокое богословие, высокий полет мысли, или Евангелия от Матфея. И поэтому Евангелие от Марка обычно рекомендуется тем, кто вообще еще не знаком со Священным Писанием, прочесть в первую очередь: или Евангелие от Луки, или Евангелие от Марка. Вы помните, наверное, свидетельство митрополита Антония Сурожского о том, как он, будучи юношей, прочел первый раз Священное Писание, выбрав из четырех Евангелий именно это, самое короткое.

Мы, читая Священное Писание, должны чувствовать, что Иисус Христос говорит с нами, что Его голос обращен ко мне, — лично ко мне; и, если мы так не настроимся, тогда не будет глубины восприятия, не будет живого отклика на Слово, которое должно стать нашей жизнью. И мы должны не узнать что-то о Христе, читая Евангелие, а мы должны познать всей глубиной нашего сердца Христа. Да, мы узнаём *о Христе*, потому что евангелисты описали подробности Его жизни и выбрали такие, которые имеют значение глубокое, чтобы раскрыть смысл служения Христа; но самое главное — это живой голос Самого Иисуса Христа. И, чтобы его услышать, нужно иметь внутреннюю тишину.

Поэтому перед чтением Евангелия в храме совершается подготовка. Перед тем, как будет объявлено о слышании Священного Писания, поется аллилуарий, потом есть призыв внимать, и только после такой подготовки

мы дерзаем открыть наш внутренний слух, чтобы слышать, что нам говорит Иисус Христос. И читая Евангелие дома, мы тоже должны приготовить свое сердце, – и когда, как говорит псалмопевец, «готово сердце мое, готово сердце мое», дерзать читать Евангелие.

Сколько читать? Сколько будет потребно душе нашей; и дело не в количестве прочитанных строк, а в чувстве близости, в чувстве касания этого слова нашего сердца, наших чувств. И если наше сердце отзывается на слово Божие радостью, миром, – оно принято: мы живем Богом, Его мысли стали нашими мыслями. Если не принято, мы не соглашаемся, мы можем спорить с Богом, как это случается с теми, кто, прочитав заповедь Иисуса Христа о том, что нужно оставить дом свой, мать, отца, и возлюбить Его, далее: возлюбить врага своего, – сердце может спорить с этим тогда, когда оно не готово вместить такое.

Но пугаться не следует, когда это происходит с нами или с нашими ближними, а следует просить Господа, чтобы Он открыл ум и сердце не только понять это, но и принять эту тайну слов, чтобы они стали нашим живым чувством в нашей жизни, – и это происходит: если мы в доверии к Богу совершаем священнодействие; т.е. когда мы читаем Священное Писание так, чтобы оно стало духовным хлебом для нас, чтобы оно нас питало, насытило и утолило жажду, которая в нас имеется.

Помоги, Господи, нам быть не только слушателями слова Божия, как сказал в сегодняшнем послании апостол Иаков, но и исполнителями его, – чтобы эта книга, которая когда-то не была книгой, а была живым преданием, стала нашей жизнью; чтобы, если мы потеряем ее, мы могли всегда своей жизнью эту книгу воспол-

нить: чтобы она была записана не чернилами на страницах, а записана на скрижалях нашего сердца.

Это и есть исполнение слова Божия: когда им живет наше сердце и, живя словом Божиим, мы совершаем в жизни то, что Господь хочет совершить через нас. И тогда наша вера будет живой, а не мертвой, ибо вера без дел мертва есть. Аминь.

Апостола и евангелиста Иоанна Богослова

21.05.1998. Литургия

Ин 9:39-10:9

Любовь Пастыря

— Христос воскрес!

— *Воистину воскрес!*

Мы слышали Евангелие от Иоанна, 9-ю главу, с 39-го стиха и до конца, и главу 10-ю, с 1-го по 9-й стих, о пастырстве.

В притче Иисус Христос сравнивает Себя с дверью, которой должны войти все овцы, т.е. народ Божий. И перед этим Он сравнивает Себя с пастырем, пастухом, который пасет своих овец. И далее, в приточном расказе мы узнаем, что Он — Пастырь добрый.

Иисус Христос говорит о Себе как о Пастыре потому, что Он встречается с теми, на которых Господь возложил заботу о духовном попечении, фарисеями, но которые не справились со своим даром, данным Господом, — т.е. они стали вовсе не добрыми пастырями, а пастырями, многие из которых пасли себя, но не народ Божий, и были далеки от народа Божия, не имели о нем любовного попечения.

Ибо пастырем можно быть, только пребывая в любви; нелюбовь отменяет пастырство: тогда остается наемничество, или тот, кто мнит себя пастырем, становится вором и разбойником. Почему вор? что он крадет? Он и сам не входит в Царство Небесное и у других отнимает эту возможность. И разбойник – потому что он убивает в людях те добрые чувства, которые их возвышают и приводят к Богу.

Истинный пастырь должен вести дитя Божие к Богу: приводить не к себе, не к этому миру, который лежит во зле и в котором смешаны добро и зло, а к Богу, Источнику совершенства и любви.

Ещё пророк Иезекииль, мы помним, в 34-й главе своей книги пророчеств, обличал пастырей израильского народа, которые не исполнили обета пред Богом – пасти народ Свой; которые, по его слову, пасли самих себя, но не имели ревности и любви заботиться о ближних так, как они заботились о себе. И Иисус Христос Себя противопоставляет таким пастырям, потому что Он не примирим со злом; Он пришел в этот мир на суд.

«И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели и видящие стали слепы». Иисус Христос придет как Судия во Второе Пришествие; но здесь речь идет о другом суде: о суде совести, т.е. о том суде, который начался в этом мире с Его приходом. Ещё не время подводить окончательные итоги жизни мира сего и народа Божьего; а Иисус Христос хочет сказать, что Его любовь является судом для тех, кто не в любви: она уязвляет и мучает совесть того, кто встречается с нею. И судить, это значит – разделить, отделить добро от зла. Иисус Христос противник зла, Он пришел, чтобы сразиться со злом и зло уничтожить. И тот, кто примет Его, он уже не причастен злу; зло тогда существует

само по себе, и оно не касается души праведника, человека, который избрал свет и любовь.

И если кто-то делает такой выбор, – выбирает Иисуса Христа, – то этот выбор ведет в Царство Небесное душу выбравшего. «Я есмь дверь, кто войдет Мной, тот спасется; и войдет, и выйдет, и пажить найдет». Пажить – это образ Царства Небесного, полноты жизни, которой жаждет каждая душа человеческая, ибо человек может удовлетвориться только полнотой жизни, и когда душа обретает эту полноту, она мирна и прекращаются терзания её. И только такой покой, такой мир может дать Пастырь добрый, т.е. Сам Иисус Христос.

Пастырь постоянно опекает своё стадо. И Иисус Христос – Пастырь любящий. Любовь всегда помнит того, кого она любит. И это и есть попечение о душе. Иисус Христос никогда не может забыть Своих чад. Мы можем изменять Ему, но любовь Христова, любовь Божественная, – совершенна, она не знает измен. И наша душа должна познать эту неизменность, это качество Божественной любви, и тогда мы поймем тайну Божьего попечения о нас: что Господь всегда любит нас, всегда заботится о нас, несмотря ни на какие наши грехи. И наши грехи не могут отменить Его любви, не могут отменить Его попечения о нашей душе.

Эта любовь не сводит счетов. Ибо, когда мы в наших человеческих отношениях сводим счет, то, конечно, мы склонны тогда не прощать, склонны обижаться. Но в любви и в дружбе, в общении друг с другом, мы приводим не к себе друг друга, иначе эта любовь и дружба несовершенна, а мы приходим к Богу. И когда мы в Боге, то мы смотрим не друг на друга, мы смотрим на Бога. И в этой любви мы можем увидеть и друг друга иначе.

И эту тайну любви, тайну попечения Господь нам открывает Своей жизнью и Своими действиями. И зная их, мы соглашаемся с тем, что Он истинный Пастырь и другого у нас и быть не может. И дай, Господи, всем нам слышать этот голос Иисуса Христа, который пытаются заглушить другие голоса, голоса воров и разбойников, ибо они завидуют Его любви, не имея её; и услышав, пойти за Ним и не оглядываться назад, чтобы не нарушить этого единения в любви с Господом, любящим нас. Аминь.

Перенесение мощей свт. Николая

22.05.1998. Литургия

Ин 10:17-28

Жить Богом

Сегодня – день перенесения мощей святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца – из города Миры Ликийской области (этот город расположен в Малой Азии) в город Бари в Италии. Это событие совершилось в 1087 году, т.е. в XI веке.

Вы услышали Евангелие от Иоанна, главу 10-ю, с 17-го по 28-й стих, где Иисус Христос говорит фарисеям о том, что Он есть Сын Божий. И свидетельство Его, мы видим, не принимается ими; они считают Его одержимым бесом, безумным и бесноватым, самозванцем, тем, кто похищает власть, которая не принадлежит Ему. Но Иисус Христос говорит им: если вы не верите Моим словам, то верьте Моим делам, они свидетельствуют о Мне. И нашлись люди, которые и слова, и дела Иисуса Христа приняли. «Другие говорили:

это слова не бесноватого. Может ли бес отверзать очи слепым?»

Это те, о которых говорит Иисус Христос: люди, которые слышали Его голос. «Овцы Мои слушаются голоса Моего. И Я знаю их, и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей». Любовь к правде всегда является началом веры. И вот, те люди, у которых есть жажда правды, стремление к правде, они обязательно придут к Богу и уверуют в Него. И учениками Иисуса Христа стали такие люди, у которых была жажда правды.

А правда Божия в том, что человек должен жить вечной жизнью, которая даётся нам как дар. Жизнь вечная – это жизнь с Богом. «Сия же есть жизнь вечная, – говорит Иисус Христос в том же Евангелии от Иоанна, – да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». Знать Бога это значит жить Богом; это истинное тогда знание. Если мы только веруем в Бога, но не живем по-Божьи, мы не знаем Бога; мы только о Нем знаем, но знать Бога – не о Нем, а знать Бога – это значит жить Богом.

И знать Иисуса Христа, Сына Божия – это не знать о Нем, не слышать только о Нем, но жить Иисусом Христом; т.е. принять Их – и Бога Отца, и Сына Божия – всецело, всей своей жизнью, всем своим существом.

И вот, когда мы отдаем себя Богу, и мы понимаем, что выше Бога ничего нет (Иисус Христос говорит: «Отец Мой, Который дал Мне их, – больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего»), т.е. если мы живем Богом, – мы сильны Им, и в нас нет страха человеческого. И мы любые испытания преодолеваем, ибо с Богом потерь не бывает, только приобретения. И такую жизнь Иисус Христос даёт через Себя.

Почему приобщиться к жизни вечной – это знать истинного Бога и посланного Богом Отцом Иисуса Христа? Потому что через Христа мы приходим к Богу, через Христа мы обретаем вечную жизнь. Иисус Христос говорит: «Я даю им жизнь вечную». «Я даю»; т.е. Я умираю за эту жизнь и Своей смертью побеждаю смерть, и через смерть на кресте дарую вечную жизнь.

«Я даю им жизнь вечную». «Даю им»: имеются в виду принимающие эту жизнь. Принимающие – это все люди; но этот дар многие не хотят принять. Вечной жизни многие боятся; для многих сладка только временная жизнь, а вечная жизнь, любовь Божественная, вызывает страх и ужас. Почему? Потому что любить Бога, это значит отдать всего себя. А мы эгоистичны, мы мелки в своих чувствах, нам хочется жить для себя. А жизнь для себя – это самоубийство, это отказ от вечной жизни. И многие люди пошли этим путем; живут очень закрыто: закрыв свое сердце для Бога и для ближнего.

Ведь Бога нельзя любить только тем, что мы поставим Ему свечку и сходим в праздник в храм Божий; так Бога не любят. Так любят наемники, люди, которые ищут выгоды, хотят от Бога дар получить. Такая любовь очень корыстная; я поставлю свечку, а Ты дай мне здоровья. Я подам милостыню, а Ты сделай тоже что-нибудь хорошее для меня. Такая любовь – не любовь. Если вы видите у кого-то желание так строить свою жизнь с Богом, покажите другой пример.

Не ходите в храм только на праздники, а ходите в храм всегда, когда у вас есть силы идти, и если не стоять в храме, то сидеть (Господь не взыщет с больного человека, если он не может, как молодой, как свеча стоять в храме; Он ценит его приход к Нему, Он видит, что душа тянется к Нему, жаждет Его); и такую любовь мы

должны в себе воспитывать. Если мы видим, что мы еще наемники, что мало любви, надо молиться и просить: «Господи, помоги мне любить Тебя так, как любил Тебя Сын Твой, как любили Тебя Твои ученики, как любил Тебя святитель Николай, память которого мы отмечаем ныне».

Николай отдал всю свою жизнь Богу; он мечтал быть монахом и удалился из мира. Но Господь ему внушил мысль идти в мир, чтобы отдать себя в жертву всем людям; не жить для себя, а жить для людей. И святитель Николай всю свою жизнь отдал людям. У него такая была любовь к нищим, к несчастным, к страждущим людям, что он забывал обо всем и спешил помочь им. Он не думал о том, как его поступок будет выглядеть в глазах людей; т.е. будучи епископом, человеком высокого сана духовного, он совершал такие дела, которые, по понятиям человека мира сего, он не должен был совершать. Т.е. он всегда шел к ближнему первый и не ждал, когда тот придет к нему за помощью; он опережал его. И по своей смерти он так же поступал. [...]

В его житии есть примеры любви, когда любовь забывает себя и служит ближнему. И дай, Господи, нам приобщиться к этой любви, и тогда мы будем жить жизнью вечной. Жизнь вечная это не будущее, а уже настоящее, в глубине нашего настоящего. Если в нас есть любовь, мы пребываем в Боге, живем Христом и живем вечной жизнью; и от нас эта жизнь переливается в мир, в сердца наших ближних, и любовь умножается в мире. Аминь.

Апостола Симона Зилота

23.05.1998. Литургия

Ин 10:27-38

Как принять любовь Христа

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Христос воскрес!

– *Воистину воскрес!*

Сегодня, когда мы празднуем память апостола Симона Кананита, мы читали два Евангелия на литургии, и одно из них Евангелие от Иоанна, глава 10-я, с 27-го по 38-й стих.

Иисус Христос отвергнут многими фарисеями, они ведут с Ним спор, они Его уничижают, они хотят Его убить: «Иудеи схватили каменья, чтобы побить Его». За что?

Он говорит: «много добрых дел показал Я вам от Отца Моего. За которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом». Т.е. фарисеи не слышат своим сердцем слово Иисуса Христа, оно не доходит до глубины их сердец и становится соблазном; они не вмещают в себя этого слова и, не вмещая, клеветают на Него, называют Его сыном дьявола, самозванцем, человеком, который нарушает закон, богохульствует, и которого нужно предать смерти.

Другие же, как мы вчера слышали, говорили, что Он не одержим бесом и не безумствует; «это слова не бесноватого, говорили они, может ли бес отверзать очи слепым» и творить чудеса, которые творил Иисус Христос?

В чем дело? Почему одни Иисуса Христа принимают, а другие не принимают; одни иудеи за Христа, а другие против Него? Они все воспитаны в Законе Божиим, все знают заповеди Божии, исполняют их, как могут; первая заповедь о любви к Богу, вторая – о любви к ближнему. И когда является Сама Любовь воплощенная, в образе Христа, те, кто знают эти заповеди и стараются их исполнять, не принимают Его. Почему не узнают эту любовь? Почему она вызывает такое сопротивление и желание уничтожить её? Ведь бороться со Христом – это бороться против любви, против Бога. И фарисеи, борясь с Ним, не думают, что они идут против Бога; им кажется, что они за Бога. В чем дело?

В творении Исаака Сирина, преподобного VII-го века, есть глубокая мысль о том, что любовь Божественная действует двояко на человека: грешников она раздражает и праведников она веселит. Вот в чем тайна.

Когда человек болен глазами, он не может смотреть на солнце, оно нестерпимо для него. И ему надевают даже повязку на глаза, особенно после операции; он не может света (даже дневного) выносить. Не потому, что свет солнечный плох, а потому, что глаза больные.

Так и с Божественной любовью; дело не во Христе, а дело в испорченном сердце человеческом. Фарисеи его испортили гордостью; им казалось, что они всё знают, они всё исполняют, они праведники. И они уже надеялись на свои дела, на свою праведность; а когда человек надеется на праведность, ему и Бог не нужен, он сам уже всё может. И когда Иисус Христос напоминает всем, что вы – боги, как говорил псалмопевец, то Он не имел в виду это надеяние на себя; а именно – надеяние на Бога.

Если я живу Богом, я не могу надеяться на свои праведные дела, и всё, что бы я ни сделал, я не приписываю себе, а только Господу. И поэтому никогда не должно возникнуть в сердце человека, который истинно чтит Бога, никакой гордыни; он ничего не может приписать себе. Ничто не принадлежит нам, всё принадлежит Богу. Мы одарены и живем этим даром, и естественно для нас только благодарить Господа за все Его благодеяния, данные нам.

И вот эта тайна любви Божией, тайна общения в любви с Богом и друг с другом, не открыта была гордому сердцу фарисейскому; и поэтому они так ожесточились против Христа и говорили Ему, что Он богохульствует. И когда Он сказал, что Он Сын Божий, это вызвало у них приступ ярости и они не верили этим Его словам; и не верили делам, которые свидетельствовали об этой любви, потому что это были дела милосердия, дела милующего и любящего сердца.

И каждый из нас всегда проверяет свои отношения с Иисусом Христом, спрашивает себя, как складываются мои отношения с Ним, и люблю ли я Его любовь, и живу ли я этой любовью. Нам всецело полюбить Христа мешает наш эгоизм, наше себялюбие. Мы что-то любим в себе и надеемся на это своё. И тогда у нас нет надежды на Господа, и мы тогда не можем ответить Ему полностью, всем своим существом, на Его призыв быть с Ним всецело, жить только Им.

Да, мы должны любить себя, заповедь об этом гласит: «возлюби ближнего, как самого себя»; но мы должны любить в себе не грех – а мы часто обманываемся и любим в себе грех, но не образ Божий, который действительно нужно любить, – мы можем любить в себе только это: искру Божию, образ Божий. А грех должны

возненавидеть, не играть с грехом; должна быть решимость отстать от греха, любого, у каждого они свои – и только в свете этой решимости совершается утверждение, и только тогда путь наш во Христе не искривляется, тогда он всегда прямой. Когда мы не оглядываемся назад, на свой грех, мы не искривляем этот путь.

И дай, Господи, всем нам открыть свое сердце только Господу, Его любви, и закрыть его для греха. Аминь.

Пятидесятница

30.05.99. Литургия

Ин 7:37-52; 8:12; Ин 20:19-23; Деян 2:1-11

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Поздравляю вас, дорогие братья и сестры, с праздником Святой Троицы, сошествия Святого Духа на апостолов. Это случилось в Иерусалиме, как вы слышали из апостольского чтения, в 50-й день по Воскресении, когда ученики Иисуса Христа, по заповеди, не отлучившись из Иерусалима, пребывали в иерусалимской горнице вместе с Божьей Матерью. Внезапно они услышали шум, как бы от сильного ветра, и увидели над своими головами пламень в виде огненных языков. И это видение означало сошествие Духа Святого на апостолов, по обетованию Иисуса Христа.

На утреннем чтении сегодняшнем праздничном мы слышали отрывок из 20-й главы Евангелия от Иоанна о том, как Иисус Христос, по Воскресении Своем, являясь ученикам, преподал им мир и «дунул на них, сказав: примите Духа Святого; кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся». Казалось бы, уже получили Духа Святого апостолы и зачем

нужно второе пришествие Святого Духа, второе дарование Духа Святого? Но есть различие духовное между дарованием Духа Святого Иисусом Христом ученикам и сошествием Святого Духа на апостолов, уже не преподанного им Христом: физически Христа с ними уже нет, Он вознесся, – и, по обетованию, Дух Святой нисходит на них.

В первом случае Господь Иисус Христос преподаёт Дух Святой не кому-то одному из апостолов, не каждому в отдельности, а всем: здесь Он создаёт мистическое Тело Церкви. А в день Пятидесятницы четко было показано, что Дух Святой нисходит на каждого из присутствующих: это личный дар от Бога Отца каждому, та благодатная сила, которая животворит человека, одухотворяет его, даёт силу соединиться с Богом и с ближним. Без этой силы человек – персть, земля; и без этой силы человек живет только человеческим духом, и его недостаточно для того, чтобы преобразить себя и преобразить мир, обожиться, одухотвориться.

Только в Духе Святом может совершиться великая тайна нашего общения с Богом Отцом и с ближним. Без Духа Святого мы немощны, слабы, завистливы, горделивы; посмотрите, какими слабыми, немощными были ученики Иисуса Христа, апостолы. Это после сошествия Святого Духа они преобразились и стали иными, а до этого мы встречаем в Евангелиях много примеров их слабости и немощи: когда они хотят мстить за то, что их не приняли в Самарии, они ищут первенства (кто сядет в Царстве Небесном рядом с Иисусом Христом) и т.д. Но после сошествия Святого Духа они преобразились.

Они получили ту силу, которая сделала их смелыми и не имеющими страха человеческого. Из-за стра-

ха человеческого апостол Петр трижды предал Иисуса Христа, а имея Святого Духа, он уже не боялся идти на крест и принял мученическую кончину.

Мы получаем дар Святого Духа, выйдя из крещальной купели, через миропомазание, которое совершается как таинство над нами. И совершая это таинство, пресвитер говорит: «Печать дара Духа Святаго. Аминь». Т.е. мы Духом Святым утверждаемся; утверждаемся в истине, утверждаемся в любви, получаем твердость, силу противостоять злу и всяким соблазнам.

И если мы имеем Духа Святого, мы миротворцы, и мы способны соединиться с ближними и общаться с ними в любви. Без Духа Святого мы охлаждаем в любви и уходим от любви; нам нечем любить без Духа Святого: мы можем любить только условной, человеческой любовью, – и любя так, много страдаем, потому что человеческая любовь бывает корыстна. Её корысть в том, что человек хочет привести к себе, пленить кого-то, не общаться в свободе; а Дух Святой дает вожденную свободу общения. И в Духе Святом человек, любя кого-то, не приводит к себе, а ко Христу и к Богу, – а это уже жизнь в истине, в свободе, и жизнь в настоящей любви.

И дай, Господи, чтобы люди всей земли, как молился старец Силуан, познали Духа Святого, чтобы они призвали Его в свою жизнь, чтобы Он вывел их из тьмы и из всех тупиков жизни, в которые вошли они.

И вчера мы, после многих дней пребывания без молитвы Святому Духу, с ликованием пели: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша». Эта молитва была как ожидание нужного, обильного дождя во время бездожия, и

как ожидания той духовной росы, которая нужна нашей душе, которая ею животворится и умиротворяется. Аминь.

17.10.1999 Литургия

Лк 6:31-36; Кол 1:18-23

О любви к врагам

Вы слышали Евангелие от Луки, главу 6-ю, с 31-го по 36-й стих, в котором Иисус Христос, обращаясь ко всем Своим слушателям, призывает их быть сынами Всевышнего, т.е. призывает к совершенству. Он хочет, чтобы каждый из нас был похож на Бога, на Сына Божия.

Чем мы можем быть похожи на Бога? Бог есть любовь. Следовательно, если в нас есть любовь, мы – Божии, мы сыны Всевышнего; если в нас нет любви, мы не похожи на Него. Христос благословляет нас всех любить и приглашает к самому трудному подвигу: «любите врагов ваших». Эти слова Его являются камнем преткновения для каждого из нас. Каждый из нас может проверить себя сейчас и скажет себе, легко ли исполнить эту заповедь.

В мире есть деление на врагов и друзей, на хороших и плохих людей. И если мир будет жить таким разделением, он никогда не освободится от зла, и зло будет умножаться; потому что когда человек ищет врагов, занят поиском врагов, он пытается с ними расправиться: он их физически уничтожает, или словом их уничтожает, и старается сделать всё возможное, чтобы их не было, – не путем преображения, не путем любви, а путем уничтожения. Но зло невозможно уничтожить злом.

Но как рассудить, и как утвердиться в любви к врагам? За что их любить? И часто человек спрашивает: за что любить этого человека, если он убил десятки людей, да еще с пытками, и не считает себя виновным? или постоянно крадет, и крадет даже у человека, у которого последняя копейка? И как, мол, такого человека любить: это ж безжалостный человек, в нем ничего нет уже живого и святого. Сердце, мол, отказывается такого человека любить, и таких людей нужно изолировать или уничтожать. И идут бесконечные сейчас споры, применять ли смертную казнь или не применять.

Ответ дан на эти все споры уже давно, и когда люди спорят, это показывает, что они не вошли в евангельский опыт жизни, и не познакомились с Христом, и не увидели Его в сердце своем. Христос не делит мир на добрых и злых. И Он не отказывает в Своей любви никому.

Мы видели, с кем встречался в земной жизни Иисус Христос во время Своей общественной проповеди. Он входил в дом мытарей – сборщиков налогов для оккупантов, римлян, – людей нечестных, которые обирали народ и присваивали чужие деньги себе; и их презирали за это, но Христос их любил. К Нему привели женщину блудницу: её застали в прелюбодеянии, и по закону иудейскому должны были убить (т.е. каждый должен был бросить камень, и она должна была быть мертва); смертный грех прелюбодеяние, и по закону иудейскому, человек должен быть наказан лишением жизни. А Христос не отказывает ей в жизни, Он её тоже любит, говорит: «Я тебя не осуждаю, иди и не греши». И еще можно приводить множество примеров общения Иисуса Христа с людьми, которых общество отвергает, ненавидит за их пороки, за их тяжкие преступления.

И опять вопрос ко Христу: а за что Ты любишь таких людей? Почему они для Тебя не враги? Может быть, это притворство, может быть, это просто такая мораль, которую вообще невозможно исполнить, — и Ты это говоришь для того, чтобы сдержать зло? Нет, Христос относится к людям, с которыми встречается, очень искренно, от всей души, от всего сердца; и Он, видя человека в грехе, прежде всего, ему сочувствует, и не смешивает грех с человеком, и отделяет грех от того образа Божия, который есть в каждом человеке.

И Своим прощением, Своей любовью Он говорит человеку: Я люблю в тебе этот образ Божий, но грех твой ненавижу, потому что это не ты, это то, что пришло в мир после грехопадения. И Я пришел восстановить твой образ, сделать тебя цельным, Я пришел тебя преобразить до неузнаваемости: ты должен быть новым и чистым. Если ты примешь Меня, Мою любовь, ты станешь другим и будешь похожим на Меня, а не на отца лжи.

И вот, некоторые люди, которые встретились с такой любовью Христа, они изменились к лучшему. Но эта любовь многих испугала, они не приняли эту любовь, отвергли и подняли руку на эту любовь. Это показало, что сердце этих людей окаменело и не впускает в себя ту искру благодати, которую Господь дает всем.

Следовательно, мы, беря урок любви у Иисуса Христа, — не только с Его слов, но и из Его поведения, — должны всегда стараться смотреть на человека Его глазами: не своими человеческими глазами, не измерять человека нашей мерой, и не судить его, а, прежде всего, помочь человеку. Увидеть нужно, как ему трудно в его грехе, и как он своим грехом заявляет о своей трудности.

Ведь когда человек грешит, он таким странным образом показывает, что он не знает, что такое любовь, он просит этой любви; грех обращает на себя внимание. И Христос видел человека в страдании, а грех видел во вторую очередь. Так и мы должны, прежде всего, увидеть беду человека, его муку, его страдание, и потом стремиться помочь ему выйти из его затруднительного положения. И когда мы не осуждаем, мы человеку даем жизнь; когда мы осуждаем человека, мы отнимаем эту жизнь и не даем силы ему подняться.

И смысл жизни, говорит нам Иисус Христос в предыдущем Своем поучении, заключается в отдаче. Мы живем не для себя, мы живем для Бога и для других. И то, что мы отдали, мы имеем; и то, что держим при себе и очень крепко, это потеря: мы нищие, мы ничего не имеем, если то, что имеем, желаем для себя, для своего удовольствия, только для себя.

И Христос отдавал всё людям: и Свои силы, и Свое время, — и отдал Самого Себя за нас. Отдать себя за ближнего бывает очень страшно. Человеку кажется, что он лишается всего. Что же останется для меня, для самого себя? Вот, как раз такого вопроса не должно быть. Нельзя раздваиваться в любви, и нельзя в полноте совершить Божье дело, если мы не отдаем себя всецело Господу и ближнему. Любовь не измеряет и не рассчитывает, она всегда предстает цельной, полной у Иисуса Христа, и только у человека может возникнуть вопрос недоуменный: почему Он так поступает? почему Он так делает? Но это оттого, что мы еще не умеем посмотреть на ближнего так, как смотрит на него Христос; и не умеем себя еще отдать ближнему так, как отдает Себя ближнему Христос.

Никто из нас не может сказать, что он достиг совершенства в любви, стремясь к этому совершенству; но важно стремиться к этому, важно идти не от любви Божьей, а к ней, и Господь на этом пути всегда помогает тому, кто трудится, и дает ему Свою благодать.

Пусть в нашем сердце всегда будет жажда такой совершенной любви, в которой нуждается мир и каждый живущий в этом мире, потому что в нем эта любовь убывает; но в Церкви Христовой она должна всегда быть как закваска, которая может всё тесто заквасить, т.е. весь мир, и преобразить всех людей в этом мире. Но, думая об этом, мы должны всегда начать с себя, со своего сердца, и просить у Господа помощи, чтобы оно было у нас живое и чтобы оно умело любить Его, Христа, Его Отца, ближнего, как Он умел это. Аминь.

Иконы Божией Матери «Знамение»

10.12.2003. Литургия

Лк 19:37-44; Евр 3:5-11; 17-19

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня православная Церковь чествует икону Божией Матери, именуемую «Знамение» (слово «знамение» означает знак). И этот знак Божий был получен жителями Новгорода, которые находились в опасности, ибо надвигались войска суздальского князя Андрея Боголюбского, шла междоусобная война, и новгородцы могли потерять и внешнюю свободу, и погибнуть в битве.

И в сегодняшнем Евангелии, которое только что вы слышали, сказано о Марии, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Господь говорит: «Мария избрала благую часть, которая не отнимется у неё». И вот, нов-

городцы не стали сразу думать о военном сражении, не потянулись к оружию, – они избрали благую часть: т.е. все жители города стали на молитву, которая продолжалась несколько дней, и постились.

И архиепископу Илье был голос идти в храм Преображенский и взять икону Божьей Матери, и с нею выйти на городскую стену, – что было и сделано. И когда суздальцы увидели крестный ход по городской стене с иконой Божьей Матери, они пустили тучи стрел – и одна из них попала в лик Пречистой Божьей Матери, вонзилась в него, и из очей Божьей Матери потекли слёзы; и икона повернулась лицом к городу. И это и было тем знамением, Божественным знаком, о помощи, о спасении.

Действительно, вскоре после этого враги почувствовали смятение, началась паника, и вместо наступления началось бегство и осада была снята. Т.е. мы видим пример веры, надежды не на силу оружия, не на внешнюю силу; ибо сказано: правда не в силе, а сила – в правде.

И верующий человек сердцем понимает, что должен вести в этом мире не видимую брань, а невидимую: не искать врагов и уничтожать их – в Церкви борются не против человека, а за человека; это в мире, который не знает Бога и живет по человеческим законам, идет постоянное уничтожение людей. И так происходит потому, что люди ищут виновников плохой жизни, они ложно их находят и уничтожают, и от пролития крови в мире её становится еще больше: что посеешь, то пожнешь, посеешь зло, – пожнешь зло, – а надо избрать благую часть, т.е. стремиться преобразить этот мир не силой внешней, а любовью.

Это заповедовал Господь и этим живут христиане, но, к сожалению, мир сей не хочет так жить, как учит

Христос. Люди мира сего хотят бороться друг с другом, занимать первые места, еще больше богатеть не в Бога, а в свое богатство, и тем самым жизнь мира сего не преобразуется, а разрушается.

Из жизни уходит жизнь: как я уже говорил, сейчас призрак жизни бродит, – потому что много людей уже не хотят жить органично, натурально, а хотят жить какой-то выдуманной жизнью. Им навязывается всё, и люди, не имея духовного сопротивления, не имея веры, принимают это насилие – и говорят, что так комфортно жить: когда часами смотрят какие-то глупости, и жизнь уходит в это время, а человек находится как в каком-то тумане нереальности. И сильные мира сего хотят и устроить так жизнь, чтобы в ней человек служил не Богу, а идолам.

И этих идолов развелось очень много уже, и люди усердно поклоняются этим идолам; часами люди проводят [время] за пустыми играми, смотрят пустые зрелища, а жизнь уходит – и человек становится не богаче, а становится очень мелким, поверхностным, пустым, и в нем нет содержания, в нем нет духа жизни, а одна пустота – и в глазах, и в манере поведения, и во всем, что он говорит – пустота. И всё потому, что человек начал служить идолам.

И помоги, Господи, нам всем обрести веру в Бога – потому что мы хотя и молимся и всё, но веры в нас почти нет. И отец Серафим одному священнику даже сказал: «Отец Николай, пора начинать молиться» (он прослужил уже около 40 лет) – этим дал ему понять, что тот плохо молится.

И нам нужно не считать за хорошую христианскую жизнь исполнение всех внешних правил её, – а самое главное, чтоб дух наш был утвержден в вере и чтобы

мы не колебались; чтобы мы умели слышать Бога, как это умела делать Дева Мария, – а мы боимся голос своей совести услышать, потому что совесть нам всегда скажет правду: и мы начинаем уходить от этого. Т.е. совесть нам говорит: сделай вот это, – а если сделать, это очень большой риск, и трудно что-то делать, надо переломить себя, – а не хочется: хочется, чтобы было всё полегче. И голос совести говорит, а мы как будто бы не слышим его, и проходим мимо – проходим мимо своей совести, мимо ближних, мимо Бога, и идем в пустоту. И помощи нам, Господи, исправиться.

Сейчас Рождественский пост; в Великом посту мы поем молитву «Да исправится молитва моя» на литургии Преждеосвященных даров, – в Рождественском посту мы не служим этой литургии, но дух этой молитвы должен присутствовать и в этом [...] чтобы наше общение было с Ним истинным – не внешним, не формальным, не только устами: пришли, попели и ушли, прочитали, пробарабанили молитвенное правило наспех и ушли от Бога. Так с Богом не общаются.

С Богом надо общаться, вслушиваясь в Его голос и входя в Него; как и в общении друг с другом люди любят открытость: если вы что-то говорите человеку, а вас он не слышит, то и нет общения, и вы видите, что человек бегаёт глазами по сторонам, ему чего-то хочется другого, – а вам хочется именно общаться, – но он не слышит ваших слов, не хочет: он занят собой. И вот, наш грех – это самолюбие, эгоизм: мы заняты собой; это единственное препятствие: наше самолюбие, эгоизм – в том, чтобы услышать голос Божий и услышать этот голос и в ближнем.

И Господь хочет, чтобы мы отверглись себя ради жизни.

И пусть посетит нас благоразумие, чтобы мы могли поразмышлять о себе и в дни Рождественского поста познакомиться с собой: какие мы на сегодняшний день. Мы можем создать себе образ свой: какой я христианин, — это будет всё внешне; а нужно посмотреть в реальности, внутри: какой я христианин на сегодняшний день — и реально ли я христианин?.. или только оболочка, только одно название «христианин», а жизни христианской нет...

И Господь хочет, чтобы мы с Ним общались истинно, реально, и чтобы наша жизнь христианской была не формально, а жизнью вполне. Аминь.

Священник Владимир Лапшин

ПРОПОВЕДИ

01.11.2017. Литургия

Лк 9:44-50; Кол 3:17-4:1

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мне кажется, что сегодняшние литургические чтения, эти два отрывка: отрывок из Евангелия от Луки и отрывок из послания святого апостола Павла к Колоссянам, прекрасно дополняя друг друга, говорят нечто очень-очень важное для понимания христианства. Они открывают наиважнейшие, скажем так, принципы христианской жизни. Но, прежде всего, евангельский отрывок. Господь говорит, – кто меньший из вас, тот будет большим в Царствии Божьем. Нам трудно это понять, нам трудно это вместить, мы все время здесь, в этом мире, в этой жизни пытаемся над кем-то возвыситься, стать больше, чем кто-то другой, ну, хоть кто-нибудь, ну хоть на каком-нибудь уровне. Пусть не на уровне государственном, или даже не на работе, ну, так хотя бы в семье, над детьми хотя бы, но хоть кем-то я покомандую, хоть над кем-то я превознесусь... или там муж над женой, жена над собственными детьми, свекровь над невесткой, главное, чтобы быть выше кого-то. А Господь открывает, что в Царствии-то Божьем все совсем наоборот, все совсем по-другому: тот, кто меньше всех, кто может действительно так умалиться, чтобы быть меньше всех, – он-то и будет самым великим, он-то и будет выше всех.

Другой принцип, который нам тоже трудно вместить, который мы тоже никак не можем понять... Нам все время кажется, что кто не с нами, тот против нас. Но Господь говорит совсем другое, Господь говорит: «Кто не против вас, тот с вами». Иоанн рассказывает Ему: «Мы видели человека, именем Твоим бесов изгоняет, ну мы ему запретили, потому что с нами не ходит, потому что не такой, как мы». С нами не ходит, и мы ему запретили – вот наш излюбленный принцип. Но Господь говорит: «Не запрещайте, ни в коем случае не запрещайте, как можно?» А ведь мы постоянно видим противников в тех, кто «не ходит с нами». Например, в отношениях между Церквями, между конфессиями мы постоянно видим разделение, мы постоянно кого-то отвергаем, выбрасываем из нашей жизни, потому что *с нами не ходит*. Мы бы с удовольствием запретили всех этих баптистов, католиков, лютеран, англикан – всех бы позапрещали: с нами не ходят, не такие, как мы. Но вот Господь говорит ученикам: «Не лезьте не в свое дело, не ваше дело запрещать – не запрещать. Если они не против вас, значит, они за вас». И это очень важный момент. Но как научиться этому, как это вместить в себя?

И апостол Павел об этом говорит в отрывке из послания к Колоссянам: «Чтобы у вас так получилось, все, что ни делаете: делом ли, словом ли, вообще по жизни – все делайте во имя Бога, во имя Христа Иисуса, чтобы через Него, тем самым, благодарить Бога Отца». Это очень важный принцип. Мы ведь все делаем... Почему у нас вот это не получается, почему нам это трудно вместить? Потому, что мы считаем, что мы должны жить во имя свое, мы должны жить ради себя, мы должны жить так, чтобы мне было хорошо, ну, в крайнем

случае еще жене и детям. Но ведь жена и дети — это мое продолжение, это я сам, то есть, это опять все для себя. А вот Павел говорит, что жить... если вы действительно христиане, если вы действительно хотите научиться по-христиански жить, то жить надо во имя Бога, во имя Христа. И дальше он рассматривает все сферы жизни человеческой. Он говорит о том, что жены должны повиноваться мужьям, как это прилично. Почему? Не потому, что муж всегда прав, нет, а ради Бога, ради Христа, чтобы был мир в семье. Муж должен любить свою жену, и совсем не потому, что она самая умная, или самая красивая, или самая хорошая хозяйка, нет, а чтобы был мир в семье, чтобы действительно это была семья, то есть ради Христа. Не раздражать детей, а дети должны слушаться родителей. Те, кто подневолен, те, кто работает по найму, те, над кем есть начальство, должны стараться работу свою делать хорошо не для того, чтобы только внешне как-то угодить, а, — как он пишет, — от души, потому что делать это надо все опять не для людей, а для Бога, для Христа. Но и те, кто командует, господа, и вы тоже будьте справедливы, не злоупотребляйте своей властью, помните, что и над вами есть Господь на Небе. И вот это очень важно все понять. И если мы действительно это поймем, если мы как можно чаще будем напоминать себе об этом, тогда, может быть, в нашей жизни действительно что-то начнет меняться. Тогда и мир, может быть, вокруг нас будет меняться.

Давайте задумаемся об этом, и да хранит вас Господь!

26.11.2017. Литургия

Лк 10:25-37; Еф 4:1-6

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Родные мои, притчу о добром самарянине, которую мы только что слышали, мы знаем очень хорошо, мы много раз ее читали, мы много раз говорили о ней, и здесь как бы и нечего добавить, – все понятно. Господь говорит: «Иди и ты поступай так же». Поэтому сегодня я хочу обратить ваше внимание на начало этого евангельского отрывка и, может, как-то связать его с апостольским зачалом.

Законник, то есть человек сведущий в религиозных делах, можно сказать, профессиональный верующий спрашивает Иисуса, искушая Его: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?». Кто из нас не задавался этим вопросом? Что делать, как быть? Что значит быть христианином? Как обрести спасение? Как найти Царство Божье? Как наследовать ту подлинно достойную человека вечную жизнь? Две тысячи лет христиане задаются этим вопросом. Но в Евангелии же все написано. В Евангелии четко сказано, и даже раньше, еще до Иисуса, Он только подтверждает правильность этих слов; сам законник приводит ветхозаветную заповедь и говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем, всей душой, всей крепостью, всем разумением, всей самой своей жизнью возлюби Господа Бога и ближнего, как самого себя». Все. Казалось, законник мог бы добавить что-нибудь о субботе, об обрезании, о жертвоприношениях, о ритуальных очищениях или еще что-то. Ну уж, по крайней мере, об обязательности принадлежности к народу избранному, к народу Божьему. Нет. Он говорит о самом главном, о том, на чем действительно

все держится. С тех пор прошло две тысячи лет, и многие все еще спрашивают: «Господи, а что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Мы все время пытаемся... Мы надеемся, что Он скажет что-нибудь другое. Мы надеемся, что, может быть, все сведется только к исполнению каких-то ритуалов; может, Он скажет, что нужно обязательно покреститься, что обязательно нужно читать утреннее и вечернее правило, что нужно соблюдать посты – сейчас Рождественский пост грядет – что без этого, ну, никак не спасешься, без этого никак не войдешь в Царство Божье. Конечно, и в церковь ходить обязательно надо. И этого, казалось бы, нам, достаточно. Но нет, нет. И сегодня Господь всем нам, всем людям на земле говорит, что только одно нужно, чтобы наследовать вечную жизнь. И это любовь. Любовь к Богу и любовь к ближнему.

О том же самом, в принципе, говорит и апостол Павел в отрывке из послания к Ефесянам, который мы сегодня читали. Он говорит: «Поступайте достойно того звания, к которому вы призваны». Он имеет в виду звание христианина – быть учеником Христовым, он имеет в виду быть христианином, он имеет в виду быть просто человеком, ведь это тоже звание: человек. И как нужно, как... что значит поступать достойно этого звания? А это значит, выстраивать отношения с другими людьми со всякой кротостью и смирением... снисходя друг ко другу любовью. Апостол Павел тоже ничего не говорит ни про вечернее и утреннее правило, ни про посты, ни про многое-многое другое, что уже было в традиции учеников Христовых. Нет, он говорит только о любви, только о том, чтобы снисходить друг ко другу любовью.

Но и тут мы пытаемся искушать Иисуса Христа. Подобно тому законнику и мы говорим: «А кого нужно

любить, а кто мой ближний?». А кто мой ближний? И опять же в сегодняшнем евангельском рассказе Господь говорит о том, что ближний – это не тот, кто тебе нравится, не тот, кто рядом с тобой, ближний – это не тот, кто тебе симпатичен или тот, кто делает тебе что-то хорошее. Ближний – это тот, кто нуждается в тебе, кто нуждается в твоей помощи. И неважно, к какой религии он принадлежит, неважно, к какой конфессии он принадлежит, абсолютно не важно, вообще – верующий он или нет. Он нуждается в твоей помощи, он нуждается в тебе, вот он и есть твой ближний. А что такое любовь? Ну, хорошо, с ближним разобрались, а что значит любить? А любить означает... опять же в евангельском отрывке читаем: человек жертвует своим... своими удобствами, что называется, своим покоем, своей тишиной, он жертвует трудами, ухаживая за этим израненным человеком, он жертвует, отдавая деньги за лечение этого человека. Более того. Казалось бы, уезжая оттуда он мог сказать: «Я сделал все, что мог, пусть дальше кто-нибудь другой о нем позаботится». Нет, он говорит хозяину гостиницы: «Ты ухаживай за ним, а я тебе отдам, заплачу все, что ты издержишь более». Вот что такое любовь. Давайте задумаемся, почему... Мы очень любим называть себя верующими, очень легко называем себя христианами, учениками Христа. Но мы очень часто забываем о том, что это значит, как поступать достойно того звания, которое мы носим.

Кто-то может сказать: «Ну, а что, тогда Церковь, может, и не нужна? Тогда и в Церковь ходить не надо. И вообще, все, что напридумывали за две тысячи лет, – оно все лишнее». Родные мои, если для нас Церковь – это что-то исключительно ценное само по себе, и за этим не стоит главное – любовь к Богу и к ближнему,

тогда да, действительно, это все напридумывали за две тысячи лет, и никому оно не нужно. Но если это нас собирает вокруг Христа, если это нам помогает понять, как мы должны поступать в этом мире, если дает нам силы, поддержку именно так поступать, дает возможность именно здесь и сейчас учиться – потому что где еще у нас больше возможностей научиться поступать достойно нашего звания, снисходя друг ко другу любовью, как не в Церкви, где мы такие разные, где мы собираемся, порой, чужие друг другу. Только здесь мы становимся родными, только здесь мы становимся друг другу ближними. Когда мы приходим сюда впервые, мы чужие друг другу, мы друг друга не знаем. И именно здесь мы можем научиться быть христианами. Поэтому Церковь – конечно, важна. И все, что здесь совершается, все, чему мы здесь учимся – это все очень важно. Но важно только в том случае, еще раз повторяю, если в Церкви действительно присутствует та любовь к Богу и к ближнему, о которой говорит Господь. Если нет этого главного, если нет этого центра, тогда действительно все остальное – пустышка. Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

Неделя Крестопоклонная

11.03.2018. Литургия

Мк 8:34-9:1; Евр 4:14-5:6

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас неделя Крестопоклонная, и вновь посреди храма лежит Крест для поклонения ему, и уже вчера вечером мы пытались размышлять о том, что это

значит для нас сегодня. Конечно, мы вспоминали и об искупительной жертве Иисуса Христа, о том, какой ценной нам даровано наше спасение и возможность сегодня здесь быть всем вместе, молиться нашему Небесному Отцу и называть Иисуса Христа своим Господом. Мы говорили о той ответственности, которая в связи с этим возлагается на каждого из нас. Но все это как будто как-то далеко: и это было далеко, было давно, и сегодня оно кажется нам чем-то вообще не из нашей жизни: распятие, крест, кровь. Сегодня крестами мы украшаем купола наших храмов – золотыми крестами, красивыми, блестящими на солнце. Сегодня кресты украшают стены наших квартир, у некоторых начальников даже висят в кабинетах. Сегодня крестиками, как мы уже утром говорили перед началом литургии, женщины, девушки украшают себя, вешают на грудь, в уши, я даже недавно видел девушку, у нее в носу крестик был, очень симпатично, красиво. В принципе, все мы так или иначе надеваем на себя крестик, мы не выставляем его напоказ, но где-то там под одеждой он у нас есть. И что это такое для нас, для чего это?

Очевидно, это как-то связано с поклонением кресту, как-то связано с тем, о чем мы говорили вначале. Но как? Что это? И вчера вечером мы говорили о том, что это знак, да, это знак нашей принадлежности к народу Божьему, знак нашей принадлежности Богу. Тем самым мы заявляем и миру и напоминаем себе о том, что мы не сами по себе, о том, что мы принадлежим Богу, Он – владыка нашей жизни. И вчера я уже призывал задуматься о том, а так ли это на самом деле, действительно ли мы считаем себя принадлежащими Богу, действительно ли мы помним, что мы не сами по себе, а что мы

Божьи, и что жить мы должны не для себя, а для Бога. И неслучайно сегодня читается именно этот отрывок из Евангелия от Марка, где Господь говорит: «Кто хочет быть Моим учеником, кто хочет идти за Мной, отвергнись себя», то есть забудь о себе, не живи для себя, живи не для себя, а живи для Бога, возьми свой крест, крест служения, крест самоотвержения и следуй за Мною. Служить Богу, быть верным Богу даже до смерти, служить Ему.

Но что значит служить Богу, как мы можем послужить Ему? Некоторые считают: богослужение и есть наше служение Богу. Родные мои, да Ему надо все, что здесь происходит? Это не Ему надо, это не богослужение в том смысле, что это наше служение Богу. Это богослужение только в одном смысле: это Его служение нам, потому что это нам надо. И не мы Ему тут что-то даем, а Он нам дает. А как же мы можем Ему служить? А об этом Он в другом месте говорит: «Все, что вы сделали одному из меньших Моих братьев, вы сделали Мне». Служение Богу – это служить людям, жить для других, не для себя, а для других, отвергнуть себя и жить для того, чтобы другие были счастливы, чтобы другим было хорошо, чтобы другим было радостно рядом с нами. Еще в одном месте Господь говорит: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они, видя вас, видя ваши добрые дела, прославляли Отца Небесного». Вот это – служение Богу.

Так есть ли это в нашей жизни, действительно ли мы Божьи, действительно ли мы христиане, действительно ли мы имеем право носить эти крестики на себе, или это только фасад, только внешность, мишура некая, которую при случае можно и снять с себя, как

мы идем иногда, например, в баню, кто-то там, наверное, крестик снимает. Кто-то, может быть, к врачу идет, – крестик можно снять, чтоб не соблазнять. Или действительно этот крест, он у нас на сердце, вырезан. Говорят, что копты крестики нательные не носят, они кресты-татуировки делают, его уже не снимешь ни в бане, ни у врача, нигде. И там это действительно знак мужества, потому что они живут в окружении, часто враждебном. Вы знаете, там и храмы поджигают, и погромы бывают, и убивают, и все, что угодно. И этот знак уже с себя не скинешь при необходимости. А у нас все очень легко, все очень просто. Так вот сегодня Церковь нас призывает задуматься, действительно есть в нашей жизни хотя бы попытка этого служения, или мы ищем все это, и в церковь-то приходим только для себя, только чтоб нам как-то полегче стало, чтоб мне получше было – или все-таки за этим что-то стоит? Давайте задумаемся, потому что на самом деле это очень важно. Наверное, с этого момента, с этого решения, с этого самоопределения, самоотвержения, собственно, христианство только и начинается.

Да хранит вас Господь!

Среда Крестопоклонной седмицы

14.03.2018. Литургия Преждеосвященных Даров

Ис 26:21-27:9; Быт 9:18-10:1; Притч 12:23-13:9

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Родные мои, сегодня вот, в среду седмицы Крестопоклонной я хочу обратить ваше внимание на все три отрывка из Ветхого Завета, которые сегодня читались. Хотя надо честно сказать, что на слух, может быть, не

очень все это воспринималось. Но они все важны и, как мне кажется, прекрасно дополняют друг друга.

Пророк Исайя, отрывок из книги которого мы читали на шестом часе, говорит о нападающих на виноградник Бога и о том, что Он (Бог) истребит всех, творящих зло этому винограднику. Под виноградником в те времена пророк имеет в виду, конечно, Израиль, народ Божий. Но для нас сегодня это звучит гораздо, с одной стороны, шире, с другой стороны, глубже. Речь идет о чем?.. Виноградник Божий – это народ Божий, Царство Божье, – те, кто живет милостью Божьей. Это добро, еще как-то и где-то существующее в мире. И на это добро, на эту милость, благодать, на явление Царства Божия со всех сторон ополчаются враги, то, что можно было бы назвать злом. И вот пророк Исайя от имени Господа говорит, что это зло будет истреблено, что воссияет этот виноградник, воссияет Царство Божье, воссияет это явление, скажем так, милости и любви Божьей здесь в этом мире, то есть правда восторжествует, а зло будет истреблено.

Но сегодня все так перепуталось, сегодня люди на полном серьезе спрашивают: «А что есть правда? А что есть зло?». И очень часто черное называют белым, белое называют черным. И в этом нам помогает разобраться отрывок из книги Притчей, который мы сегодня слышали. Там речь идет о смирении, о мудрости, о бедности, и о том, что противостоит им – глупость, наглость, богатство, выставленное напоказ. Правда – она смиренна, она мудра, она тиха, она не выставляется; кому надо, тот ее и так увидит, и поймет. А то, что можно было бы назвать злом, тем, что противостоит этой правде Божьей, этому добру Божьему – оно шумное, оно пытается выставить себя, оно пытается

сделать так, чтобы все заметили, чтобы все считались, чтобы все видели, – свое богатство выставить напоказ, силу свою выставить напоказ, в конечном счете, глупость свою выставить напоказ и буйность свою. И это проявляется сегодня на очень многих уровнях, что мы видим везде, достаточно включить телевизор или открыть интернет.

Но это проявляется, к сожалению, и в нашей с вами жизни, на бытовом уровне. О чем замечательно говорит отрывок из книги Бытия. Мы сегодня что только не называем хамством. Подлинное хамство – это посмеяться над ближним своим, выставить напоказ его недостатки, поговорить с подружкой о ком-то, обсудить там чьи-то промахи, неудачи, ну, или с другом за кружкой пива, походя, сказать: «А он-то...». Все это разрушает Царство Божие, разрушает виноградник Божий. И пример этого противостояния добра и зла мы видим лежащим перед нами. Вот правда Божья пришла в этот мир, тихая, смиренная, не выставляющаяся. И что с ней делает этот мир: он ее распинает, он ее убивает. И кажется, что зло правит в этом мире, что зло окончательно победит, но мы-то знаем, что это не так, мы-то знаем, что за этой ночью, страшной ночью, казалось бы, победы зла, обязательно настанет утро Воскресения, утро правды Божьей. Вот такие мысли приходят в связи с этими отрывками из Священного Писания. Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

Неделя 4-я Великого поста

18.03.2018. Литургия

Мк 9:17-31; Евр 6:13-20

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня Церковь совершает память святого преподобного Иоанна Лествичника. Почему Церковь уделяет ему такое внимание, что одно из воскресений Великого поста посвящает его памяти, празднует его память? И что у него за прозвище такое – Лествичник? Говорят, что он написал книгу, замечательную книгу, которая так и называется «Лествица». Книга о духовной жизни, книга о восхождении человека к Богу. Правда, многие сегодня говорят: «Книга очень сложная, что-то – непонятно, с чем-то трудно согласиться, что-то вообще не из нашей жизни, что-то просто невозможно принять». На этот счет отец Савва Мажуко пишет в своей книжке¹, которую я вам очень рекомендовал на Великий пост, что «Лествица» написана монахом для монахов. Более того, она написана не просто монахом, а старцем, духовным старцем, и написана не просто для монахов, а для наставников монахов, то есть – старцем для старцев. Это, как он считает, такие «методические указания», и поэтому нам (мирянам) можно не заморачиваться. Я не знаю, может быть, он и прав, и ему виднее, он все-таки архимандрит, монах, и, к тому же, ученый, образованный, не то, что некоторые. Но мне кажется, что дело еще и в том, что книга «Лествица» написана верующим человеком для верующих людей. И кто-то сразу скажет: «Ну, значит для нас». Мы так легко на-

¹ *Мажуко Савва архим.* Неизбежность Пасхи. Великопостные письма. М.: Никея, 2018. (Прим. ред.)

зываем себя верующими, мы так легко считаем себя верующими.

Но что значит быть верующим человеком? Что такое вера? Ведь очень часто мы под верой понимаем что? Я верю в то, что где-то есть какой-то Бог. Я верю в то – да что там верю, я знаю – что Он может, в принципе, все и что, в принципе, у Него можно что-нибудь выпросить, можно уломать, и, может быть, Он даже даст, и, может быть, мне даже это будет на пользу, во всяком случае, хуже не будет – на самом деле бывает. Но сегодняшнее евангельское чтение как раз помогает понять, а что значит быть верующим, что есть вера. Мы часто обижаемся на то, что в наше время мало чудес совершается – ну бывают конечно, бывают, но мало, да, не так часто, как хотелось бы. Но почему? Вроде бы мы верующие. В сегодняшнем Евангелии Господь говорит: «Верующему все возможно, верующий все может». Но мы-то верующие, почему же у нас ничего не получается? Да и ученики не всегда и не все могли, и у них не все получалось, как мы видим из этого рассказа. Почему же ученики-то не смогли, ну что же они-то неверующие что ли? Ну ладно мы, может быть, неверующие, но они-то? Но когда они спрашивают: «Почему мы не смогли?», Господь прямо говорит: «По неверию вашему, по неверию». Правда, в Евангелии от Марка это не прозвучало, но в Евангелии от Матфея, где описывается эта история, там Господь конкретно говорит именно это.

Итак, что же такое вера? Очень часто у нас – это вера во что-то, вера в некое всемогущество, очень часто вера в наши какие-то представления о Боге, в формулы. Но на самом деле вера... Бывает ведь вот как: например, я знаю, что есть человек, мне не надо даже верить в это, я знаю, что он есть. Я верю в то, что он может очень

многое, – в силу своих каких-то властных полномочий, или богатства, или еще чего-то. Я знаю, что кому-то даже удастся его уломать и что-то от него получить. Но я в него не верю, я ему не верю, не верю ни одному его слову, я его не люблю. И поэтому в результате, у меня с ним даже не может быть никаких отношений... И очень часто наши отношения с Богом примерно так же строятся: я знаю, что Он есть, я знаю, что Он все может, я знаю, что, в принципе, можно Его уломать, но я как-то не доверяю Ему, побаиваюсь Его, а по сути не верю Ему, у меня нет личных отношений с Ним – вот что страшно. И ведь даже если мы пытаемся установить эти личные отношения, то не потому, что любим Его или во всем доверяем Ему, не потому что Он нам интересен, а только потому, что мы Его как-то можем использовать, что-то от Него можем получить.

Возможно, и у учеников Иисуса в данном случае тоже примерно такое же отношение, и им тоже нужно было что-то от Него получить, им нужна была помощь, нужно было одно, другое. И мы с вами приходим в церковь для того, чтобы договориться о том, об этом, о пятом, о десятом, получить то, выпросить это. А Сам-то Он нам нужен? Мы верим в Него? Мы доверяем Ему? Ведь если бы мы на самом деле верили, мы бы 99% из того, что мы просим, – мы бы даже не просили, нам бы это и не нужно было, у нас бы Он был, а это больше, чем достаточно. Понимаете? Можно вспомнить Книгу Иова. Помните, Иов сидит на гноище, возмущается, обижается, почему так, он готов судиться с Богом. Кто-нибудь может сказать, что Иов неверующий? Верующий. Он верующий в том смысле, что он верит в то, что да, Бог есть, и да, он знает, что этот Бог может все, но он возмущен этим Богом, он недоволен, потому что он

был богат, он был здоров, у него было все, а теперь он сидит на гноище, на пепелище, бедный, нищий и так далее, он готов судиться с этим Богом. Примерно такие же отношения у нас. Но вдруг Бог входит в его жизнь, Бог открывается ему, и ему уже ничего не надо, и он все понял, все встало на свои места. Вот это – вера. До этого Иов знал, что есть Бог, до этого он знал, что Бог может все, а тут он поверил Ему, доверился Ему.

Только что мы читали еще и отрывок из послания к Евреям, там автор этого послания очень много говорит об Аврааме. Помните эти слова: «И поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность». Поверил Богу. Не в Бога, не в то, что есть где-то Бог, а Богу поверил. Вот верующему, доверяющему Богу, любящему Бога все возможно, все во благо, все к Царству Божьему, все к Вечности. А по неверию – так, как обычно и бывает. Давайте задумаемся.

И еще один момент. Часто приходится слышать, что пост – это время, когда мы должны бороться со своими грехами, время, когда мы должны искоренять какие-то свои страсти и так далее. Я уже много раз говорил о том, что искоренять и бороться вообще не надо, этот дух борьбы он заражает очень. Хотя от грехов, конечно, и от страстей избавляться надо. Но во время поста мы должны учиться чему-то самому главному, а чему? Доверять Богу, верить Богу, искать эту веру, просить. Вы помните, как ученики говорили: «Господи, укрепи в нас веру нашу». Или как отец этого отрока говорит: «Верую, – а потом тут же добавляет, – помоги моему неверию». То есть, он понимает, что эта не та вера, которая действительно все может. И мы называем себя верующими, и мы вроде бы пришли сюда, потому что мы верующие, но мы прекрасно понимаем, что это не

та вера, не то, о чем говорится в Евангелии, не то, что нам нужно для того, чтобы действительно быть верующим человеком. Давайте будем об этом думать.

Да хранит вас Господь!

Четверг Великого Канона

22.03.2018. Литургия Преждеосвященных Даров

Ис 42:5-16; Быт 18:20-33; Притч 16:17-17:17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Каждый год, в четверг, на пятой седмице Великого поста читается Канон преподобного Андрея Критского, Великий покаянный Канон, как его называют. И в этот день всегда совершается Литургия Преждеосвященных Даров, на которой обязательно читается удивительный отрывок из книги Бытия: беседа, молитва, скажем так, Авраама перед Богом. Почему? Почему Церковь соединяет Великий Канон и воспоминание этого события. Почему в этот день мы обязательно читаем этот замечательный кусочек из книги Бытия, и, вообще, о чем они? Мне кажется, о самом главном, о самом важном для понимания того, что есть христианская вера. Мы очень часто в этом храме задаемся вопросом: что значит верить в Бога, что такое христианская вера? Очень часто для нас верить в Бога – просто верить в то, что где-то что-то есть, или некий набор формул, правил, обрядов. Но, на самом деле, вера, христианская вера – нечто совсем другое.

В своих посланиях апостол Павел называет Авраама, именно Авраама – отцом всех верующих. И совсем недавно отец Олег в проповеди вспоминал слова апостола Павла, слова из Священного Писания: «И поверил

Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность». Давайте обратим внимание, это важно: поверил Авраам Богу, не просто в Бога, в то, что где-то что-то есть, а поверил Богу, доверился Ему. И сегодняшний отрывок из книги Бытия, он тоже об этом, он о вере Авраама Богу. Конечно, не только этим отрывком определяется и исчерпывается свидетельство веры Авраама. Его вера начинается с самой первой их встречи, скажем так, когда Бог говорит ему: «Выйди из дома отца твоего, из земли твоей, оставь все, брось все и иди в землю, которую Я тебе укажу», и пошел Авраам по слову Господню. Его вера проявляется и в другие моменты, когда Авраам заключает завет с Богом, когда Бог говорит ему, что у тебя будет потомство, как звезды на небе, такое же многочисленное. И поверил Авраам Богу. Авраам поверил Богу и когда Тот обещал ему сына, уже почти столетнему от жены Сары, которая была чуть-чуть помоложе его, и он поверил Богу, что и вменилось ему в праведность. И в этом отрывке, который мы читали... он тоже верит Богу, он верит в Его любовь, он верит в Его милосердие, он верит в то, что не может Бог причинить зло праведнику наравне с нечестивыми. Вот это доверие. И, конечно, вера Авраама проявится еще, когда нужно будет принести в жертву единственного сына, Исаака, когда уже занесенная рука будет остановлена Самим Богом. То есть, вся жизнь Авраама – это подвиг веры или возрастание веры, возрастание в вере, в доверии Богу. Но, прежде всего, он верит в Его милосердие, верит в то, что от Бога все только самое лучшее, от Бога все только самое совершенное. Каким бы ужасным и страшным нам это порой ни казалось, оно нам во благо. Как потом Павел напишет в одном из своих посланий: «Верующему в Бога все во благо». Довериться, поверить в это

и не отчаиваться, не отчаиваться ни при каких обстоятельствах, не отчаиваться ни в каких испытаниях и искушениях – это и есть христианская вера. И Великий Канон преподобного Андрея Критского тоже об этом. Как там в одном из тропарей говорится: все омертвело, и слово Божие бессильно. И сил нет ни на что. Но помоги, Господи, приди и спаси. Преподобный Андрей верит в это, верит в то, что Бог никогда не оставит и всем обязательно поможет. Вот это и есть вера, а не то, что мы обычно понимаем, потому что в отличие от этой веры то, что мы называем верой, это, скорее, суеверие. Давайте задумаемся.

Да хранит вас Господь!

Пасха

08.04.2018. Литургия

Ин 1:17; Деян 1:1-8

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Христос воскрес!

– *Воистину воскрес!*

Сегодня эту весть мы пытаемся донести до всего мира, до каждого человека, но кто-то может возмутиться, кто-то может сказать: «Как можно проповедовать такое, как можно поверить в это, если от сотворения мира люди как умирали, так и умирают? Как можно утверждать, что Иисус победил смерть, что Он сокрушил веереи ада, если умирают наши родные и близкие, если погибают дети?..». Что ответить на это?! Но что есть жизнь? И что есть смерть? И что есть ад? Ведь без Бога и то, что мы называем жизнью, – это не жизнь, а смерть и ад, а с Богом и то, что мы называем смертью, – это

всего лишь один из очень важных моментов вечности, вечной жизни. Поэтому, как пишет в одном из своих посланий апостол Павел, живем ли, умираем ли – не в этом дело, главное – что мы Божьи. В другом месте он пишет: «Так и вы почитайте себя быть мертвыми для греха, живыми же – для Бога во Христе Иисусе». Иисус пришел в наш мир, в нашу жизнь, Он стал Человеком, Он разделил страдания человеческой жизни, Он умер за нас, за наши с вами грехи и воскрес для нас с вами, чтобы проложить нам всем путь в вечность, в Вечное Царство. Поэтому Христос воскрес!

– *Воистину воскрес!*

– Христос посреди нас!

– *И есть, и будет!*

– И этого у нас никто не отнимет.

Среда Светлой седмицы

11.04.2018. Литургия

Ин 1:35-51; Деян 2:22-36

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Христос воскрес!

– *Воистину воскрес!*

Вот так мы с вами начинали наше слово, нашу беседу, проповедь в Пасхальную ночь. Мы говорили о том, что мы с этим благовестием, с этой вестью должны обратиться ко всему миру. Мы пытаемся донести эти слова, эту веру до всех людей на земле. Но готовы ли мы к этому, способны ли мы на это, вот в чем вопрос. В сегодняшнем евангельском отрывке есть два удивительных места. В одном случае говорится: «Пойдите и увидите». В другом случае сказано: «Пойди и посмотри».

И в том, и в другом случае те, кому это сказано, идут к Иисусу, идут за Иисусом, идут к Иисусу и становятся верующими, становятся последователями Христа. Они увидели в Нем Сына Божия, они увидели в Нем что-то божественное; может быть, они еще не увидели в Нем Второе Лицо Пресвятой Троицы, скажем так, как это открылось уже позже святым отцам Вселенских соборов. Может быть, они еще не увидели в Нем всей полноты Божества, как это позже открылось апостолу Павлу, но они увидели в Нем что-то божественное, они увидели в Нем отблеск сияния Божьей славы. И они пошли за Ним.

Можем ли мы сегодня кому-то сказать то же самое про нас с вами, про нашу общину, про этот храм или про наши семьи, про наши дома? Когда мы будем возвещать: «Христос воскрес! – нас спросят, – где и как?» Можем ли мы сказать: «Пойди и посмотри, пойди и увидишь. Приди к ним и увидишь здесь воскресшего Христа, увидишь здесь сияние Его славы». Можем мы так пригласить людей в свой дом: «Приди ко мне домой, пробудь день в моем доме и увидишь Бога, увидишь Бога живого, воскресшего, который...»? Он же Сам сказал, Господь ясно сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». И если мы действительно верующие, если мы действительно собрались во имя Его, Он обязательно среди нас. Но в нас ли? А действительно ли мы собрались во имя Его? Или мы пришли по каким-то своим делам, или мы пришли с какими-то своими проблемами? Ради чего мы пришли в церковь? Ради чего мы здесь собираемся? Для того, чтобы уладить *нашу* жизнь, или для того, чтобы прославить Бога, для того, чтобы явить миру воскресшего Христа? Вот вопрос. Так что давайте задумаемся.

Христос воскрес, конечно, воскрес, воистину воскрес, но сможем ли мы донести это до людей, сможем ли мы донести это до мира – во многом зависит от нас.

Да хранит вас Господь!

Неделя святых жен-мироносиц

22.04.2018. Литургия

Мк 15:43-16:8; Деян 6:1-7

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Второе воскресенье после Пасхи Церковь посвящает памяти святых жен-мироносиц, памяти святого Иосифа Аримафейского, памяти святого праведного Никодима. И часто люди задаются вопросом: почему? Почему такая честь этим людям? Казалось бы, есть люди более важные в истории Церкви, в христианстве, и ведь действительно, когда мы читаем Евангелие, с самого начала мы читаем, слышим, мы видим других людей, которые окружают Иисуса, которые постоянно с Ним рядом, их имена перечисляют. Мы понимаем, что это важные люди; если самый главный, самый важный там, конечно, Иисус Христос, то они идут следом за ним, они наиболее важные. И они сами это понимают, они часто спорят друг с другом, кто бы из них был главнее, кто из них важнее, чем все остальные важные. Но наступает момент, и они вдруг все куда-то исчезают, они все разбежались, и на первое место выходят те, про кого мы почти ничего не знаем, только в самых последних главах Евангелия упоминаются их имена. Это женщины, это Иосиф Аримафейский, и они совершают то, что должны были бы совершить бывшие самыми близкими к Нему, те, кто был рядом все эти годы, но где они,

где? Именно поэтому Церковь так прославляет, так выделяет этих, казалось бы, совсем незаметных, на протяжении всей евангельской истории, людей, тем самым еще и еще раз напоминая нам слова Спасителя о том, что первые могут стать последними, и очень легко становятся последними, а последние могут стать первыми.

И для нас всех это очень важный урок, ведь часто и в нашей церковной жизни бывают люди, которые всегда на виду, всегда, так сказать, во главе, вот он важный, он главный. Но там, на встрече с Богом, все может оказаться совсем наоборот. Тот, кто был всегда на виду, тот, кого все считали главным, может оказаться самым недостойным и самым последним. А тот, кого просто не замечают, кого в упор не видели, как сейчас говорят, кто делал какую-то совсем незаметную работу в церкви, который, может быть, за все свое пребывание в церкви ни разу не услышал ни от кого слова «спасибо» – он может оказаться самым первым, и Церковь будущих поколений, может быть, прославит его, и для этого прославления выберет тоже какое-нибудь значимое воскресенье церковного года. Это очень важно для нас, потому что мы ведь все время стремимся к тому, чтобы быть первыми, мы детей так воспитываем, тем самым калеча их души. Мы настаиваем на том, что наш ребенок должен быть первым, он везде должен быть победителем, и, не дай Бог, ему оказаться неудачником в этом мире. Но вот нам евангельский урок. Самый главный «неудачник на земле», – наш Спаситель, наш Бог, – вот с кого мы должны бы брать пример, а не с так называемых «победителей». Давайте задумаемся об этом, потому что мне это кажется действительно очень важным.

Да хранит вас Господь!

Вознесение Господне

17.05.2018. Литургия

Лк 24:36-53; Деян 1:1-12

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами совершаем праздник Вознесения Господня, и уже вчера вечером мы говорили о тех сомнениях или вопросах, которые возникают в связи с описанием события, которое лежит в основе этого праздника. У нас есть три рассказа о Вознесении Господнем, и они очень разные, они достаточно по-разному описывают это событие. Более того, у нас целых три рассказа, но ни одного свидетельства человека, который мог бы присутствовать при этом. Ни в Евангелии от Матфея, ни в Евангелии от Иоанна, которые были свидетелями этого события, если само событие было, ничего нет об этом. Они в своих Писаниях ничего об этом не говорят. Лука и Марк не могут быть свидетелями, потому что Лука, спустя десятки лет после этих событий, был призван апостолом Павлом, а Евангелие от Марка, отрывок из которого мы читали вчера вечером, написано, как мы знаем, в первой половине II века, то есть чуть ли не сто лет спустя после этих событий.

И, тем не менее, мы вчера об этом говорили, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что это событие было. Его просто не могло не быть. Невозможно представить, что Иисус воскрес из мертвых, явился своим ученикам, а потом так «по-английски» тихо исчез. Нет, должно было произойти нечто очень величественное, что-то такое, что должно было укрепить веру учеников в Иисуса Христа. Мы вчера вечером опять же говорили о том, что апостолы не были религиозными гениями,

они не могли придумать такую религию, как христианство, они не могли придумать Евангелие, они ничего не могли придумать. Более того, если бы у них были хоть малейшие сомнения в том, что все это произошло, они бы просто разошлись, разбежались в разные стороны. Необходимо было что-то, что укрепило, не поколебало их веру в воскресение, а укрепило их веру. И таким «что-то» могло быть только Вознесение, произошедшее именно так, как оно описано в книге Деяний святых апостолов: величественное, таинственное... У Матфея и Иоанна этого нет, в их Евангелиях этого нет, потому что, может быть, они понимали, как свидетели они понимали, что человеческим языком просто адекватно описать это невозможно. А как-то по-другому фантазировать они не хотели. Так что у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что такое событие было.

Но вчера мы договорились, что сегодня подумаем о том, что это событие и этот праздник могли значить для учеников Христовых тогда, и что они значат для нас сегодня. О чем говорит само событие, о чем этот праздник. И в связи с этим мне хочется обратить ваше внимание на два момента в отрывке и из книги Деяний и из Евангелия от Луки, – то, что мы сегодня читали. Это, прежде всего, обетование Святого Духа, во-вторых, это Царство Божье. Несомненно, это связано друг с другом. Совсем недавно, несколько месяцев назад, в преддверии Великого поста мы с вами совершали Неделю о блудном сыне, помните? Мы читали замечательную притчу о блудном сыне и пели первый раз за всю ночь бдением псалом «На реках Вавилонских», мы говорили о том, что это гимн изгнания, песнь беженцев, людей, утративших родину, это их тоска по родине. А через притчу о блудном сыне Господь и Церковь

говорят нам о том, что наше отечество не здесь, здесь – чужбина, наше отечество на Небесах, не царство земное, а Царство Небесное. Так вот праздник Вознесения, – он о том же самом. Господь еще и еще раз напоминает нам об этом. Ученики спрашивают: «Не в сие ли время Ты устанавливаешь, наконец-то, нам царство земное, когда мы будем благополучны, когда нам будет свободно, когда мы встанем с колен, когда наступит стабильность?» – ну, и тому подобное. Он говорит: «Не ваше дело знать времена и сроки, нет. Не для этого я пришел. Ваше отечество – там, на Небесах». И Он, восходя на небо, возносясь, открывает, указывает нам этот путь в Царство Божье, туда, где наше отечество. И мы все должны пройти через это, мы все должны вознестись в Царство.

Но это совсем не значит, что Царство уже не приоткрыто здесь и сейчас. Если мы не найдем Царство здесь и сейчас, мы не найдем его и там, мы не взойдем в него. Но это Царство – Царство Божье здесь и сейчас, – оно не имеет ничего общего с земными царствами, с земными владычествами, с властью, богатством, насилием. Это Царство любви, братских отношений, и оно возможно, возможно... да, оно невозможно, быть может, в пределах этого мира, в пределах этой земли. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что все эти утопии о Царстве Божьем на земле – это всего лишь утопии, все разваливается, все разрушается. Огромное количество «измов» уже проходили люди: гуманизмы, утопизмы, коммунизмы, социализмы и так далее – все разваливается, все разрушается. Но там, где мы с вами, – в наших отношениях, в нашей дружбе, в нашем братстве, в нашей взаимной любви Царство Божье возможно и должно быть.

И вот именно для этого Господь дарует нам Святого Духа, обетование Которого мы слышали сегодня, и Которого мы вновь и вновь будем призывать, о Котором мы будем молиться через десять дней в праздник Пятидесятницы. Мы часто приходим в церковь и не знаем, о чем молиться... да нет, мы знаем, как нам кажется, о чем молиться, мы об очень многом молимся, но не о том, каждый раз не о том. Мы просим благополучия, мы просим денег, мы просим здоровья, мы просим успеха в работе, успеха в учебе. Но молиться нужно только об одном: «Господи, ниспосли нам Духа Святаго!». Вот что должно быть основой, сердцевинной нашей жизни. И если мы еще не почувствовали, если мы еще не нашли Царство Божье здесь и сейчас, – несмотря на то, что десятки лет кто-то, может быть, уже ходит в церковь, живет церковной жизнью, – то только потому, что не о том молимся, только потому, что не так молимся, потому что молимся не о Духе, не о Царствии Божьем, не о благодати Божьей, а о земных, временных благах.

Порой люди говорят: «Неужели Господь не мог построить Царство Божье на земле, чтобы... Ну, ведь мог же, мог!». Ну, мог, а зачем? Если это земное, оно все равно временное, оно все равно преходящее... мы ж знаем, мы – люди XXI века, мы знаем, как здесь все хрупко. Взрыв Йеллоустонского вулкана или вулкана где-нибудь в Индонезии; вспомните, ма-аленький небольшой вулкан в Исландии, извержение – и на полгода вся жизнь перевернулась из-за него. А если комета, метеорит, я не знаю – небесное тело какое-то, да в конце концов солнце потухнет, ведь Царство Божье вечным должно быть, а солнце-то не вечно, оно потухнет, и здесь на земле все кончится еще задолго до того, как оно совсем потухнет. Так что не о земном надо думать. Конечно, кто-то

может сказать: «На мой бы век хватило!». Но не о себе только думать надо, не о себе, а о вечности, о вечности для всего человечества. И замечательно Соловьев, кажется, говорил о том, что... не буду утверждать, что это точно он, но, кажется он, он говорил, что призвание христиан не в том, чтобы построить Царство Божье на земле, это невозможно, но, чтобы не дать превратиться земле в сущий ад, чтобы человеческие отношения, человеческая жизнь не превратились в геенну огненную. Вот в чем задача христиан. Этому и посвящен сегодняшний праздник, вот, что мы с вами празднуем.

Да хранит вас Господь!

Неделя святых отцов

Первого Вселенского Собора

20.05.2018. Литургия

Ин 17:1-13; Деян 20:16-18; 28-36

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Родные, я в полной растерянности. Обычно, даже если дома я еще не знаю, о чем я буду говорить в храме, то на подходе к храму я уже все-таки представляю хотя бы тему, о чем можно говорить. Сейчас даже, выйдя на амвон перед вами, я не знаю, что сказать. С одной стороны, сегодня уникальный день – единственное воскресенье между праздниками Вознесения и Пятидесятницы, можно было бы говорить и о Вознесении, и о Пятидесятнице. С другой стороны, именно в этот день Церковь совершает память отцов Первого Вселенского Собора. А тут еще два таких удивительных литургических чтения: рассказ из книги Деяний о встрече апостола Павла с ефесскими пресвитерами и то, что в

библейской литературе называется «первосвященническая молитва Иисуса Христа», и как все это связать воедино?

И, тем не менее, можно попробовать. Действительно, этот воскресный день уникальный, единственное воскресенье между двумя двенадцатыми праздниками, то есть, очень значимый день. И именно в этот день Церковь решила совершать праздник в честь святых отцов Первого Вселенского Собора, потому что считает этот Собор важным событием, этих отцов – важными, скажем так, святыми, строителями Церкви. В чем особенность этого Собора? Да в том, что он первый, в том, что с него, можно сказать, многое началось. Но что началось? Хорошее или плохое? Наверное, и то, и другое. С одной стороны, на этом Первом Вселенском Соборе начал формироваться первый единый Символ веры для Церкви, еще не окончательно сформировался, но начал формироваться. Важно это? Да, конечно. Хорошо это? Наверно, хорошо, хотя бы потому что для многих вера – понятие такое очень расплывчатое, субъективное. Сколько людей, столько вер, как говорят в народе, более того, даже не столько, а в десять раз больше, потому что у каждого человека на каждый день и на каждое время дня может быть разная вера. Светит солнышко, веет теплый ветерок, и ты понимаешь: конечно, Бог есть, и, конечно, Он хороший, конечно, Он добрый. Ну кто может в этом сомневаться? Разве мог бы злой бог, или плохой бог, или вообще, кто бы мог придумать такую красоту, если не Бог? На улице дождь, холодный ветер, и думаешь: «И где этот Бог? И куда Он смотрит? Что это за Бог такой, если у меня ноги промокли и по спине холодные ручьи текут? И вообще, есть ли Он, а может, и нет, может, все химия одна?». Поэтому, конечно,

нужна попытка выработать что-то единое, такое, что как-то бы объединяло всех людей, считающих себя верующими. Для этого и существует Символ веры.

Но, с другой стороны, с этого все и началось, с этого начались скандалы, расколы, разделения... Нет, конечно, были и раньше, но раньше этому не придавали такого значения, потому что еще не было, скажем так, единого, обязательного для всех, понимания того, что есть христианская вера. Был Христос, был Дух Святой, который как-то верующих объединял, сдерживал от глубинных разделений, оберегал как-то людей. А тут – эта попытка унификации, попытка ввести не просто единство, а единообразие, попытка выстроить вертикаль власти. И надо сказать, что очень многие христиане, почти половина людей в мире, называющих себя христианами, считают, что с Первого Вселенского Собора началось падение Церкви. В какой-то степени оно так, потому что именно с этого момента христианство все больше и больше меняется... все ближе и ближе становится к светской власти, все больше контролируется императором. И инициатором этого Собора был именно император. Епископы, наверно, как-то обошлись бы без него на тот момент, но императору надоело, что в каждом уголке, в каждом регионе, в каждом городе своя вера, свои какие-то обычаи, свои какие-то традиции. Надо все собрать, надо все унифицировать, надо все подчинить единой власти. И главное, все контролировать! С этого-то все и началось. Важно это для истории Церкви, важно это для нас? Конечно – очень важно. Поэтому мы сегодня и совершаем память отцов Вселенского Собора.

И этот день памяти совпал с такими литургическими чтениями, – случайно или неслучайно? Апостол Павел

в своей проповеди говорит: «Знаю, что после моего отшествия войдут к вам лютые волки». Церковь, приурочивая это чтение к этому дню памяти, к этому воскресному дню, естественно, понимала под «лютыми волками» тех ересиархов, тех раскольников, скажем так, с которыми призван был бороться Первый Вселенский Собор и все последующие и эта вертикаль власти церковной. Но как часто в истории Церкви сами «святители», сами епископы становились этими лютыми волками, расхищающими церковное... церковную паству. Павел говорит о себе: «Ни серебра, ни золота, ни одежды — я ничего от вас не возжелал, ничего не искал от вас, никакой прибыли». А как часто в Церкви только об этом и думают — о прибыли. Как часто в истории Церковь становилась коммерческим предприятием или отдавалась как вотчина на откуп какому-нибудь церковному князю. Есть о чем задуматься.

Но самое главное, конечно, не это. Самое главное то, о чем молится Иисус Христос накануне Своей смерти, за несколько часов до ареста, за несколько часов, по сути, до своей крестной жертвы. Он молится: «Отче, да будут все едино». И если мы ничего не делаем для этого единства, если мы только и смотрим, как бы отделиться от других, мы восстаем против Самого Христа, мы восстаем против Его искупительной жертвы. Вот это самое главное! Давайте будем... Простите, наверно, получилось все так сбивчиво, потому что я на самом деле не знал, что можно сказать сегодня. Но что получилось, то получилось.

Да хранит вас Господь!

ПАМ'ЯТИ БРАТА ПАВЛА

Брат Павел (Бесчасный)
13.08.1967 – 02.10.2017

Татьяна Дубровская

НЕОПАЛИМАЯ КИСТЬ

*Придет же день Господень, как тать ночью,
и тогда небеса с шумом прейдут,
стихии же, разгоревшись, разрушатся,
земля и все дела на ней сгорят.
Впрочем, мы, по обетованию Его,
ожидаем нового неба и новой земли...*

2 Петр 3:10,13

Виктор-победитель

Как Виктора Безчасного я его мало знала. Помню густой мальчишеский ежик и чрезвычайную строгость тона:

- К архимандриту Зинову? Нельзя.
- А когда можно?
- Не знаю. Архимандрит велел никого не принимать.
- А если позвонить?.. Позднее?
- Нет! Архимандрит занят, понимаете?

Понимаем... – вздыхали мы с Ираидой по очереди.

1994 год. Псков. Батюшка Зинов уже не печорский игумен – архимандрит Мирожского монастыря, только что отданного Церкви для создания в нем иконописной школы. От учеников нет отбоя: из Пскова и Белоруссии, из Питера и Сибири, из Италии и Латвии...

Но отец Зинов, закрывшись ото всех, выполняет срочный заказ патриарха Алексия II: пишет копию Владимирской иконы Божией Матери. Из патриархии звонят-торопят – и правда, какие тут могут быть разговоры.

А все равно с досадой вздыхаем. Валерий Иванович, Курбатов Валентин, чета Бологовых, Артем, Надежда с Никиткой... Ведь мы только что узнали, что наш батюшка стал лауреатом Государственной премии! Нам бы поздравить, два слова из-за двери сказать – нет, не пускает! Вот и дуемся на этого придверника... или как там его... на этого Виктора Безчасного: «Уж больно ты грозен, как я погляжу!..».

И вообще. Что за манера называть батюшку (*Нашего* батюшку! – Мы ведь знакомы с отцом Зиномом с 1988 года!) – только по званию – Архимандрит?.. Впоследствии, уже «на выселках» в Гверстони окоротил аж до «Архи»!

И самое невероятное, что отцу Зинону, судя по его упряманной в усы, в бороду улыбке – эта, прости Господи, кличка, нравилась: «Архи, а что на обед готовить? Снова чечевицу? Да ну, архи... Тогда хоть пы-ыва кружку благослови!».

Да, еще вспоминаю, как меня укололо по первости звучание его фамилии. Я ее слышала, как Без-счаст-ный. Не-счастливый, что ли?..

Не может быть. Ну никак не может быть несчастливцем этот грозный послушник, этот маленький и ладный монастырский Фигаро, этот гарный хлопец из Днепропетровска, бывший моряк, аккуратист и немножко модник: кожаная курточка, джинсики – все из германских гуманитарных узлов.

Ну конечно, он просто Без-час-ный, то есть из тех счастливчиков-победителей (победил-таки всех нас в этой тонкой ревнивой борьбе за преимущественное внимание отца Зинона), которые *часов не наблюдают*. Носится туда-сюда: Печоры-Псков-Питер, снова Печоры, снова Псков...

Весь этот трудоемкий нудный переезд из Печорского монастыря в Мирожу был на нем. Погрузка-разгрузка, разборка вещей, книг, устройство какого-никакого быта в захламленном, запущенном настоятельском доме. Ни водопровода, ни канализации. Туалет – просто дыра, вырезанная, наверное, полтора века назад. И все печи пришлось перекладывать. Вozy кирпичей, глины, песок, сажа, пыль.

Но уже через месяц, в июне 1994 года, отец Зинон вместе с иеромонахом Амвросием служили первую литургию в ладно устроенной домово́й церкви, она же иконописная мастерская. Главный чтец – снова Виктор Безчасный.

И скоро мы все признали, что чтец-то он – милостью Божией!

Во-первых, никакого хохлацкого акцента, этих южно-русских «хг», во-вторых, четкий выговор каждой фразы, внятный церковно-славянский. Потом уже, когда читал в Пскове в церкви Анастасии Узорешительницы, кто-то спросил его: «Как правильно читать на клиросе?..». Он пожал плечами: «Как-как... там же все прописано – не “ево” а “его”, не “што”, а “что” каждую букву, как она есть... не лепить окончания в кашу... через запятые, точки тоже не лететь. Ну, и ударения... В общем, выполняйте все, как оно должно быть».

В-третьих, он знал тексты литургии наизусть. Всегда читал от имени всего Евхаристического собрания молитву перед Чашей: «Верую, Господи, и исповедаю...», благодарственные молитвы... Эталонное чтение Апостола. Словом, во всем чувствовалась высокая церковная культура.

И есть с чего.

– Да я монах с пяти лет, – рассказывал потом о своем детстве. – Только и помню себя в монастыре в пещерах. Это моя песочница была. Я там и вырос, в Печорах. Мать, как отпуск, из Днепропетровска – в Печорский монастырь, к схиигумену Савве. Вот преданная «савваитка» была! Люди понадают всего: гречку с Украины чемоданами везли... мать вся обвешена, и я чего-то волюю... Записок сотни. Так и читать выучился.

С матушкой Екатериной, махонькой и бесстрашной просфорницей, мы познакомились много позднее, уже в Гверстони.

Вот один только случай, недавний по времени.

Были долгие судебные разборы с ее частным домом в Днепропетровске. На удивление всем нам (там же такое творится, в этой «нэзалэжной») – все кончилось положительно, родительский дом, в котором матушка десятилетиями пекла просфоры, вернулся от нечестных опекунов к владелице. Все вздохнули было... но однажды средь бела дня в дом ворвались подосланные бандиты, избили, связали ее, почти 80-летнюю, и оставили под кроватью помирать.

Екатерина Ивановна не только не умерла, но каким-то чудом высвободилась от пут, сумела доползти до соседки...

Впрочем, не «каким-то» чудом – а вполне определенным, конкретным, ежедневно-ежечасным действием – молитвой. Даже теперь, в пожизненных «ходунках».

Матушка Екатерина и вымолила своих сыновей для Церкви. Старший, Сергей, стал священником, протоиереем. Младший, Виктор – иконописцем, монахом.

– Как же, – не без удовольствия фыркнул потом Павел, уже будучи не первый год в монашеском звании, – с

*Братья Сергей и Виктор (справа)
Бесчасные в юности*

отцом Зином свяжешься – тут не только монахом, каким-нибудь столпником станешь. Архи – такой! Р-раз – и все, назад пути нет, аминь.

Говорил это с такой неприкрытой сыновней любовью, что мы уже не завидовали, а только искренне радовались.

А с матерью в последнее время разговаривал по «скайпу»:

– Мамо, ликаря трэба слухати!.. Вони ж от Бога, яко ангели... И таблетки трэба е... Так, мамо, взимку, в сични, поиду в Италию, потим, може, у Швейцарию... Та

каки вони еретики, мамо! Що вы всих слухаете! Каки католики еретики: икони писати навчаються, Божию Матерь, Спасителя... Миколу будимо зараз писати. Не еретики вони, мамо. Отпуска свои проводят, учителя, ликари... гроши свои витрачают... Не слушайте никого. Зато ликаря слушайте... Так, мамо, поиду в джинсах... Ну що, що в обтягнутых, зате зподручно в машине до Питеру, в литаки до Милану...

Непафосный монах

Итак, Виктор-победитель в 28 лет становится тем, кем он, в общем, и был – Павлом-малым.

*Монах Павел, монах Пётр,
архим. Зинов, монах Иоанн.
Псков, Мировжский монастырь, 1995 г.*

На черно-белой фотографии, сделанной 12 июля 1995 года, сразу после пострига, они слиты в одно целое. Монашеская дружина. В центре предводитель, 40-летний отец Зинов, со сцепленными тонкими пальцами. Рука художника... нет, художник должен умереть в иконописце!.. Рядом с ним – монах Иоанн, постриженный в Мироже полгода назад, письмоводитель и библиотекарь отца Зинова, в миру инженер-майор Валерий Иванович Ледин, с ассирийской, уже сильно посеребренной, бородой. И, наконец, два эти только что названных брата: Пётр и Павел, еще горячие, еще с клубящимися облаками мантий за спиной...

Уж эти монахи!.. Да кто они такие? Они, в общем, как белые вороны, хотя чаще всего ходят во всем в черном, едят только каши да овощи, а Великим постом – вообще сыроядцы. Монахов пугаются, и ими восхищаются. Отец Зинов был радикален: хочешь иконы писать, стать иконописцем? – ну так и отдай Богу всего себя, от победительного имени, до тайной школьной привычки курнуть тихонько за баней.

Вот этот – монах Пётр, бывший питерский вертолечник Владимир, в клобуке выглядит самым высоким из всех. И самый маленький, почти мальчик, – монах Павел. До пят как бы облитый монашеской рясой (обшивала всех

Брат Павел в день монашеского пострига (12.07.1995). Псков, Мирожский монастырь

Нина-артистка), Павел вопросительно смотрит прозрачным взглядом в свое будущее. Ему отмерено еще 22 года...

В его монашестве внешне не было никакого пафоса. Писательница Валерия Алфеева, присутствовавшая на их постриге, спросила монаха Павла, что он почувствовал, когда впервые услышал свое новое имя. Он пожал плечами: «А что в этот день могло другое быть? Праздник апостолов Петра и Павла».

Тем не менее новое имя впечаталось в него раз и навсегда. И невысокий-то он (сам себя с легкой усмешечкой называл «мелким»), и мобильный, и вербальная реакция моментальная:

– Павел, а чего это вы так коротко постриглись?

– Коротко? Вы что, апостола Павла не читаете?.. Вон, на второй полке, справа... первое послание к Коринфянам, 11 глава, 14, по-моему, стих...

Или на кухне в Гверстони, когда уже самостоятельно ездил в Италию на мастер-классы, в звании лучшего ученика отца Зинона, стал, можно сказать, европейским полиглотом, возьмет да и подколет:

– Дивчата, а ну, хто з вас цыбулю тако нэпотрэбно рэзал?..

А потом и подмаслит:

– *Sorella mia, buono giorno! Come stai?*

Покуда пребывали в Мирожском монастыре, ходил всегда в подряснике: и на службу, и с тележкой за водой, и сад прореживал («...чтобы яблони постоянно плодоносили, надо оставлять только скелетные ветви!» – учил меня на моей даче), и за руль садился, и судака в печке запекал. Все у него получалось грамотно, чисто, легко и красиво.

Еще упомяну. В конце 96 года монах Павел был архиереем «раздет», а в начале 2000 года снова «одет» – уже патриархом.

Об иконах пока умолчу. Да, по-моему, он еще и не писал самостоятельно в Мироже, хотя за плечами уже значилась художественная школа в Днепропетровске и курсы иконописи в Москве. Отменный рисовальщик, он стал преданно-восхищенным подмастерьем, смотрел, как работает отец Зинов, пошагово впитывал весь процесс, от левкаса до венчающей икону надписи. Само собой, деятельно помогал. Потом уже из Гверстони ездили вместе расписывать церкви в Семхоз¹, в Сериате², в Шеветонь³.

К отцу Зинону, сам рассказывал, прибилсь будто бы случайно. Привез ему еще в Печоры письмо от некоего человека из Москвы – и остался на Псковщине навсегда.

– Да я и не собирался в монахи! – шутливо огрызнулся за свой немонашеский вид уже в Гверстони. Линялая футболка, драные джинсы в извешке. – А вы, Татьяна Васильевна, пробовали в подряснике фундамент заливать? Натe, попробуйте...

О, эта строительная эпопея в Гверстони! Сначала укрепляли, надстраивали, перегораживали столетнюю

¹ Поселок на окраине г. Сергиев Посад (Московская обл.), где жил и был убит протоиерей Александр Мень и на месте убийства которого воздвигнуты два храма.

² Небольшой город в Ломбардии (Италия), где на вилле Амбивери с 1957 г. находится центр «Христианская Россия» и где в 1978 г. известным иконописцем о. Игорем (Эгоном) Сендлером была основана «Школа иконографии».

³ Аббатство Шеветонь – бенедиктинский монастырь Воздвижения Креста Господня в Бельгии.

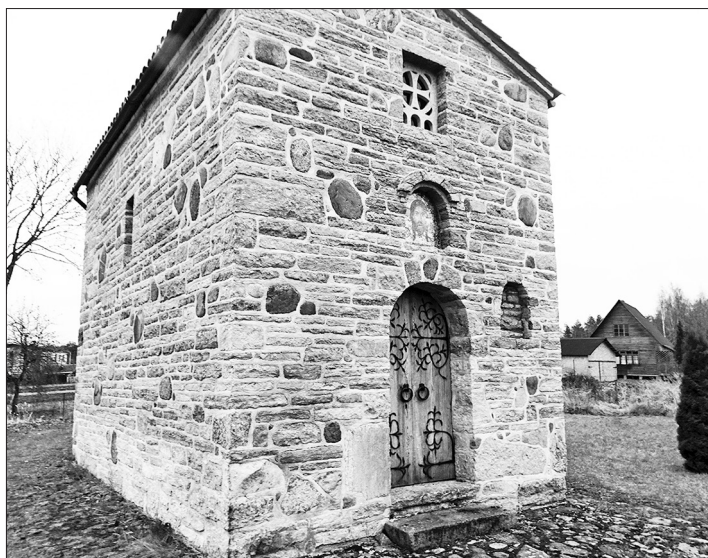
*Брат Павел и отец Зинон во время работы
над росписью алтарной преграды
храма прп. Сергия Радонежского
в пос. Семхоз (2004 г.)*

*Храм во имя прп. Сергия Радонежского,
воздвигнутый в 2002 г. на месте убийства
прот. Александра Меня (пос. Семхоз)*

избу – получился раритетный дом-мастерская. Затем поставили баню, затем столярку для великого древодела – Петра. И, наконец, взялись возводить церковь.

Это была в буквальном смысле выдающаяся ручная работа. Каждый дикий камень, выковоренный Павлом из окрестных лугов, подвозился на осмотр отцу Зинону. Он подбирал по колеру, по качеству, затем подымали на самодельном блочке на верхотуру к каменщику-самородку, он же художник-кузнец, Володе Салову, тот отсекал камень до нужного размера. И – ряд за рядом, ряд за рядом.

Церковь Преображения в д. Гверстонь

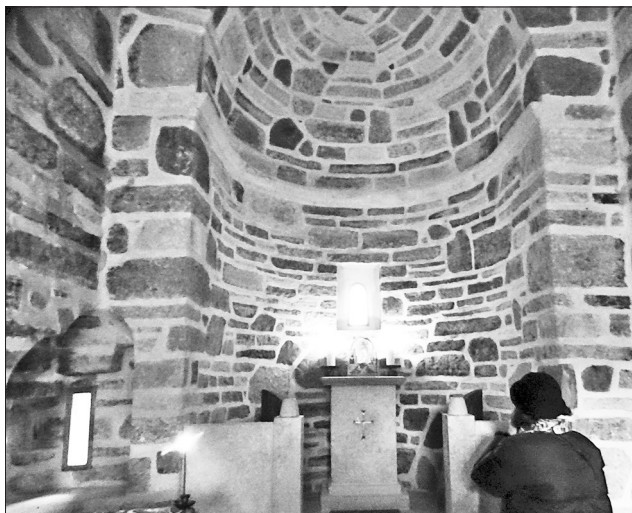

*Брат Павел, отец Зинов,
брат Пётр, Владимир Салов.
Деревня Гверстонь*

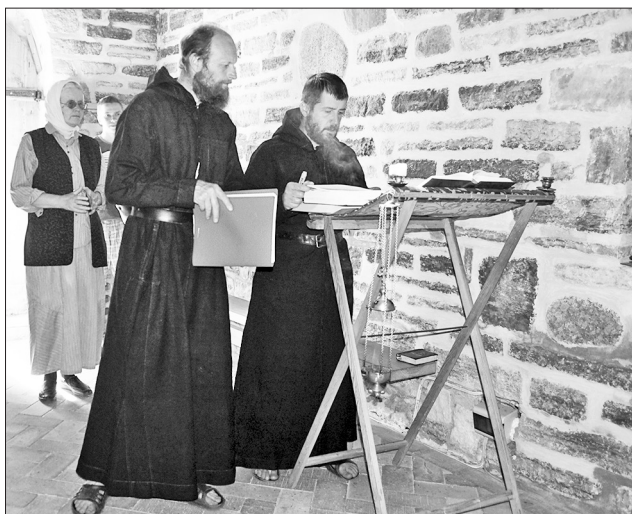
Весь процесс возведения церкви, от первого до последнего камня, наблюдался и корректировался отцом Зиновом. Ведь он был главным архитектором, инженером-проектировщиком, дизайнером, акустиком. А его мастером-прорабом был монах Павел.

Само собой, трудилась и вся община. За 4 года перелопатили тонны камней, земли, песка, воды — зато на выходе получился архитектурный шедевр.

Стоит среди псковских полей, болот и лесов, в изумрудной низинке, сокрытая от стороннего взгляда, стройная изящная базилика. Как бы пришедшая из тех, первых веков христианства. Изумительная акустика. И, разумеется, как и Мирожский монастырь, оставленный

Интерьер храма

*Брат Пётр и брат Павел перед вечерней в храме
Преображения Господня в Гверстони. На заднем
плане – автор воспоминаний Татьяна Дубровская*

отцом Зиномом не по своей – по архиерейской воле – освящена в честь Преображения Господнего.

Преобразился и весь этот кусок бедной псковской земли. Пётр и Павел без усталости ровняли ландшафт, вырубали, выкашивали, пропалывали, садили...

О, Павел и в одиночку в этом преуспел. Посадил основую рощицу (в память одной фразы: «Вот здесь и ляжем!» – говорено отцом Зиномом в 2000 году), насадил сад, да еще какой! Яблони, сливы, груши, даже виноград. И все уже стало плодоносить, виноград вкушали. А птицы райские, а звери: красавица-кошка Багира, ее дочь, дымчатая Пума...

Собственно говоря, насаждение Сада, то есть Рая, и есть главное монашеское делание.

Да, почти два года Павел насаждал Сад в одиночку. Пётр уехал к отцу Зинону. Все правильно, – говорили мы друг другу. – Так надо. Здесь, на Псковщине, мало солнца, сырость. Зато Пётр теперь наш мостик, а Павел – наше возглавие.

Поредевшая община снова смыкала ряды. Вместе молились и причащались в Пскове в Анастасиевской церкви, потом Павел отвозил по очереди в Гверстонь, совместно готовили обед, разговоры вели и о небесном и о земном, часто спорили, стараясь не выплескиваться из обще-церковного русла. Молитвенно чтили память уже отлетевших от нас – монаха Иоанна и монахини Ираиды-Терезы. Обменивались книгами, читали вслух. Будучи разными: и одинокими, и семейными, – все же по умолчанию отдавали пальму первенства в Церкви – монашеству.

Да потому что они такие, монахи!.. Что там: еда, одежда! *Только душа и Бог* – вот и весь монах. Кажется,

сказал Феофан-затворник. А имущества – разве гроб на чердаке...

– Павел-то учудил! – жаловалась шепотом соседка по Гверстони. – Попросила его давеча на чердак слазить, вытащить кое-чего – а он там гроб углядел. Это когда еще Зина-сестра себе приготовила, хороший, правда, гроб, просушки еще советской, и обожжен так красиво. А померла-то Зина в городе, и дочка ее в городской гроб положила, с шелком, с завитушками. Так Павел прямо вцепился: «Это мой гроб будет», – говорит. Я ему говорю: «Павел, милый, рано тебе гроб-то. Ты молодой, тебе жить да жить, ты нас прежде схорони, – ведь он, знаете ли, столько уже наших схоронил, и в гроб ложил, и Псалтирь читал, все так учтиво, с понятием. Наши все бабы старые: только Павла, говорят, будем просить. Он нас и в больницу, и лекарства возит – пусть и на Кудину Гору провожает. А он одно твердит, – это теперь мой гроб».

В своем делании

Монах Павел нес в Гверстони одновременно десятки послушаний. И швец, и жнец, и в дуду игрец? Э, не тут-то было:

– Я в музыке ничего не смыслю, петть на клиросе не буду.

– Павел, но почему? Вы же с Украины, у вас там у всех певческие гены.

– Может быть. Только у меня слуха нет. Я вообще музыку не понимаю...

– А давайте-ка я вас проверю... Та-ак... Павел, да есть у вас все: и слух, и голос, даже баритон. Только транслятор барахлит, надо позаниматься, упражнения

попеть. Давайте займемся, а? Будем знаменным в унисон петь.

Он знакомо фыркнул: «Какой унисон, какой знаменный! Да вы что, Татьяна Васильевна! У меня заказов выше головы, авансы уже все истрачены, не знаю, как дописать. Через месяц же в Италию! А вы – упражнения... Нет, музыка это не мое. Хотя кое-что я люблю. Окуджаву, “Виноградную косточку”».

Вот так вот. От моей музыки Павел решительно отмежевался – а я теперь только с ее помощью попытаюсь написать об его иконописи.

Итак, 22 года Павел пребывал в монашеском чине. И 14 лет, с 1992 по 2006, – рука об руку с архимандритом Зиномом. Это была такая Школа!

Монах Павел, единственный из всех учеников, прошел ее всю: от радостнотворного начала общения с Мастером в Печорах – до болезненного выпуска-расставания с ним в Гверстони.

А ведь и точно: по времени это была школа-десятилетка, затем университет...

Нет, мне привычнее сказать – консерватория. Ведь как учатся-то в ней? Пианисты там, скрипачи... Они – смотрят! Слушают, само собой. Но прежде – смотрят.

Жадный молодой взгляд схватывает все на лету: вот Маэстро поднял скрипку... первое касание струн... клавиш... Нет, не то. Одним движением кисти все убрать, снять, смять, стереть. Все с начала. И еще раз. И еще...

И вот наконец эта бесконечная певучая линия! Рука нигде не дрогнет, не сфальшивит.

Смотрю фотографии тех, еще мирожских, лет. Вот послушник Виктор растирает краски в аптечной фарфоровой чашке фарфоровой же ступкой, которые мы с Валерием Ивановичем подарили батюшке Зинону. А вот

уже монах Павел делает эскиз на мольберте... вот измеряет линейкой расстояния, работает с циркулем... А вот уже, низко склонясь над Нерукотворным Образом Спасителя (лик – еще отца Зинова) тонкой кисточкой штрихует власы.

Уже узнаю на этих черно-белых снимках «фирменный» павлов жест: 2–3 пальца четко собраны вместе, остальные разъединены и отведены в сторону. Напряг и изящество одновременно. Так, будто в пальцах смычок... или скальпель. Так он держал кисть, или наклеивал паволоку, или золотил... И так же ежеутренне перевертывал страницы Библии. Каждый день ее читал, независимо от службы. И, между прочим, кофейную чашку так держал, или праздничный бокал с красным сухим вином...

О чем это я? О постановке руки, что ли? Пусть улыбнется тот, кто умеет писать об иконах.

Я – не умею. Но различить уже могу. Именно: *различить*.

Узнаю лики, написанные отцом Зиновом, а теперь и рукой Павла-монаха. Узнаю эти лики по глазам, потому что это не глаза – очи. Они притягивают как магнит. Они чисты, строги, печальны, в их молчаливой глубине тонешь со своей измельчавшей, истрепанной в суетном говореньи душой.

А еще – руки. Целуешь-то именно руки... или ступни Бого-Младенца, изящно повитые завязками сандалий.

А еще – гибкость и Божественная соразмерность всего: фигур, одеяний, даже складок на них...

Ну да, мне подсказывают, что и я сама знаю: это *византийский стиль*. Отец Зинов его освоил в совершенстве (не забудьте об энкаустике!) – а теперь в этом стиле

пишет и Павел Безчасный. Это, мол, то же самое, что знаменый или даже григорианский распев в церкви. Короче, на эстета-любителя. А современным верующим, мол, надо бы что-нибудь помягче, посентиментальнее. Уже после Андрея Рублева глаза стали писать мельче. И краски не такие яркие. Ну, если не московская школа, то, допустим, критская. А если уж совсем не вмоготу, и по деньгам, и по чувствам – тогда Софрино. В китайском исполнении, считай, даром.

Никого не хочу зацепить. *Дух дышит, идеже хочет.* В конце концов, Евангелие – это не учебник церковной эстетики.

Но... Но ежели потянет душа просто прийти и постоять в пустом храме Анастасии Узорешительницы – то всегда выбираю Феодоровскую икону Божией матери, написанную Павлом-монахом...

Известно, что настоящего поэта можно узнать по единственному стихотворению. А иконописца?..

Так и стоишь молча вот перед этой самой иконой, ничего внутренне не прося... только благодаришь... теперь вот и за то, что был в твоей жизни этот человек, этот Павел, невеликого роста... невеликого? – но только не в своем главном делании.

А Нерукотворный Образ Спасителя?! Павел так много писал Его, и для Церкви, и по личным заказам, всегда с радостной готовностью.

Вообще думаю (уверенно!), что Христос всегда был единственным центром его 50-летней жизни. Не великолепный Христос в царской порфире и виссоне, на золотом, с жемчугами, троне – но Христос, всегдашний пеший Странник, Христос, утомленный дорогой, в пыльных сандалиях, с печально-внимательным

взглядом серо-синих глаз. Впрочем, это уже и глаза самого Павла.

«Знаете ли, он все видел, – рассказывала после похорон Антонина Петровна Бологова. – Все видел, все помнил. Вот, на этом самом стуле сидел...». «У вас же, – говорит, – послезавтра день рожденья вашего Антона, ну так будьте готовы к двенадцати часам, я вас с Александром Александровичем на кладбище свезу». Заодно овощей навезет, морковь, капусту... грибов в лесу наберет. Я его ругаю: «Павел, вам же икону надо дописать до Италии, сами жаловались, что не успеваете – что вы себя так неразумно тратите! И руки не бережете... Царапины, мозоли». А он отмахивается: «Ай, Антонина Петровна! Откуда мы знаем, что для Бога важнее? Может, этот кочан перевесит мою икону...».

Так и хочется теперь сказать, что главным художством Павла было вот это написание Образа Христа – живой, неопалимой кистью.

Виноградная косточка

– Павел, а вы кто по жизни? – Неожиданно для самой себя, спросила я его ровно за неделю до его огненной Голгофы.

Он пожал плечами, но ответил, не задумываясь: «Странник. Кто же еще...».

Мы шли с ним в мою музыкальную школу. Захотелось вдруг спросить его мнение о рисунках знакомой художницы для моей готовящейся книжки.

Он просмотрел все очень внимательно, привычным бережным жестом переворачивая авторские листы.

– Ну что... Нормально. Я в современной живописи плохо разбираюсь.

– Ой, Павел, не надо. Скажите правду – не понравилось?

– Я же сказал – нормально. Нравится. Только Крест нужен.

– Где?

– Да везде. Уж мне эти современные художники! Церковь рисуют – а Креста не ставят.

– Ну так это как бы... стилизованно, символически.

– Символически!.. – он фыркнул. – Да Крест – это самое главное. Навершие всего...

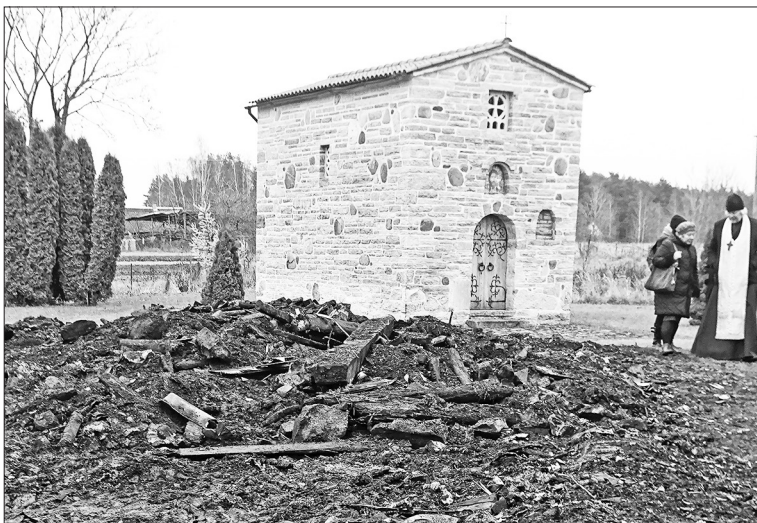
Через неделю было Воздвижение Креста Господнего – и в ночь с 28 на 29 сентября Павел взошел на свой огненный Крест. Без пафоса. Как был, в майке и галошах...

Пожар был внезапным и страшным. Причины – то ли криминальные, то ли бытовые (проводка) – неизвестны до сих пор.

Не так ли и придет конец света? Глубокая ночь, тишина... и вдруг это вертикальное зарево, видимое чуть ли не от Изборска. Треск разлетающегося шифера, шипение закипающих на ветках антоновских яблок... Павел в одиночку бросился тушить пожар. Спасать самое дорогое – иконы. Их потом, обгоревшие по краям, находили по всему периметру пожарища. До приезда пожарного расчета старый дом с мастерской, библиотекой, кухней, трапезной – сгорел дотла. Все остальное уцелело: церковь, два новых дома, столярка, баня, даже яблоня рядом с домом спеклась ровно наполовину. Павел давно уже мог переселиться в новый домик-келью, который он построил уже без Петра – но все отчего-то медлил, ночевал по обычаю в этой узкой выгородке,

Мастерская, которая сгорела

*Священник Сергей Бесчасный
на могиле своего брата*

в «пенале», обложенном снаружи сухими березовыми дровами. Занялось все как порох.

С полностью сгоревшими волосами, без бороды, соскребая с себя обугленные ошметки кожи – Павел сумел дойти до соседки Любови Михайловны... «Это что... кто это... Павел, сыночек – ты-ы?!» Сам вошел в машину «скорой помощи», сам лег на расстеленную простыню...

В Печорах, в Пскове, в «Джанелидзе», противопожарном центре Петербурга – трое суток боролись за его жизнь, за его на 90% обожженное тело, из которого уже сияла душа... Молились по всему миру. Россия, Украина, Италия, Мексика, Латвия...

«Отпустите его... – позвонил и попросил отец Зи-нон. – Отпустите... в объятия Христа».

Не выходя из комы, Павел скончался утром 2 октября.

Хоронили его в том самом, красиво обожженном гробу, еще советской просушки.

Отец Евгений и брат Павла, отец Сергей, уже закончили чин монашеского погребения, но гроб еще за-капывали – и вдруг тихо зазвучала на кладбище Кудиной Горы любимая его песня. Начал ее Виталий, подхватила Елена – а потом уже все мы: «Виноградную косточку в теплую землю зарюю...».

Виноградную косточку в псковскую землю зарыли

И друзья обступили, непалимые кисти собрав.

Украинскою «мовою», тую ж мы не забыли,

Со слезой пополам, оросили тебя, наш собрат

Павел!..

В холицевом переднике, перед мольбертом,

С итальянскою «мовою», вполне себе полиглот –

Вдруг восхищен был огненным вихрем смертным

В этот первый Небесный и последний земной полет.

*Как вериги, отбросив дома, фундаменты, крыши,
Даже кожу свою, как будто она – шелуха...
Виноградная косточка пробивается в Небо все выше,
Чтоб услышать: «Лоза? В этом климате?! – Неплоха...
В этом климате стылом, в этом тумане
Золотится Византия на твоих на досках...
Нас прости, недолюбленный нами –
Божьей Мати возлюбленный, Павел-монах!..
И когда заклубится закат, в твой ковчег залетая,
Пусть опять и опять пред тобой проплывут наяву
Город Псков, и деревня Гверстонь, вся осенняя, золотая –
А иначе зачем на Земле этой Новой живу...*

Псков, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Реальность христианства	5
-------------------------------	---

ХРИСТИАНСТВО И МИР

Владимир Френкель

Христианство и новый век.....	8
-------------------------------	---

Андрей Десницкий

Христианство-21, или Преодоление провинциальности.....	26
---	----

Павел Мейендорф

Таинство гостеприимства. Литургическое понимание гостеприимства и общения. <i>Перевод с английского священника Антония Лакирева ...</i>	70
---	----

«Где скрывается Бог сегодня?» –

беседа с главой Католической Церкви Латвии митрополитом Збигневом Станкевичем	89
--	-----------

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ХРИСТИАНСТВУ

Владимир Сорокин

Свобода и Царство.....	132
------------------------	-----

Иеромонах Иосиф Киперман

Введение	171
Церковь Иерусалима.....	172
Церковный менталитет	186
Истина и догмат	189
«Радуйся, Сионе».....	193
Антииудейская идеология и её плоды	196

Иннокентий Павлов

Быть христианами в постхристианскую эпоху 209

Протоиерей Владимир Зелинский

Между правдой и праздником 242

РЭП-ПОЭМА ИЛИ ЗАПИСКИ ПАЛОМНИЦЫ**Татьяна Дубровская**

Памятник Авессалому 270

СЛОВО ПАСТЫРЯ**Архимандрит Виктор (Мамонтов)**

Проповеди 297

Священник Владимир Лапшин

Проповеди 349

ПАМЯТИ БРАТА ПАВЛА**Татьяна Дубровская**

Неопалимая кисть 383

SOMMAIRE

La réalité du christianisme.....	5
----------------------------------	---

LE CHRISTIANISME ET LE MONDE

Vladimir Frenkel

Le christianisme et le siècle neuf.....	8
---	---

Andreï Desnitsky

Le christianisme au XXI ^e siècle, ou surmonter le provincialisme	26
--	----

Paul Meyendorff

Le sacrement de l'hospitalité. La conception liturgique de l'hospitalité et de la communion. <i>Traduit de l'anglais par le père Antony Lakirev.....</i>	70
--	----

« Où Dieu Se cache-t-Il à présent ? » – un entretien avec le chef de l'Église catholique en Lettonie, le métropolite Zbignevs Stankevičs	89
--	----

RETOUR AU CHRISTIANISME

Vladimir Sorokine

La liberté et le Royaume.....	132
-------------------------------	-----

Hiéromoine Iossif Kiperman

Préface.....	171
L'Église de Jérusalem	172
La mentalité ecclésiale.....	186
La vérité et le dogme.....	189
« Réjouis-toi, Sion ».....	193
L'idéologie antijuive et ses fruits	196

Innocent Pavlov

Être chrétien à une époque post-chrétienne..... 209

Archiprêtre Vladimir Zélinsky

Entre la vérité et la fête.....242

UN POÈME RAP OU LES NOTES D'UNE PÈLERINE**Tatiana Doubrovskaya**

Le monument à Absalon270

LA PAROLE DU PASTEUR**Archimandrite Victor (Mamontov)**

Homélies297

Père Vladimir Lapchine

Homélies349

À LA MÉMOIRE DU FRÈRE PAVEL**Tatiana Doubrovskaya**

Le pinceau ardent.....383

CONTENTS

The Reality of Christianity	5
-----------------------------------	---

CHRISTIANITY AND THE WORLD

Vladimir Frenkel

Christianity and the New Century	8
--	---

Andrei Desnitsky

Christianity-21, or Overcoming Provintiality	26
--	----

Paul Meyendorff

The Sacrament of Hospitality.

A Liturgical Understanding of Hospitality and Communion

<i>Transl. from English by Fr Anthony Lakirev</i>	70
---	----

“Where is God Hiding Today?” –

the Talk with the Head of the Catholic Church of Latvia

Metropolitan Zbignevs Stankevičs	89
---	----

RETURN TO CHRISTIANITY

Vladimir Sorokin

Freedom and the Kingdom	132
-------------------------------	-----

Hieromonk Joseph Kiperman

Introduction	171
--------------------	-----

The Church of Jerusalem	172
-------------------------------	-----

Church Mentality	186
------------------------	-----

The Truth and Dogma	189
---------------------------	-----

“Rejoice, o Zion”	193
-------------------------	-----

Anti-Judaic Ideology and its Fruits	196
---	-----

Innocent Pavlov

To be Christians in a Post-Christian Era 209

Archpriest Vladimir Zelinsky

Between Truth and Feast242

A RAP POEM, OR NOTES OF A PILGRIMESS**Tatiana Doubrovskaya**

The Monument to Absalom270

PASTOR'S WORD**Archimandrite Victor (Mamontov)**

Sermons297

Priest Vladimir Lapshin

Sermons349

IN MEMORIAM OF BROTHER PAVEL**Tatiana Doubrovskaya**

Burning Brush383

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2018)**

**Альманах «Христианос» – выпуски I–XXVII
Альманах «Отчий Дом»**

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» –
духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталья Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция))

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение
епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесеям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»
Статьи. Проповеди. Беседы